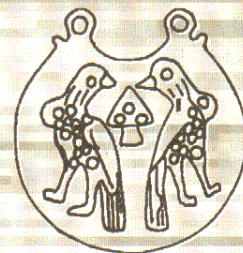

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Доклады
международной
научной
конференции,
посвященной
75-летию
профессора
Э. М. Загоруйского
и 30-летию
кафедры
археологии
и специальных
исторических
дисциплин БГУ

Минск, 16 января 2004 г.

Baer

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Доклады
международной
научной
конференции,
посвященной
75-летию
профессора
Э. М. Загорульского
и 30-летию
кафедры
археологии
и специальных
исторических
дисциплин БГУ

Минск, 16 января 2004 г.

МИНСК
БГУ
2004

УДК 931/939(063)4-940.1(063)
ББК 63.3(45)3я43+63.3(45)4я43
В78

Научный редактор
кандидат исторических наук, доцент *А. А. Егорейченко*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Е. Г. Калечиц*;
кандидат исторических наук, доцент *И. Н. Колобова*

Восточная Европа в древности и средневековье: Докл. междунар.
В78 науч. конф., посвящ. 75-летию профессора Э. М. Загорульского и 30-летию кафедры археологии и спец. ист. дисциплин БГУ. Минск, 16 янв. 2004 г. / Науч. ред. А. А. Егорейченко. - Мн.: БГУ, 2004. - 99 с.: ил.
ISBN 985-485-197-4.

В сборник включены доклады международной научной конференции «Восточная Европа в древности и средневековье», посвященной 75-летию профессора Э. М. Загорульского и 30-летию кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, состоявшейся 16 января 2004 г. Хронологически доклады охватывают время от железного века до позднего средневековья.

В научный оборот вводятся новые материалы по археологии, нумизматике и фалеристике, рассмотрен ряд проблемных вопросов древней истории.

Адресуется археологам, историкам, краеведам.

УДК 931/939(063)+940.1(063)
ББК 63.3(45)3я43+63.3(45)4я43

ISBN 985-485-197-4

© БГУ, 2004

К 75-летию ЭДУАРДА МИХАЙЛОВИЧА ЗАГОРУЛЬСКОГО

Для исторического факультета БГУ конец 2003 г. был знаменателен двумя событиями - 75-летием видного белорусского археолога и историка, профессора, доктора исторических наук, действительного члена Академии образования Республики Беларусь Э. М. Загорюльского и 30-летием созданной им кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин (с 2001 г. — кафедра археологии и специальных исторических дисциплин).

Эдуард Михайлович Загорюльский родился 18 декабря 1928 г. в г. Туле в семье кадрового офицера. После окончания школы он поступил на исторический факультет МГУ". Именно там проявился интерес к археологии, который Э. М. Загорюльский сохранил до сих пор. Окончив МГУ в 1953 г., он переезжает в г. Минск, где в 1954-1957 гг. продолжает обучение в аспирантуре Института истории АН БССР. В последующие годы молодой исследователь работает младшим научным сотрудником сектора археологии, ведет активную полевую и исследовательскую работу, которая завершилась защитой кандидатской диссертации в 1963 г.

В 1962 г. Э. М. Загорюльский переходит на преподавательскую работу в БГУ. Именно в университете, патриотом которого он был и остается, наиболее ярко раскрылся его талант ученого, педагога и организатора исторической науки. За более чем 40-летнюю научно-педагогическую деятельность им последовательно пройдены все ступени: от рядового преподавателя до профессора (1986 г.) и декана исторического факультета (1986-1991 гг.). Благодаря авторитету Э. М. Загорюльского стало возможным открытие на факультете в 1973 г. кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин.

Становление Э. М. Загорюльского как ученого относится к годам учебы в аспирантуре, когда ему было поручено продолжить после В. Р. Тарасенко археологическое изучение Минска. Активные полевые исследования города велись на протяжении 4 лет (1958-1961 гг.) и результаты их были обобщены им сначала в кандидатской диссертации, а затем в научно-популярной книге «Древний Минск» (1963 г.). Эта тема и в дальнейшем продолжала интересовать исследователя и была реализована в капитальном труде «Возникновение Минска». Монография «Возникновение Минска» до сих пор остается одним из лучших образцов источниковедческого анализа древнерусского города. Начиная с конца 60-х гг. в сферу научных интересов исследователя входит проблема происхождения и ранней истории славян. Узловые моменты этой кон-

цепции были изложены им в монографии «Древняя история Белоруссии. Очерк этнической истории и материальной культуры до IX в.» (1977 г.), докторской диссертации, защищенной в МГУ в 1984 г., и целом ряде статей.

Разработка теоретических положений и конкретных научных выводов у Э. М. Загоруйского во многом базируется на результатах собственных археологических исследований. Под его руководством были осуществлены самые крупные на территории Беларуси раскопки раннесредневекового города Минска. Много лет он посвятил исследованию поднепровских городов и замков: Городища, Копыси, Свислочи, Стрешина, Рогачева и др. Среди этих работ особого внимания заслуживают раскопки Вишинского замка XII-XIII вв., которые велись на протяжении 1976-1985 гг. Сенсационным открытием стало обнаружение уникального по своему составу и научной значимости денежно-вещевого клада. Итоги этой кропотливой работы подведены в монографии «Вишинский замок». Одновременно с изучением городских поселений Э. М. Загоруйский ведет раскопки погребальных памятников восточных славян - курганов в Заславле, Новосадах, Сеннице и других местах. В связи с разработкой этнических процессов исследователь много внимания уделял и изучению более ранних памятников. Им проведены раскопки городищ железного века: Кистени и Малышки.

Особого внимания заслуживает научно-педагогическая деятельность ученого. Его всегда отличали строго выверенные и в то же время яркие по мастерству изложения лекции. Раскрывая эту сторону работы, почти всегда хочется добавить слово «впервые». Задолго до перехода на новую систему подготовки специалистов Э. М. Загоруйский уже применял модульно-рейтинговую систему. Впервые на историческом факультете он ввел в практику тестирование студентов сначала на машинах КИСИ-5, а впоследствии на компьютерах. Э. М. Загоруйский - автор первого и пока единственного учебника «Археология Белоруссии» (1965 г.). По его инициативе и при непосредственном участии создан учебник «Историческое краеведение Белоруссии» (1980 г.). Существенным подспорьем для студентов исторических факультетов стало учебное пособие «Заходняя Русь IX-XIII стст.» (1998 г.).

Много внимания уделяет юбиляр подготовке учебников для средней школы. Он был одним из авторов «Истории БССР» (1984 г.). В последние годы им лично написаны учебники по «Гісторыі Беларусі» для 4-х (2001 г.), 5-х (1998 г.) и 6-х (1999 г.) классов. Для всех интересующихся историей страны Э. М. Загоруйский написал «Историю Беларуси в кратком изложении» (2002 г.). Нельзя не отметить участия ученого в подготовке ряда обобщающих трудов: «Гісторыі Беларускай ССР» (1972 г.) и «Гісторыі сялянства Беларусі» (1997 г.). Всего им опубликовано 10 авторских монографий и брошюр и свыше 100 статей.

За заслуги в научно-педагогической деятельности Э. М. Загоруйскому было присуждено почетное звание «Заслуженный работник образования Республики Беларусь». Он был избран действительным членом Академии образования Республики Беларусь.

Друзья, коллеги и многочисленные ученики искренне поздравляют Эдуарда Михайловича Загоруйского с юбилеем, желают ему здоровья и творческого долголетия.

А. А. Егорейченко

В. С. ВЯРГЕЙ
г. Мінск

**РАННЕСЛАВЯНСКАЕ
ЖЫТЛО
З ПАСЕЛІШЧА
ЛІПЛЯНЫ-6
НА р. УБАРЦЬ**

Парэчча Убарці - паўднёвага прытока р. Прыпяць - застаецца рэгіёнам, дзе практычна невядомыя помнікі перыяду рымскіх уплываў і пачатку ранняга сярэднявечча (Этнокультурная карта. 1985. Рис. 1, 7, 13, 19; Славяне Юго-Восточной Европы. 1990. Рис. 2, 17, 38, 53; Археалогія Беларусі. 1999. Мал. 96), таму публікацыя матэрыялаў раннеславянскага комплексу каля в. Ліпляны будзе садзейнічаць высвятленню характару этнакультурных працэсаў, якія адбываліся на гэтай тэрыторыі ў названы час.

Паселішча Ліпляны-6 выяўлена ў 1990 г. падчас разведаных прац Цэнтральнапалескага археалагічнага атрада ў басейне р. Прыпяць (Вергей, Кривальцевич, Кудряшов. 1991). Веска Ліпляны знаходзіцца прыкладна за 6 км на паўночны ўсход ад раённага цэнтра г. Лельчыцы. Паселішча Ліпляны-6 размешчана прыблізна за 3 км на паўночны ўсход ад вёскі, на краі надпоплаўнай тэрасы левага берага р. Убарць, на беразе старычнага возера, на вышыні 1,5-2 м па-над поплавам. Займае плошчу прыкладна 70x120 м. Ва ўсходняй частцы паселішча культурны пласт разрываецца, а ў заходняй частцы ён знішчаны падчас будаўніцтва дамбы, якая ў гэтым месцы робіць паварот з паўднёвага захаду на поўнач і цягнецца ўздоўж Убарці (мал. 1). На паверхні помніка сабрана 7 фрагментаў неалітычных сасудаў, дэкараваных насечкамі, грабеньчатым штампам і працэрчанымі лініямі, 11 абломкаў ляпнога посуду, упрыгожанага лінейным штампам сярэднядняпроўскай і 7 фрагментаў керамікі ўсходнетшынепкай культуры эпохі бронзы. У глінянай масе посуду эпохі неаліту прасочваюцца раслінныя да-

мешка і жарства, у цесце сасудаў перыяду бронзы назіраецца жарства розных паме-раў, а паверхня некаторых сасудаў ангабі-раваная. У калекцыі крамянёвых вырабаў прысутнічаюць чарашковы наканечнік стралы, скрабло, скрабкі, пласціны з рэ-тушаваным краем, адшчэпы, нуклеусы і інш. (Вопіс матэрыялаў эпох неаліту і бронзы зроблены М. М. Крывальцэвічам і В. Я. Кудрашовым.)

На мяжы ворыва і знішчанага пры бу-даўніцтве дамбы культурнага пласта заўважана скапленне абпаленай гліны. Даследаванне прылеглай тэрыторыі дало магчымасць выявіць рэшткі катлавана жылой пабудовы у выглядзе цёмна-шэрай з чорным плямы прамавугольных абры-саў. Паўночная і ўсходняя яго сценкі за-хаваліся адпаведна па 2,6 і 3 м, а яго паўднёвая і заходняя сценкі знішчаны. Калі меркаваць па найбольш ацалеламу паўночна-ўсходняму кутку катлавана, ніжняя частка паўзямлянківага жылля была паглыблена у мацярык прыкладна на 0,35 м і арыентавана сценамі па старонках свету. Канструкцыя сценаў буды-ніны хутчэй за ўсё зрубная, абагравалася жылло глінабітнай печчу, якая размяшча-лася на паддозе ў яго паўночна-заходнім кутку (мал. 1). Развал печы дасягаў у дыяметры да 1,3 м і у вышыню да 0,32 м. У цэнтральнай частцы развала канцэнт-раваліся камякі абпаленай гліны чырво-нага колеру ўперамежку з вуголлем, по-пелам і невялікай колькасцю абломкаў ляпнога посуду. Па краях знаходзілася гліна шэрага колеру з уключэннямі дроб-ных камянёў і кавалкаў абпаленай чырво-най гліны. У ніжняй частцы развала пра-сочваўся чарэнь печы дыяметрам каля 0,8 м. Ён складаецца з тонкага, да 3 см, цагляста-чырвонага колеру пласта пера-паленай гліны, які ў верхняй частцы на-бываў амаль чорны колер. Акрамя фраг-ментаў ляпнога глінага посуду у разва-ле печы знойдзены чатыры невялікія ка-валкі гліняных «хлебцаў».

Чатырохкутныя паўзямлянкі, у плане блізкія да квадрата, з ацяпляльным збуда-ваннем, размешчаным у кутку, характэр-

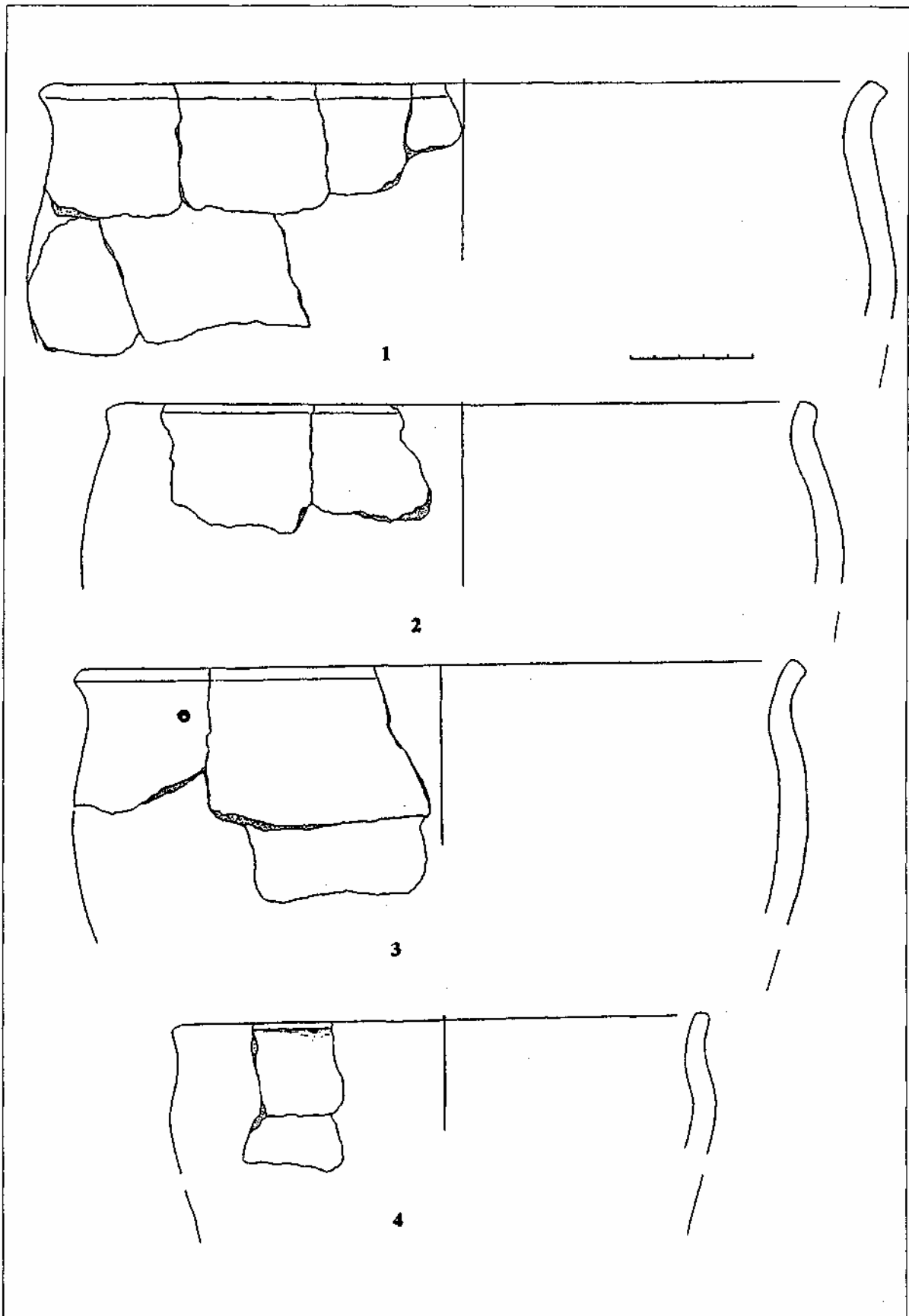
ныя для славянскага насельніцтва праж-скай культуры па ўсім арэале яе рас-паўсюджвання (Русанова. 1976. С. 44-48; Баран. 1988. С. 33-39; Parczewski. 1988. S. 55-63; Fusek 1994. S. 128-134 і інш.). Бліжэйшым рэгіёнам, дзе сустракаюцца глінабітныя печы, з'яўляецца міжрэчча За-ходняга Буга і Гарыні, але прынцып іх бу-довы іншы. На селішчах каля вёсак Рып-ніў, Гарадок, Зозіў, Падрывжа, Зімна ў паўзямлянках выяўлены печы, ніжняя частка якіх выразана ў спецыяльна пакіну-тым гліняным астанцы альбо ў прынесе-ным звонку і ўтрамбаваным масіве гліны, а купал збудаваны з «валькоў» цыліндрыч-най, авальнай альбо конусападобнай фор-мы без драўлянага каркаса (Баран. 1972. С. 22-30; Русанова. 1976. С. 47; Гавриту-хін. 1993. С. 104; Гавритухін. 1998. С. 174-177). На тэрыторыі Полынчы, у басейне верхняй і часткова сярэдняй Віслы на паселішчах пражскай культуры Чвар-тэк-Люблін, Мацькувка, магчыма, Злотнікі (Parczewski. 1988. S. 59), Гродзіско Доль-нэ (Podgorska-Czopek. 199. S. 21) сустра-каюцца купальныя печы, збудаваныя з глі-ны і дробнага камення. На селішчы Іга-ломя ніжняя частка печы ў выразалася ў лесавым астанцы (Dobrzanska. 1998. S. 75-83), а на селішчы у Сверхшчове Кало-ніі аснова печы частісова выразана ў гліня-ным астанцы, а часткова вылеплена з пры-несенай гліны (Zakoscielna. Gurba. 1994. S. 14). На думку даследчыкаў, гліняныя купальныя печы ў акрэсленым рэгіёне ад Заходняй Валыні да вярхоўя Віслы з'яўля-юцца ў пачатку ранняга сярэдневякоўя (V- пачатак VI ст.), а пазней пашыраюц-ца і на некаторыя іншыя тэрыторыі, заня-тыя славянамі (Русанова. 1976. С. 47; Par-czewski. 1988. S. 60; Гавритухін. 1993. С. 104-110). На найбольш ранніх праж-скіх паселішчах Беларускага Палесся Вос-траў, Петрыкаў 1 і 2 жыллы ацяпляліся аг-менямі, аснову канструкцыі якіх складалі камяні і металургічны жужаль (Еюрей-ченко. 1991. С. 63-66; Вяргей. 1999. С. 321-323). Гліняныя купальныя печы на драўляным каркасе зафіксаваны ў жыллах VII ст. на селішчы Струга 1, размешчаным

на левым беразе Гарыні (Вяргей. 1993. С. 64—66). 16 жытлаў з падобнымі па канструкцыі печамі даследаваліся на селішчы VIII-X ст. Хотамель, якое знаходзіцца за 15 км на паўночны ўсход ад Струп (Кухаренко. 1961. С. 25, 26; Русанова. 1976. С. 47). Прыведзеныя факты дазваляюць меркаваць, што звычай выкарыстання ў якасці ацяпляльнага збудавання у жытлах глінабітных печаў з'яўляецца ў Беларускам Палессі на паселішчах малодшага этапу пражскай культуры.

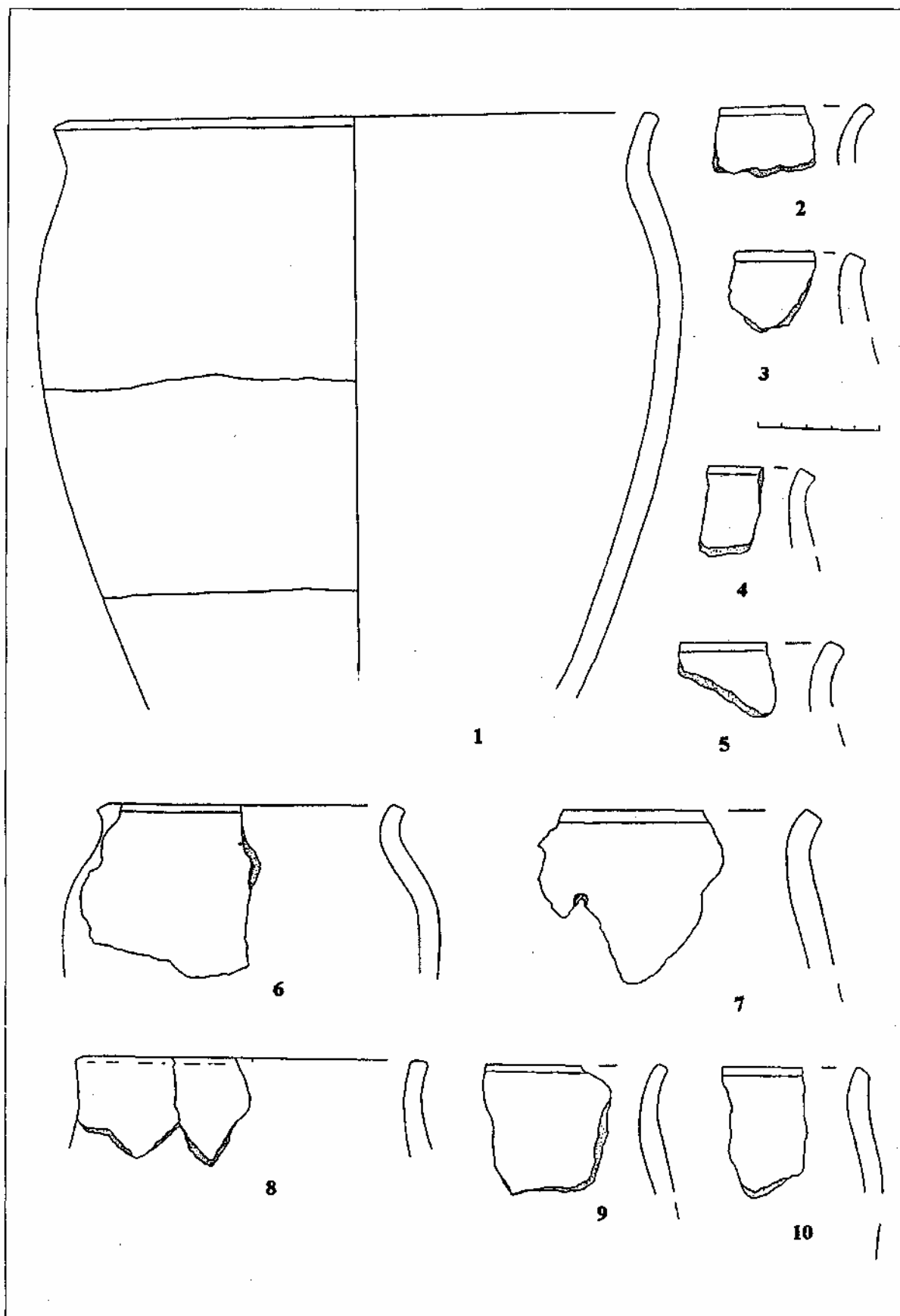
Абломкі «хлебцаў» маюць цагляста-чырвоны колер, яны выраблены са шчыльнага глінянага цеста з дамешкамі пяску (мал. 4: 12—14). Маюць форму плазаватага шара, іх дыяметр каля 7-8 см. Падобныя вырабы сустракаюцца на пражскіх помніках Палесся, Валыні, Польшчы (Русанова. 1973. С. 17; Parczewski. 1989. S. 44; Парчевский. 1999. С. 191; Podgyrska-Czopek. 1991. S. 27-30; Zakoscielna. Gurba. 1993. S. 12; Гавритухин. 1993. S. 103; Вяргей. 1993. S. 64, 65). Звычайна «хлебцы» знаходзяць у развалах глінабітных печаў і запаўненні жылых памяшканняў, аднак яны сустракаюцца і ў гаспадарчых ямах (Русанова. 1973. С. 17), у культурным пласце (Parczewski. 1998. S. 133-144), у рэштках металургічных печаў (Вяргей, Трымер. 1998. С. 27-35). На паселішчы Кажан-Гарадок, размешчаным на левым беразе Прыпяці, «хлебцы» знойдзены у жытле каля агменю, збудаванага з камянёў і кавалкаў балотнай руды (Гурын. 1994. С. 159). Прызначэнне «хлебцаў» застаецца дыскусійным, частка даследчыкаў лічыць, што яны маюць рытуальны характар (Русанова. 1976. С. 50; Гавритухин. 1993. С. 103), на думку іншых, яны ўваходзілі ў канструкцыю купала печаў (Баран. 1972. С. 23-30; Парчевский. 1999. С. 191) альбо выкарыстоўваліся ў якасці грузілаў ці падставак для ўтрымання гаршкоў у вертыкальным стане на печы (Zakoscielna. Gurba. 1993. S. 13).

У развале печы і цёмна-шэрым супеску запаўнення катлавана жытла знойдзены фрагменты прыкладна ад дзесятка

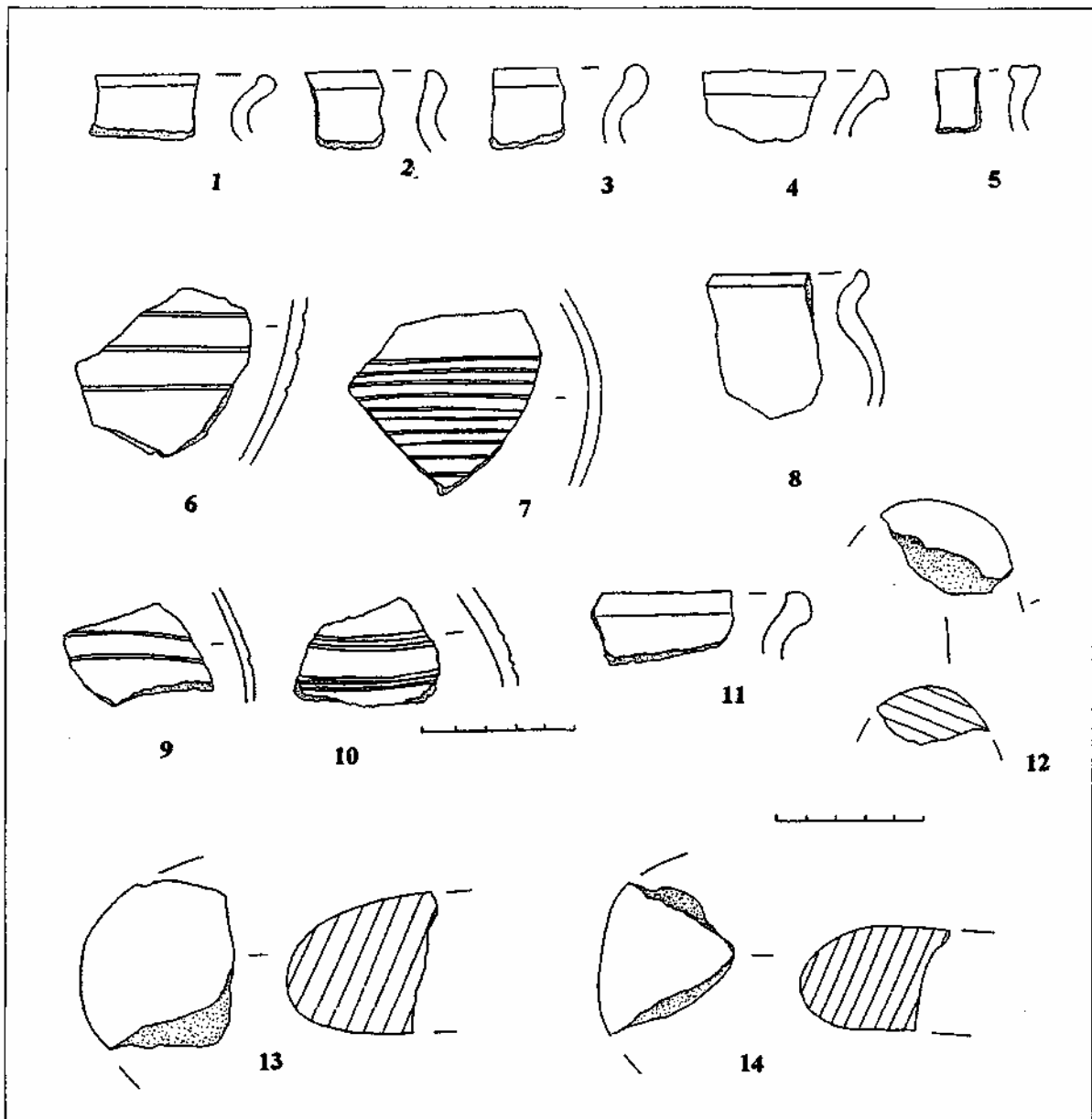
грубаляпных гаршкоў пражскага тыпу. У большасці сасудаў цеста даволі рыхлае, са значнымі дамешкамі жарствы розных памераў ад 1 да 5 мм у дыяметры. Найбольш дробныя фракцыі жарствы маюць светлы, амаль белы колер. Паверхня гаршкоў ад выпіраючых на ей дамешак навобмацак шурпатая альбо бугрыстая. Абпал сасудаў нераўнамерны, яны маюць карычнева-шэры з чарнаватымі плямамі, сівавата-шэры, карычнявата-чырвоны колер. Таўшчыня сценак вагаецца ў межах 0,6-1,2 см. Вылучаецца група вялікіх, з дыяметрам вусця 24-35 см, і сярэдніх, дыяметрам 12—18 см, гаршкоў (мал. 2, 3). Адзін з сасудаў узноўлены на вышыню да 23 см, дыяметр яго вусця 24 см, дыяметр асновы шыікі 23,3 см, дыяметр найбольшага пашырэння 25,9 см (мал. 3: 1). Па марфалагічных параметрах гаршкі даволі аднастайныя. Яны маюць рознай даўжыні адхіленую вонкі шыіку, коса зрэзанае венца, слаба выпуклыя акруглыя плечыкі, змешчаныя ў верхняй траціне вышыні сасуда. Блізкія формы ляпнога посуду сустракаюцца па ўсім арэале распаўсюджвання пражскай культуры. Паводле распрацаваных для керамічнага комплексу пражскай культуры храналагічных калонак, па сваіх марфалагічных прыкметах сасуды з жытла на паселішчы Ліпляны-6 могуць быць аднесены да яе малодшай фазы развіцця. У адпаведнасці з класіфікацыйнай схемай І. П. Русанавай формы верхніх частак посуду жытла ў Ліплянах блізкія 5-6 варыянтам першага тыпу сасудаў і адзначаны ў жытле 6 на селішчы Нязвіско, у жытлах 3 і 4 у Гульску, у жытлах 11, 13, 15-17, 22, 26 у Гарадку, на селішчы Дзям'янаў, варыянты 4-6 характарызуюць комплекс жытла 5 у Падрыжжы, а варыянты 3-6 зафіксаваны ў ніжнім пласце гарадзішча Хотамель, у жытлах 4, 7, 9, 10 на селішчы Зялёны Гай і у жытлах 5, 11 у Цецераўцы, якія, на думку даследчыцы, існавалі у VII - пачатку VIII ст. (Русанова. 1976. С. 21-29). Згодна з сістэматыкай М. Парчэўскага верхнія часткі гаршкоў з жытла у Ліплянах нагадваюць варыянты Da, Db і Dd

Мал. 2. Ліпляны-6. Ляпная кераміка з запаўнення жылла (1-3)
і культурнага пласта паселішча (4)

Мал. 3. Ліпляны-6. Ляпная кераміка з развала печы (1, 6, 7, 10),
запаўнення жытла (2-5) і культурнага пласта паселішча (8, 9)

Мал. 4. Ліпляны-6. Ганчарная кераміка з запаўнення жытла (6, 7, 10) і культурнага пласта (1-5, 8-9, И), гліняныя «хлебцы» з развала печы ў жытле (12-14)

ляпнога пражскага посуду з тэрыторыі Польшчы. Падобныя формы, па яго назіраннях, сустракаюцца у комплексах як старэйшай, так і малодшай фаз развіцця пражскай культуры. Аднак адсутнасць дыягнастуючых ранні перыяд верхніх частак гаршкоў тыпу Ва, Vd, Ve і Ea хутчэй паказвае на малодшы характар комплексу жытла ў Ліплянах (Parczewski. 1988. S. 51-66).

Схему храналагічнага развіцця пражскай керамікі ў арэале распаўсюджвання архаічных глінабітных печоў прапанаваў

І. А. Гаўрытухін (Гавритухин. 1998. С. 171-207). На падставе групіроўкі комплексаў, па ўстойлівым спалучэнні варыянтаў венцаў і мадыфікацыі верхніх частак ён вылучыў чатыры храналагічныя перыяды бугска-валынскага варыянта пражскай культуры. Па марфалагічных параметрах комплекс жытла ў Ліплянах займае пазіцыю, блізкую трэцяму альбо чацвёртаму этапам, вылучаным І. А. Гаўрытухіным, што па абсалютным датаванні змяшчаецца ў рамках ад сярэдзіны VI па VII ст. уключна (Гавритухин. 1998.

С. 171-207). Абапіраючыся на названія схемы, якія распрацаваны з улікам храналагічных індыкатараў і адлюстроўваюць генеральную тэндэнцыю развіцця пражскай керамікі, комплекс жытла ў Ліплянах можна аднесці да VII ст., бліжэй да яго сярэдзіны.

Акрамя ляпной на паверхні помніка сабрана ганчарная кераміка, тры фрагменты якой выпадкова апынуліся ў верхняй частцы запаўнення жытла (мал. 4: 6, 7, 10). Яна прадстаўлена сценамі сасудаў, арнаментаваных кругавым лінейным арнаментам (мал. 4: 1—4), альбо іх шыйкамі (мал. 4: 6-11), толькі адзін фрагмент захаваўся да найбольшага пашырэння гаршка (мал. 4: 5). Дыяметр іх вусцяў вагаўся ў межах 12-18 см, колер па-

верхні бежавы з ружовым адценнем, карычневы, шэры, альбо шэра-карычневы. У цэсце асобных экзэмпляраў можна заўважыць дамешкі дробнай жарствы (мал. 4: 11). Блізкія формы кругавых гаршкоў былі шырока распаўсюджаны ў XIII-XIV ст. па ўсёй тэрыторыі Беларусі і адзначаюцца ў культурных напластаваннях і аб'ектах старабеларускіх гарадоў: Турава, Пінска, Берасця (Лысенко. 1974. С. 62-64, 111-114, 138-139, 158-160), Мінска (Загорульскі. 1982. С. 235-242), Ваўкавыска (Зверуго. 1975. С. 61-72), Заслаўя (Заяц. 1995. С. 190. Рис. 55), Гародні (Трусаў, Собаль, Здановіч. 1993. Мал. 60), Полацка, Лукамля (Штыхов. 1978. С. 36-38, 50-51, 67-69, 74-79) і інш.

ЛІТАРАТУРА

1. Археалогія Беларусі. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн., 1999. Т. 2.
2. Баран В. Д. Ранні слов'яні між Дністром і Прип'ятцю. Київ, 1972.
3. Баран В. Д. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев, 1988.
4. Вяргей В. С., Кривальцевич Н. Н., Кудряшов В. Е. Отчет о полевых исследованиях Центральнополюсского отряда в бассейнах рек Оресь, Уборти и Горыни // Архіў Інстытута гісторыі НАНБ. Справа № 1227 а, б. 1991.
5. Вяргей В. С. Раннеславянское поселение Струга I на нижней Горыни // Archaeoslavica. 1993. №2.
6. Вяргей В. С., Трымер В. Раннеславянскае селішча Снядзін-2 // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Мн., 1998.
7. Вяргей В. С. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі Райкавецкай // Археалогія Беларусь Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Т. 2. Мн., 1999.
8. Гавритухин И. О. Раннеславянские памятники в районе Зимневского городища // Archaeoslavica. 1993. № 2.
9. Гавритухин И. О. Горизонт пражской культуры поселения Зимно 4 // Archaeoslavica. 1998. № 3.
10. Гурьин М. Ф. Кажан-Гарадок - паселішча пражской культуры // ГАЗ. 1994. № 5.
11. Егорейченко А. А. Поселение у д. Остров Пинского района Брестской области // Archaeoslavica. 1991. № 1.
12. Загорульскі Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982.
13. Заяц Ю. А. Заславль в эпоху феодализма. Мн., 1995.
14. Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X-XIV вв. Мн., 1975.
15. Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е1-57. М., 1961.
16. Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974.
17. Парчевський М. Ранньослов'янські знахідки із с. Миляновичі на Західній Волині // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. э. Київ; Львів, 1999.
18. Русанова И. П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1-25.

19. *Русанова И. П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.
20. Славяне Юго-Восточной Европы в догосударственный период. Киев, 1990.
21. *Трусаў А. А., Соболь В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродна XI-XVIII стст. Мн., 1993.
22. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Мн., 1978.
23. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.
24. *Dobrzanska H.* Wczesnosłowiańska osada w Igołomi // *Archaeoslavica*. 1998. № 3.
25. *Fusek G.* Slovensko vo včasnoslovanskom období. Nitra, 1994.
26. *Parczewski M.* Nowe materiały wczesnosłowiańskie z Polski południowo-wschodniej // *Archaeoslavica*. 1998. № 3.
27. *Parczewski M.* Najstarsza faza kultury wczesno-słowiańskiej w Polsce. Kraków, 1988a.
28. *Parczewski M.* Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce // *Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*. Wrocław ets., 1988b.
29. *Parczewski M.* Zukowice pod Głogowem w zaraniu średniowiecza. Głogów, 1989.
30. *Podgorska-Czopek J.* Materiały z wczesnosłowiańskiej osady w Grodzisku Dolnym, stan 3. Woj. Rzeszów // *Archaeoslavica*. 1991. № 1.
31. *Zakoscielna A., Gurba J.* Obiekt mieszkalny z początków wczesnego średniowiecza ze stanowiska 28 w Swierszczowie kolonii, woj zamojskie // *Archaeoslavica*. 1993. № 2.

А. А. ЕГОРЕЙЧЕНКО

г. Минск

**ОСНОВНЫЕ
ФОРМЫ ПОСУДЫ
КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕЙ
ШТРИХОВАННОЙ
КЕРАМИКИ**

Культура штрихованной керамики, выделенная и охарактеризованная А. Г. Митрофановым, воспринимается всеми исследователями как единое целое, несмотря на кардинальные изменения, наблюдаемые на ее памятниках первых веков н. э. в отличие от более ранних. Эти новации обычно связывают с процессом эволюционного развития культуры, в ходе которого происходит трансформация различных элементов общности. Такое утверждение было бы правомочным в случае постепенного изменения черт, фиксируемых прежде всего в материальной культуре, с элементами преемственности предшествующей эпохи. На самом деле в I в. до н. э. происходит резкое изменение практически всего облика культуры, которое дает основание для разделения ее на две самостоятельные: культуру ранней штрихованной керамики (КРШК) и культуру поздней штрихованной керамики (КПШК) (Егорейченко. 2000. С. 168-171; Егорейченко. 2001. С. 36-41; Егарэйчанка. 2002. С. 67-70). Одними из важнейших критериев, фиксирующих переход от одной культуры к другой, являются различия в формах и орнаментации глиняной посуды. На смену баночным и слабопрофилированным сосудам приходят ребристые горшки. Именно они составили основу керамического комплекса носителей новой общности.

В технологии изготовления новой посуды, с одной стороны, наблюдаются черты сходства с приемами гончарного производства носителей КРШК, а с другой - нельзя не отметить и существенные отличия. Для выяснения характера изготов-

ленил ребристых горшков были привлечены материалы семи исследованных городищ КПШК, расположенных в различных местах белорусской части ареала (Большие Споры Поставского р-на, Воронча Кареличского р-на, Вязынка Молодечненского р-на, Збаровичи Минского р-на, Ивань Слуцкого р-на, Кащеличи Воложинского р-на, Малышки Вилейского р-на) с использованием доступных и достоверных данных по поселениям Восточной Литвы и Юго-Восточной Латвии.

Основой формовочной массы всех без исключения ребристых горшков составляли глина и зерна дресвы. Величина последних имеет заметные отличия в зависимости от географической локализации поселений. Как и ранее, в качестве отощающей примеси использовали крупную дресву (более 2 мм в поперечнике). Ее удельный вес особенно велик на городищах Восточной Литвы. По данным А. А. Бобринского, в Аукштадварисе крупная дресва составляла 92 %, мелкая - 5,6 % (Бобринский. 1978. С. 247). Ее доминирование отмечено и на поселениях Юго-Восточной Латвии (Васке. 1991. С. 69).

На анализируемых городищах белорусской части ареала формовочная масса посуды заметно отличается. Преобладание крупной дресвы отмечено только на трех памятниках: Вязынка - 65 %, Збаровичи - 63 %, Кащеличи - 56 % (рис. 1). Все остальные диагностируют большее процентное содержание в глине мелкой и средней дресвы (до 1,9 мм): Большие Споры - 56 %, Воронча - 75 %, Ивань - 74 %, Малышки - 48 %. Обращает на себя внимание тот факт, что мелкая примесь в основном характерна для южных пределов культуры (Воронча, Ивань). Практически на всех поселениях этой зоны в глиняном тесте сосудов присутствует слюда (Большие Споры — 21 %, Воронча - 26 %, Вязынка - 41 %, Збаровичи - 38 %, Ивань - 41 %, Кащеличи - 47 %, Малышки - 5 %). Как отмечают исследователи, дресва в ряде мест была не единственным видом добавки. На горо-

дище Няменчине в Литве наряду с ней зафиксирована и органика (Бобринский. 1978. С. 247). Органическая примесь в виде навоза отмечена также на поселении Керкузы в Юго-Восточной Латвии (Васке. 1991. С. 69).

Основной программой, применявшейся при конструировании начина, была донно-емкостная. Она превалировала на всей территории распространения культуры. Наряду с ней могла применяться и донная программа (Бобринский. 1978. С. 253). При формировании полого тела чаще использовался лоскутной спирально-зональный налеп или кольцевой налеп из жгутов (Бобринский. 1978. Табл. 30, 33; Васке. 1991. С. 70). По сравнению с посудой КРШК горшки имеют более тонкие стенки. Их толщина, как правило, составляет 0,5-0,6 см.

Обжиг сосудов КПШК производился на костре, отчего на некоторых из них прослеживаются пятна различных оттенков из-за неравномерности нагрева. В целом же отмечено преобладание керамики светлых тонов (серых, бежевых, светло-коричневых) над темными (темно-серыми, коричневыми, темно-коричневыми и черными). Последние составляют незначительный процент (Большие Споры - 16 %, Воронча - 2 %, Вязынка - 6 %, Збаровичи - 15 %, Малышки - 43 %). Исключение составляют два городища, на которых процентное соотношение светлых и темных сосудов примерно равное: Ивань - 48/52 %, Кащеличи - 50/50 %. В КРШК тенденция была обратной.

Для КПШК были характерны преимущественно горшки ребристых форм, различающиеся между собой характером изогнутости венчика и оформлением его края. Единой типологии, которая учитывала бы региональные особенности, для этой посуды не существует. Один из основных исследователей культуры А. Г. Митрофанов в результате анализа керамического комплекса ряда городищ Средней Беларуси выделил два типа, А и Б, различающихся между собой пропорциями

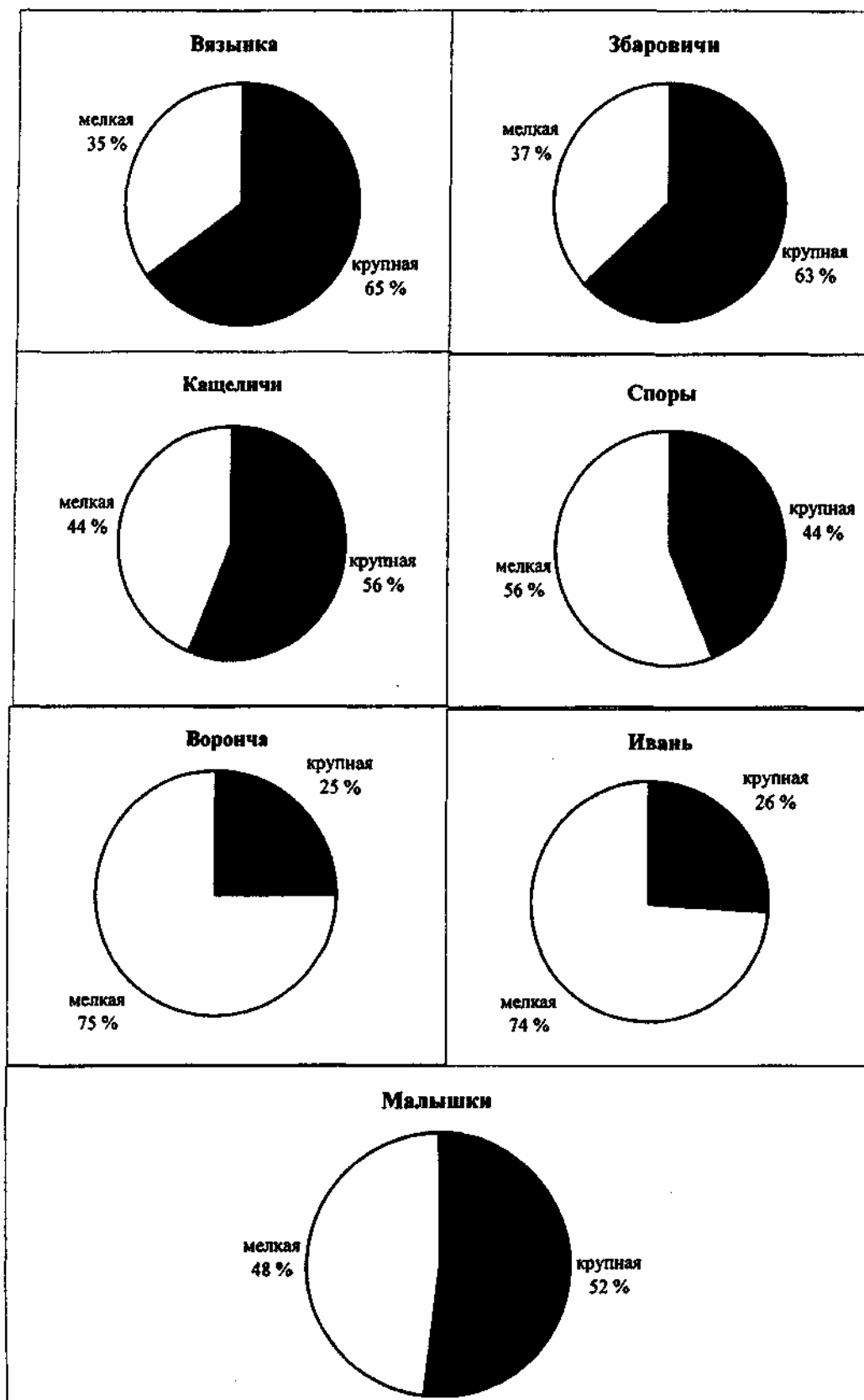

Рис. 1. Соотношение крупной и мелкой дресвы в формовочной массе горшков КПШК в белорусском ареале

(Митрофанов. 1978. С. 31). Предложенная исследователем типология не может быть применима, поскольку целые или реконструируемые формы горшков представлены единичными экземплярами, а фрагментированные части, как правило, не дают данных для основных характеристик. В свою очередь, Е. Григалавичене, анализируя ребристую посуду из городищ Литвы, отдельные типы вообще не выделяла (Grigalaviciene. 1986a. Pav. 29; Grigalaviciene. 1986b. Pav. 38:a). Сравнительно развернутую типологию ребристой керамики Юго-Восточной Латвии предложил А. В. Васке. На основании профилировки верхних частей сосудов он выделил два типа, К1 и К2, внутри которых могут быть варианты в зависимости от оформления края венчика (Васке. 1991. С. 22. Рис. 1). Предложенная этим исследователем схема наиболее полно отражает типологические различия ребристых горшков и может быть принята за основу. Необходимо отметить, что она уже используется отдельными белорусскими археологами с учетом местных особенностей культуры (Медведев. 1996. С. 38. Рис. 81; Ильютик. 1998. С. 27, 28. Рис. 3: 31-41).

Пригодный для анализа керамический комплекс, прежде всего венчики, показывает, что среди ребристых горшков можно выделить три типа, которые различаются между собой по форме изгиба венчика: 1) сосуды с прямым склоненным внутрь венчиком; 2) сосуды с вертикально поставленным венчиком; 3) сосуды, у которых край венчика отогнут наружу (рис. 2).

Следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев все типы ребристых горшков в отличие от слабопрофилированных и баночных КРШК имеют уплощенный срез венчика. Их варианты особенности связаны с оформлением окончаний венчиков. Вариант А: венчики равномерной толщины (вариант I по А. В. Васку). Характерны для всех трех типов горшков. Вариант Б: утолщающийся к срезу венчик (вариант М по А. В. Вас-

ку). Подобное завершение присуще для части горшков второго типа. Вариант В: плоский срез венчика с Г-образным выступом с лицевой стороны (вариант Т1 по А. В. Васку). Горшки подобной формы также характерны для второго типа. Вариант Г: Т-образное оформление среза венчика. Такие сосуды отмечены в Юго-Восточной Латвии. Вариант Д: капелированный венчик. Горшки такого облика представлены единичными экземплярами на городище Збаровичи.

У всех без исключения типов горшков максимальное расширение приходится на ребро, расположенное в верхней трети высоты. Степень ребристости у различных сосудов выражена по-разному. Наиболее отчетливо, точнее резко, ребро прослеживается на горшках из Юго-Восточной Литвы (Аукштадварис, Няменчине). Невыразительный, часто сглаженный перелом характерен главным образом для северной части ареала культуры (Северо-Восточная Литва, Юго-Восточная Латвия, Северо-Западная Беларусь). В других местах (Центральная Беларусь, Предполесье) отмечены и ярко выраженные ребристые горшки, и горшки со сглаженным, почти снивелированным ребром. Объяснить это только с позиций хронологических изменений, как это делал А. Г. Митрофанов, невозможно (Митрофанов. 1978. С. 32). Сосуды с нечетливым, практически утраченным ребром встречаются на всем протяжении культуры, даже в период ее максимального расцвета в I-II вв. н. э. (Вязынка, Ивань, Малышки, Мысли, Збаровичи и др.).

Заметно отличается характер и направленность штриховки ребристых горшков от баночных и слабопрофилированных сосудов КРШК. Как правило, штриховка в первых веках н. э. наносилась на тулове, от ребра до дна. При этом собственно венчик оставался гладким. Исключение составляют горшки I типа. В ряде случаев у них отмечена горизонтальная штриховка венчика и вертикальная либо диагональная - тулова.

Для большинства горшков КРШК доминирующей была вертикальная штриховка, процент которой колеблется от 69 (Малышки) до 90 (Большие Споры, Ивань). Беспорядочная штриховка, столь характерная для посуды КРШК, в процентном отношении занимает второе место. Ее доля составляет от 5 % (Большие Споры) до 24 % (Збаровичи). На ряде городищ белорусского ареала отмечена диагональная штриховка тулова, однако в количественном отношении она значительно уступает двум предыдущим: от 1 % (Ивань) до 7 % (Малышки). Среди редких видов бороздчатой обработки поверхности можно отметить горизонтальную штриховку (Збаровичи — 1 %, Большие Споры- 5 %) и перекрестную, в результате которой формировалась квадратная или ромбическая орнаментация штриховки (Вязынка - 1 %, Воронча, Ивань, Малышки- 3 %).

Одной из отличительных черт ребристых горшков является орнаментация. Она более разнообразна по способам нанесения и видам декора, чем у баночных и слабопрофилированных сосудов КРШК. В первых веках н. э. значительно увеличивается количество орнаментированных горшков, достигая на отдельных поселениях до 25 % (Ивань). Как правило, декор наносился на ребре сосуда, иногда с переходом на тулово, реже — на венчике. По способу нанесения выделяются следующие виды орнамента: 1) защитной; 2) ямочный; 3) пальцевые вдавления; 4) ногтевой; 5) нарезной; 6) оттиски специального штампа. На посуде некоторых поселений отмечены комбинации, состоящие из двух и более видов.

Самым распространенным способом декорирования посуды был защитной, представленный двумя вариациями: горизонтальными и вертикальными. Преобладают первые. В отдельных случаях защитные наносились под небольшим углом друг к другу, образуя в целом волнистую линию (Danilaite. 1968. Pav. 2: 9, 10). Подобное декорирование в большей степени характерно для горшков из поселе-

ний Восточной Литвы, в меньшей — для сопредельных районов Беларуси. В целом пальцевые защитные известны во всем ареале культуры.

Вторым по численности является ямочный орнамент. Как и защитной, он чаще всего наносился на ребре горшка в одну линию через определенные интервалы. На отдельных фрагментах горшков ямки сгруппированы в треугольные композиции. Следует отметить, что диаметр ямок меньше, чем у горшков КРШК. Он редко превышает 0,3-0,4 см. Этот вид орнамента также встречается во всем ареале культуры.

Остальные виды нанесения декора имеют более редкое распространение. На территории Восточной Литвы, особенно в среднем течении Немана, часты находки с оттисками прямоугольного и квадратного штампа, составляющие геометрические композиции (Danilaite. 1968. 1 pav.). В белорусском ареале культуры он встречается редко, главным образом в бассейне Вилии, хотя отдельные находки посуды с подобным орнаментом найдены и южнее, в верховьях левобережных притоков Вилии. Здесь прямоугольные вдавления, как правило, располагались на ребре в одну линию.

Для Восточной Литвы был типичен и орнамент в виде пальцевых вдавлений, нанесенных в основном в районе ребра. Для посуды белорусского ареала он малохарактерен. Однако здесь на ряде городищ (Кащеличи, Малышки, Мысли) отмечены пальцевые вдавления по краю венчика, вследствие чего он приобретал волнистую форму (Митрофанов. 1978. Рис. 16: 1; Гурин. 2000. Рис. 3: 10).

Следующим видом орнамента был ногтевой, также расположенный на ребре сосудов. По способу нанесения он близок к пальцевым защитным, что дало повод А. Г. Митрофанову считать его деградированной формой этого приема на горшках из поздних памятников (Митрофанов. 1978. С. 33). С такой точкой зрения трудно согласиться, поскольку отпечатки ногтей на посуде встречаются и на ран-

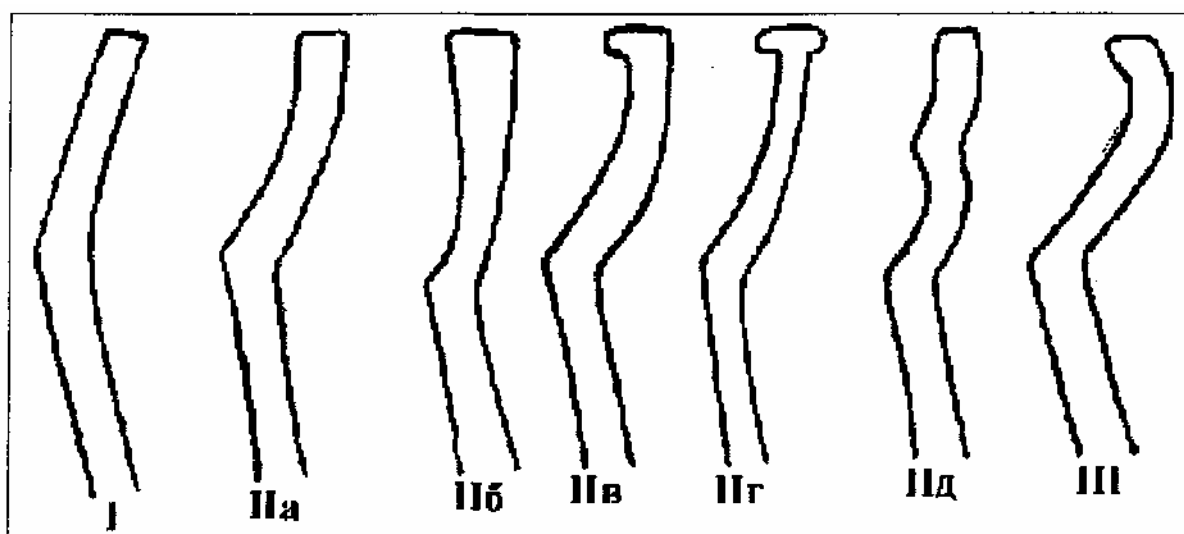

Рис. 2. Типология горшков КПШК

них памятниках культуры (Ивань). Ногтевые вдавления, как и защипы, могли быть вертикальными и горизонтальными, причем первые для территории Беларуси не характерны.

Орнамент в виде нарезных линий был наименее распространенным. В подавляющем большинстве его наносили на заглаженном венчике. В композиционном плане он достаточно разнообразен: 1. Вертикально прочерченные линии, нередко сгруппированные по две-три в пучок. Как разновидность выделяется орнамент, отмеченный в Ивани в виде пяти вертикальных линий, крайние из которых увенчаны «флажками». 2. Зигзагообразный орнамент из сдвоенных линий. 3. Х-образные композиции. 4. Волнистая линия. Подобные виды орнамента в большей степени характерны для посуды поселений белорусского ареала (Збаровичи, Ивань, Кашчеличи, Лабенщина, Малышки, Ревячка) (Митрофанов. 1978. Рис. 16: 1. Рис. 18: 4; Егорейченко. 1996. Рис. 24: 3-9). Нетрудно заметить, что многие из этих композиций (зигзаги, пучки, «флажки», Х-образные линии) сопоставимы с орнаментами, встречающимися на глиняных пряслицах этой же культуры.

На некоторых горшках отмечены композиции, выполненные несколькими орнаментальными приемами. Так, на одном сосуде из Лабенщины имелся

комбинированный узор из нарезных линий и защипов. Первые формировали сдвоенный зигзагообразный рисунок на заглаженном венчике. Ниже, собственно на ребре, были нанесены в один ряд горизонтальные защипы, а под ними на тулове размещены три группы вертикальных защипов, образующих треугольники, направленные своими вершинами вниз (Митрофанов. 1978. Рис. 15: 1). Такие сравнительно сложные многозонные композиции для посуды белорусского ареала не характерны. Упомяну лишь волнистое оформление края венчика с помощью вдавлений вместе с пальцевыми защипами на ребре, отмеченные на некоторых горшках из городища Кашчеличи. Еще один вид комбинированного орнамента выявлен на венчике из Ивани. Он представлял собой зигзагообразную композицию из групп параллельных линий (по три в каждой), оконтуренных с внешних сторон точечными вдавлениями (Егорейченко. 1996. Рис. 24: 1).

Рассматривая орнаментальные приемы штрихованной посуды в Литве, Е. Данилайте (Григалавичене) выделила три области по качественным и количественным параметрам: 1) северо-восток Литвы; 2) район между Нярисом (Вилией) и средним течением Немана; 3) территорию среднего течения Немана.

В первой области орнаментация горшков встречается редко и представлена только пальцевыми защипами и ямочными вдавлениями. Вторая группа памятников отличается богатством орнаментальных приемов и их частым применением. В третьей области также известны все виды орнамента, в том числе штамп и пальцевые вдавления, менее характерные для других групп, однако декорированная посуда здесь встречается реже (Danilaite. 1968. P. 56, 57).

Учитывая новые публикации, касающиеся памятников Беларуси и Латвии, это наблюдение можно существенно дополнить. Низкий процент орнаментированных горшков, как и приемов нанесения декора, отмечается на северо-востоке Литвы, в Юго-Восточной Латвии и в Северо-Западной Беларуси, т. е. в области распространения предшествующей КРШК. Ранее уже отмечалось, что здесь ребристая посуда не столь выразительна и представ-

лена сравнительно небольшим количеством. В редких случаях она украшена пальцевыми защипами и ямочными вдавлениями. Такая же ситуация с орнаментацией отмечена на восточной и юго-западной периферии КПШК (Аношки, Воронча, Городище Барановичского р-на, Кимия, Новоселки, Турец и др.).

Наиболее разнообразные и часто встречающиеся приемы декора отмечены в бассейне Вилии и в верховьях левобережных притоков Припяти. На территории Центральной Беларуси выделяется группа городищ (Збаровичи, Ивань, Кащеличи, Малышки, Мысли), посуда которых имеет почти все виды орнаментации (табл.). Наконец, можно согласиться с мнением Е. Данилайте, выделившей среднее течение Немана в особую группу, поскольку пальцевые вдавления и геометрический орнамент нигде, кроме этой территории, широкого распространения не получили.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
2. Васкс А. В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига, 1991.
3. Турин М. Ф. Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. 2000. № 15.
4. Егарэйчанка А. А. Культура ранней штрихованной керамики: асноўныя прыкметы і арэал // Весці НАНБ. Серыя гуманітарных навук. 2002. № 1.
5. Егорейченко А. А. Культура или культуры ранней штрихованной керамики? // Пятарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Мн., 2000.
6. Егорейченко А. А. Культура ранней штрихованной керамики: характеристика и ареал // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Мн., 2001. Т. I.
7. Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Мн., 1996.
8. Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии. Мн., 1978.
9. Danilaite E. Lietuvos brukšniuotasios keramikos ornamentas // MADA. 1968. T. 1 (26).
10. Grigalaviciene E. Neveriškes piliakalnis // LA. 1986a. T. 5.
11. Grigalaviciene E. Sokiskiu piliakalnis // LA. 1986b. T. 5.

О. В. ИОВ

г. Минск

**НЕСВИЖСКИЙ
МОНЕТНЫЙ КЛАД
2002 года**

В начале октября 2002 г. в Отдел археологии средневекового периода Института истории НАН Беларуси обратилось руководство УП «Орбела» с просьбой провести археологическое наблюдение в зоне земляных работ в исторической части города. По согласованию с городской администрацией раскопаны всего 2 траншеи шириной 1 м, длиной 20 и 16 м на площадке между зданиями по улице Ленинской, 3 и Советской, 6. Последнее обращено фасадом на Ратушную площадь. Траншеи копались вручную, в период 15-19 октября 2002 г.

Монетный клад был выявлен на глубине 1,64 м от поверхности траншеи № 1, в слое серовато-желтого суглинка, который залегал под мощным (до 0,85 м) пластом строительного мусора с обломками кирпичей, изразцов, керамической посуды и др. находками, составляющими основу несвижской коллекции 2002 г. На глубине 1,35-1,45 м в упомянутом пласте зафиксирована прослойка золы (следы пожара) мощностью 0,03-0,05 см, переходящая на 3-метровом участке в сплошной интенсивно-черный культурный пласт мощностью до 0,2 м. Непосредственно в зольной прослойке выявлены 2 шелега Яна II Казимира очень плохой сохранности.

В состав клада входят 1882 монеты мелких номиналов XVII — начала XVIII в.: полтора гроша и шелеги (1873 экз.) Речи Посполитой, шиллинги (5 экз.) Шведской Прибалтики и копейки (3 экз.) России. Монеты находились в красноглиняном горшке, покрытом изнутри бесцветной поливой, и заполняли его доверху (рис. 1). Следов

ткани, по-видимому, закрывавшей горло горшка, не выявлено.

Сохранность монет клада можно охарактеризовать как хорошую, однако по разным причинам (стертость, двойной оттиск штемпеля, смещение штемпеля) значительная их часть потеряла важные для полной атрибуции и анализа детали.

Старшая монета клада - полторака Сигизмунда III Вазы 1623 г. Младшая монета - копейка Петра I 1703 г.

Речь Посполитая, эмиссии Королевства Польского

Сигизмунд III Ваза (1587-1632). Полтора гроша 1623 г. На аверсе в центре изображен щит, разделенный на 5 частей: в центре герб рода Ваза (сноп), по сторонам - 2 польских орла и 2 литовские «Погони». Под щитом расположена цифра «3» (3 полугроша). Круговая легенда: «SIGIS 3 D G REX P M D L (Сигизмунд III, Божьей милостью король Польши, Великий князь литовский). На реверсе в центре королевское яблоко (держава), в нем цифра 24, означающая 1/24 часть талера. Под крестом расположены 2 последние цифры даты. Под яблоком герб «Сас» Николая Даниловича, подскарбия великого коронного. Круговая легенда: «.MONE. NO. REG. POLO.» (монета новая Королевства Польского). Вы-

пущена на монетном дворе г. Быдгош. Серебро.

Ян II Казимир Ваза (1649-1668). Шелеги: **1659 г.** (2 экз.). Аверс: венценосная голова короля вправо. Под ней буквы «T.L.V.» — инициалы Тита Ливия Боратини, арендатора монетных дворов, выпускающих шелеги. Круговая легенда: «IOAN. CAS. REX.» (Ян Казимир, король). Реверс: герб Польского королевства - орел, под ним герб «Слеповрон» Яна Казимира Красинского, подскарбия великого коронного. Круговая легенда: «SOLI. REGN. POLON. 1659» (шелег Королевства Польского 1659 г.). Отчеканены в замке уяздов под Варшавой. Медь. Нужно подчеркнуть, что 1659 - первый год выпуска данного типа монет (Koricki. 1995. № 1545).

1660 г. (38 экз.). Аналогичны предыдущим, за исключением наличия различных вариантов написания легенды на реверсе: «SOLID. REGNI. POLON. 1660», «SOLID. REGNI. POL. 1660», «SOLID. REGNI. POLO. 1660». В процентном соотношении количество монет с данными вариантами легенды выглядит как 71 %, 18 %, 11 %. Очевидно, резчики штемпелей не всегда четко рассчитывали размер букв и были вынуждены еще больше сокращать надпись (Koricki. 1995. № 1546).

МЕДНЫЕ ШЕЛЕГИ ЯНА II КАЗИМИРА ИЗ НЕСВИЖСКОГО МОНЕТНОГО КЛАДА 2002 г. (в скобках показано количество монет, отнесенное к данной группе предположительно)

Год	Королевство Польское	Великое княжество Литовское						Неизвестные	Всего
	TLB	TLB			GFH		Неизвестные		
	Слеповрон	Корвин	НКРЛ	без знака	Венява	Олень			
1659	2							2	
1660	38	9						47	
1661	34	74		2				110	
1663	104				38(11)			142	
1664	214		84					298	
1665	160		198(2)			27(10)	2	387	
1666	3		266(61)			63(1)	6	338	
Неизвестные	168	16	200(97)			23(7)	12	421	
Фальшивые	69	43						128	
Всего	762	1063					18	1873	

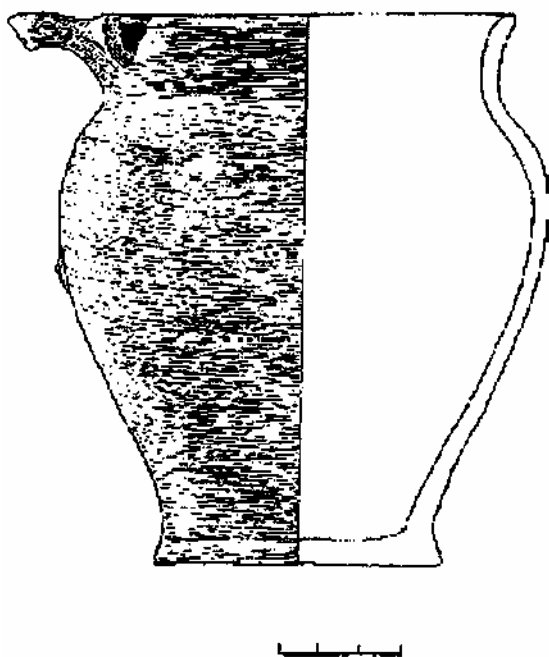

Рис. 1. Несвижский клад 2002. Горшок

1661 г. (34 экз.). Аналогичны шелегам 1659 г., но, как и у предыдущих, имеют различные варианты легенды реверса: «SOLID. REGN. POLONI. 1661», «SOLID. REGN. POLON. 1661», «SOLID. REGN. POL. 1661» «SOLI. REGN. POLON. 1661». Последние три варианта встречены на единичных монетах (Коріcki. 1995. № 1548).

В 1662 г. эмиссия этих монет не велась.

1663 г. (104 экз.). В 1663 г. шелеги чеканились в Уяздове и Кракове. Последние отличаются чуть измененной формой крыльев и хвоста орла (более узкий, удлиненный). В составе клада выявлено только 2 экз. краковских шелегов (Коріcki. 1995. № 1551). Легенда на реверсе у всех монет 1663 г. одинакова: «SOLID. REG. POLO. 1663.», но примерно у половины из них цифры года разделены точками (.1.6.6.3.) (Коріcki. 1995. № 1550). Показательно, что один из краковских экземпляров в дате также содержит разделительные точки.

1664 г. (214 экз.). Легенда реверса на всех монетах аналогична предыдущей: «SOLID. REG. POLO. 1664.», но разделительных точек в дате нет (Коріcki. 1995. № 1552).

1665 г. (160 экз.). Последний год чеканки в Уяздове. Аналогичны шелегам 1664 г. (Коріcki. 1995. № 1553).

1666 г. (3 экз.). Чеканились в г. Бжег (Бриг). Последний год массового выпуска монет данного типа. Два экземпляра аналогичны шелегам 1665 г., на одном изменена реверсная легенда: «SOLID. REGNI. (POLO)» (Коріcki. 1995. № 1554).

Среди остальных коронных медных шелегов Яна II Казимира 168 экземпляров не датировано и 69 — фальшивые. Последние имеют множество индивидуальных черт, но в целом их можно разделить на три группы: первая — монеты, штампы которых изготавливали искусные резчики. Подделку выдают лишь несовместимость определенных деталей или ошибки в легендах; вторая — монеты, штампы которых изготовлены неаккуратно, грубо, в расчете на невнимательность «продавца». Однако основные элементы аверса и реверса сохранены; третья — монеты, на штампах которых имеется лишь намек на легенды и изображение польского герба и короля. Часто «государственную принадлежность» такой подделки вообще невозможно определить.

Из 19 фальшивых коронных монет первой группы выделяются монеты с ошибками в легендах реверса и аверса: «SOLI. MAG. DV...», «ЮАИ...», «...CAS. RIX» и др.; с неправильной или искаженной датой — последняя четверка повернута вправо или расположена горизонтально; одна или две последние цифры отсутствуют; с различными знаками вместо «Слеповрона» или инициалов «Т.Л.В.»: звездочка, точка, две точки и др.; со значительно большей массой, чем оригиналы.

Некоторые из этих штампов, возможно, вырезаны неопытными резчиками на официальных монетных дворах и не являются подделками.

Монеты второй группы наиболее многочисленны (44 экз.). Все перечисленные признаки первой группы характерны также и для них, однако ошибки в легендах здесь встречаются гораздо чаще и серьезней, нередко искажен герб. Монет третьей группы всего 10 экз.

Речь Посполитая, эмиссии Великого княжества Литовского

Ян II Казимир Ваза (1649-1668). Шелеги: **1660 г.** (9 экз.) - Аверс аналогичен коронным шелегам. Реверс: герб Великого княжества Литовского - «Погоня», под ним герб «Корвин» - администратора земского скарба Адама Мотеуса Саковича. Круговая легенда: «SOLI. MAG. DVC. LIT. 1660» (шелег Великого княжества Литовского 1660 г.). Отчеканены в Уяздове. Медь. Первый выпуск данного типа монет (Koricki. 1995. № 3586; Sąauskas. Kaubrys. 1993. № 2260-2271).

1661 г. Выделяются штемпели двух вариантов: с гербом «Корвин» (74 экз.) (Koricki. 1995. № 3590) и без него (2 экз.) (Koricki. 1995. № 3589). В остальном — аналогичны предыдущим.

1663 г. (38 экз.). Аверс отличается тем, что под головой короля выбиты инициалы Анжея Георга фон Горна (G.F.H.), помощника Боратини. На реверсе под гербом «Погоня» расположен герб королевской династии Ваза - «Сноп», а также знак Ежи Белозора, епископа виленского, администратора земского скарба литовского - «Венява» (Koricki. 1995. № 3592). Отмечены три разновидности легенды реверса: «SOL. MAG. DVC. LIT. 1663» (ок. 50 %), «SOL. MAG. DUG. LIT. 1663» (ок. 25 %), «SOLI. MAG. DVC. LIT. 1663» (ок. 25 %). Такие монеты выпускались только один год в г. Олива под Гданьском, хотя известны ошибочные экземпляры 1665 г. (Koricki. 1995. № 3598) и 1666 г. (Koricki. 1995. № 3600). Поэтому 11 недатированных монет со знаком «Венява» к этой группе были нами отнесены предположительно (табл.).

1664 г. (84 экз.). Аверс аналогичен вариантам 1660 и 1661 гг. На реверсе под гербом «Погоня» выбита монограмма «НКРЛ» - Иеронима Кришпина Киршенштайна, подскарбия литовского. Легенда такая же, как в 1660 г., но выделяется вариант с разделительными точками в дате (.1.6.6.4.) (ок. 13 %). Такие мо-

неты выпускались в Вильно (Koricki. 1995. № 3593).

1665 г. Чеканились в Вильно, Бресте и Ковно. Последних в кладе насчитывается 27 экз. Вариант аверса аналогичен 1663 г., а на реверсе под «Погоней» изображена голова оленя - часть герба Киршенштайна, которая в большинстве случаев разделяет буквы «D» и «V(U)» в легенде. Варианты написания V/U соотносятся соответственно как 70 и 30 %. Зафиксированы также два варианта в обозначении номинала: «SOLI.» и «SOL.» (3 экз.) (Koricki. 1995. № 3595).

Монеты, выпущенные в Вильно и Бресте (198 экз.), на данный момент исследователи не различают. Штемпели аверса этих монет аналогичны 1660 и 1661 гг., а реверса- 1664 г., но выделяются несколько вариантов оформления монограммы Киршенштайна. Примерно в 14 % случаев она выбита между двумя звездочками или одна звездочка расположена перед ней, в 32 % - перед монограммой выбита одна точка или (редко) две по сторонам. Остальные 54 % совпадают с виленским вариантом 1664 г.

1666 г. Продолжали выпускать в Вильно, Бресте, Ковно и начали чеканить в Мальборке (Мариенбурге). Штемпели виленских и брестских монет не изменились (266 экз.) (Koricki. 1995. № 3601). Процентное соотношение вариантов оформления монограммы на реверсе здесь следующее: между звездочек - 25 %, между точек - 40 %, без них - 35 %.

Следует отметить, что 61 экземпляр монет к этому типу нами отнесен предположительно, из-за невозможности увидеть инициалы на аверсе. Дело в том, что подобные шелеги, но с инициалами G.Z.H. (крайне редко - T.Z.H.) чеканились в Мальборке (Koricki. 1995. № 3602, 1603), а поскольку в кладе ни одной такой монеты не зафиксировано, логично было отнести эти несколько десятков к виленско-брестским.

Ковенских шелегов 1666 г. всего 63 экз. Они мало отличаются от монет

1665 г. Легенда реверса: «SOLI. MAG. DVC. LIT. 1666». Примерно в 75 % случаев «голова оленя» между точками расположен над легендой, в остальных - разделяет буквы «D» и «V».

Из оставшихся литовских шелегов 235 экз. не датированы и 43 экз. фальшивые. Большинство недатированных шелегов (200 экз.) имеют монограмму НКРЛ и почти наверняка были выпущены в Бресте и Вильно; гораздо меньше (23 экз.) монет ковенских, с оленем.

Фальшивые литовские шелеги, как и коронные, весьма разнообразны. В процентном отношении среди них больше монет второй и третьей групп (см. описание коронных фальшивок), которые составляют соответственно 60 и 28 %, причем фальшивки второй группы отличаются значительными погрешностями в легендах.

Шелеги первой группы выделяются: неправильным изображением монограммы «НКРЛ» (трудно понять, что выбито вместо нее); отсутствием инициалов под изображением короля; сочетанием инициалов «Т.Л.В.» на аверсе и «голова оленя» на реверсе, невозможным на подлинных монетах.

Фальшивых шелегов Яна II Казимира, на реверсе которых невозможно распознать государственный герб, в кладе всего 16 экз.

Шведская Прибалтика

Кристина Августа Ваза (1632-1654). Шиллинги рижского городского монетного двора:

1643 г. (1 экз.). Аверс: буква «С» (Кристина), в центре которой расположен «Сноп» - герб рода Ваза. Круговая легенда: «CHRISTINA. D. G. D. R. S.» (Кристина, Божьей милостью королева Швеции). Реверс: малый герб Риги - щит со скрещенными ключами под крестом. Круговая легенда: «SOLIDVS. CIVI. RIG. 43» (шиллинг города Риги 1643 г.). Биллон (Федоров. 1960. № 784).

1660 г. (1 экз.). Реверс аналогичен предыдущему, легенда читается не пол-

ностью (смещены штемпели). На аверсе - другой вариант круговой легенды: «CHRISTINA. D. G. R. S.» (Федоров. 1960. № 824).

Карл XI (1660-1697). Шиллинги городского монетного двора:

1663 г. (1 экз.). Аверс: монограмма «CR» (Карл король) под короной. Круговая легенда «CAROLVS D (G REX S)» (Карл, Божьей милостью король Швеции). Реверс: малый герб Риги под короной. Круговая легенда «SOLIDVS CIVI RIG 63» (шиллинг города Риги). Биллон (Федоров. 1960. № 949).

Еще один рижский шиллинг Карла XI - плохой сохранности. Год и легенда не видны. Заметны лишь монограмма и малый герб Риги.

Карл XI (1660-1697). Шиллинг Государственного монетного двора (монастырь возле Риги). Год выпуска стерт. Аверс аналогичен предыдущему, за исключением легенды: «CAROLVS. D: G. REX. S.». На реверсе в центре герб Ливонии - гриф. Круговая легенда «SOLIDVS LIV(ONIAE)» (шиллинг Ливонии). Биллон.

Россия (царство)

Петр I (1696-1725). Копейки (3 экз.). Благодаря способу производства серебряные копейки (чешуйки) Петра I отображают только небольшие участки поверхности штемпелей аверса и реверса, хотя сохранность монет очень хорошая. Кирилличная дата читается только на одной монете - 1703 г. На аверсе изображен Георгий Победоносец, поражающий змея, и дата; на реверсе - легенда (несколько вариантов), где часто читаются лишь отдельные буквы и обрывки слов.

Исходя из года выпуска младшей монеты клада (1703), можно с большой долей уверенности предположить, что сокрытие клада было связано с боевыми действиями во время Северной войны 1700-1721 гг.

14 марта 1706 г. три батальона шведских драгун под командованием подпол-

ковника Траутфетера с боем заняли Несвиж, который обороняли 2000 украинских казаков полковника Михаловича. Последний и большая часть казаков погибли в уличных боях. Часть казаков вела огонь из городских домов, из-за чего Траутфетер приказал поджечь город.

10 мая 1706 г. в Несвиж снова вошли шведские войска во главе с Карлом XII. Все оставшиеся после мартовских событий здания, за исключением костелов и монастырей, были сожжены.

Очевидно, что разрушение здания, пласт строительного мусора и золы кото-

рого залегает непосредственно над кладом, произошло во время именно этих событий. Данный вывод подтверждают также собранные здесь керамические материалы.

Следует подчеркнуть, что сокрытие клада было совершено в спешке, закопан он был лишь на глубину нескольких сантиметров от дневной поверхности того времени - серовато-желтого суглинка. В горшке собраны монеты мелких номиналов, которые требовались в повседневной жизни.

Таким образом, датой сокрытия клада следует считать март или май 1706 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров Д. Монеты Прибалтики XIII-XVIII столетий. Определитель монет. Таллин, 1960.
2. Kopicki E. Ilustrowany skorowidz pienadzy polskich i z Polska zwiazanzch. Warszawa, 1995. Cześć 1.
3. Sajauskas S. Kaubrys D. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystes Numizmatika. Vilnius, 1993.

Т. Н. КОРОБУШКИНА

г. Минск

**СРЕДНЕЕ
ПОБУЖЬЕ
В IX-XIII вв.**

Среднее, или Белорусское, Побужье представляет собой территорию правобережья среднего течения Западного Буга и его притоков (рр. Мухавец, Лесная, Рыта) и по современному административному делению включает в себя шесть районов Брестской области (Брестский, Жабинковский, Каменецкий, Кобринский, Малоритский, Пружанский).

В геоморфологическом отношении - это Брестское Полесье и Прибужская равнина. Удобная для заселения территория издревле привлекала сюда человека, поэтому не случайно она отличается повышенной распаханностью (География Белоруссии. 1977). Она представляет равнинно-низменный рельеф с плоскими и широкими долинами рек, которые имеют много рукавов и стариц. Территория пригодна не только для занятий сельским хозяйством, но и торговлей. С древних времен она была связана водным путем с соседними странами. Приток Западного Буга р. Мухавец издревле являлась водной магистралью, связывающей западные земли Руси с востоком. Начиная с IX в. Среднее Побужье входило в систему международной торговли - Припятско-Бужского торгового пути (Перхавко. 1983. С. 13-16, 20; Перхавко. 1985. С. 311-324), соединяющего не только данные земли, но и широкую территорию всей Древней Руси с Германией, Литвой, Польшей и другими странами и государственными объединениями того времени. Об этом свидетельствуют находки на изучаемой территории кладов, в которых представлены монеты и вещи таких государств, как Англия, Дания, Германская империя, Польша и Чехия.

Международный торговый путь, проходивший через территорию Среднего Побужья, оказывал благотворное влияние на становление и развитие экономических отношений, общественного строя, а также на темпы развития феодализма на этой территории, поэтому очень важным является изучение этнокультурной принадлежности населения региона Среднего Побужья. Кроме того, важность и значение всестороннего изучения возрастают в связи с пограничным расположением исследуемой территории между восточными и западными славянами.

Некоторые данные о памятниках археологии раннего средневековья были получены более ста лет тому назад. Но в XIX и начале XX в. исследователи раскапывали только одного вида археологические памятники - курганные могильники (К. Ягнин, Л. Паевский, К. Салевич, С. А. Дубинский).

Активное и всестороннее изучение древностей Среднего Побужья началось во второй половине XX в. Вместе с раскопками курганов (И.В. Бируля, В. В. Седов, Ю. В. Кухаренко, И. П. Русанова, П. Ф. Лысенко, Т. Н. Коробушкина) на территории Среднего Побужья во второй половине XX в. археологи начали изучать не только открытые (И. П. Русанова), но и укрепленные поселения (О. В. Иов, В. С. Вергей), в том числе и древние города (П. Ф. Лысенко, К. Мусянович). Только после получения разностороннего и конкретного археологического материала появилась возможность ответить на ряд важнейших и сложных вопросов, связанных со временем появления здесь восточных славян, этнической принадлежностью населения, возводившего на этой территории города, временем их возведения. Особую актуальность для пограничной территории имеет решение вопроса об этнической принадлежности сельского населения.

Впервые этнокультурная принадлежность древних жителей Белорусского Полесья была определена Ю. В. Кухаренко после изучения археологического ком-

плекса у д. Хотомель Сталинского района Брестской области в 1953-1957 гг. Изученный им археологический комплекс, состоящий из укрепленного городища-убежища, открытого селища и могильника дал исследователю возможность связать полученные материалы с пражской культурой, которую он датировал VI-VII вв. н. э. (Кухаренко. 1957. С. 90-97). Этот ранний славянский памятник стал эталонным при датировке находок с других раннеславянских поселений не только территории Белоруссии, но и с более широкой территории Восточной Европы. В Хотомеле были обнаружены жилища столбовой конструкции, открытые очаги. Кроме лепной и гончарной керамики наряду с обычными бытовыми металлическими предметами домашнего обихода и вооружения выявлены детали усовершенствованного упряжного пахотного орудия (два наральника и чересло), датированные исследователем VIII-IX вв. (Кухаренко. 1961. С. 8, 9. рис. 15-17). Они относятся к подошвенному ралу с череслом и являются самыми ранними находками, относящимися к такому типу орудий на территории Восточной Европы. После изучения этих деталей удалось установить, что упряжное пахотное орудие подобного типа является предшественником плуга (Коробушкина. 1979. С. 17, 19). Применение высокопроизводительной почвообрабатывающей техники свидетельствует о зарождении пашенного земледелия с применением упряжных пахотных орудий на юге Белоруссии еще до IX в.

Оба поселения, городище и селище, использовались славянским населением в течение четырех столетий, так как лепная керамика нижних слоев датирована Ю. В. Кухаренко VII-VIII вв., а гончарная - VIII-X вв. Этот важнейший изученный археологический комплекс доказывает, что уже в VII в. славяне Южной Белоруссии селились не только на открытых поселениях, но и умели сооружать укрепленные земляными валами и рвами городища, на территории которых в случае

Рис. 1. Археологические памятники Среднего Побужья IX-XIII вв.

опасности могли укрыться поселенцы расположенного рядом селища.

На территории Среднего Побужья открыто и изучено небольшое количество поселений сельского типа. В 1966 г. И. П. Русановой было изучено одно из двух открытых ею на левом берегу р. Лесная селищ, у д. Дружба (Скорбичи) Брестского района. До сего времени оно является самым результативным для этого вида памятников на территории Среднего Побужья. Здесь ею вскрыты слегка углубленные в землю жилища столбовой конструкции, расположенные беспорядочными группами на расстоянии 5-10 м одна от другой. Полностью изучено шесть построек с глинобитными полами и глинобитными или каменными на глинобитном каркасе печами. Одна из построек вероятнее всего являлась мастерской по изготовлению стеклянных изделий. Об этом красноречиво свидетельствует ее заполнение углями и стеклянным шлаком (Русанова. 1973. С. 45, 46), а также незначительные размеры (2,9x1,8 м). Одна из жилых построек имела фундамент из небольших по размерам камней. Она вскрыта частично, ее размеры составляли 3,3x2,4 м. Среди всех остальных жилищ она выделялась большой площадью.

В 1985 г. при обследовании селища у д. Дружба (Скорбичи) нами было установлено, что культурный слой на памятнике полностью срыт и использован на подсыпку дороги. На оставшихся пятнах культурного слоя удалось зачистить остатки двух сгоревших в древности построек (115x90 см; 90x70 см), удаленных друг от друга на 70 см. Судя по небольшим размерам и отсутствию печей, они имели хозяйственное назначение. Данные о планировке, застройке и конструктивных особенностях устройства печей с этого сельского поселения являются уникальными для указанного региона сельских поселений IX-X вв. Из редчайших, а на территории Беларуси единственных, следует назвать железный серп и глиняный противень X в. Славяне пришли и основали здесь поселение в IX-X вв. Они наряду с сельским хозяйством занимались ремеслами, в том числе и таким редким для сельской местности, как стеклотеление. До них здесь проживали племена поморской культуры, оставившие лепную керамику IV-I вв. до н. э. Данные раскопок этого поселения долгое время были самыми полными и единственными с подобного рода памятников на всей территории Среднего Побужья IX-X вв.

В 80-90-е гг. XX в. ряд славянских поселений на территории Среднего Побужья был открыт В. С. Вергей, но в связи с сильной распаханностью и повреждением культурного слоя раскопки удалось произвести только на одном из них, у д. Блювиничи Брестского района. На раскопе площадью 200 кв. м обнаружены остатки печи-каменки. Следов построек проследить не удалось. Но, судя по распространению керамики, которая датирована VI-VII вв., можно определить площадь селища (около 2 га) и дату поселения (Вергей, Кудрашоў. 1994. С. 18-20). Печь-каменка, найденная на поселении, по конструкции аналогична печам-каменкам, вскрытым И. П. Русановой на селище у д. Дружба. Несмотря на то, что печь-каменка с селища Блювиничи относится к начальному периоду

прихода в данный регион славян (VI-VII вв.), а печи-каменки с селища у д. Дружба датированы значительно более поздним периодом (IX-X вв.), их конструкция аналогична. Это дает основание предположить, что на селище у д. Блювичи могли быть аналогичные по конструкции жилища, которые были вскрыты у д. Дружба. Основанием для такого предположения кроме аналогичной в принципе конструкции печей с двух селищ является то, что ко времени прихода в данный регион славян строительная техника у них была уже сформирована и привнесена сюда в готовом виде. Это тем более вероятно, поскольку она очень консервативна, и ей присуще устойчивое постоянство в течение многих столетий. Примером этому может служить не только конструкция печи, но и ее местоположение в жилищах Белорусского Полесья. В VI-VII вв. печь в славянских жилых постройках еще не имела своего постоянного места. Она могла располагаться в любом из четырех углов, а также вдоль стен, реже - в центре жилища (Вяргей. Кудрашоў. 1992. С. 15, 16). И только в первые столетия II тыс. н. э. печь в жилищах славян заняла свое постоянное и определенное для нее место - правый (чаще) или левый от входа в жилище угол. На это понадобилось около пяти столетий. Именно это дает нам основание предполагать, что в течение одного-двух столетий в пределах одного региона в целом месторасположение селищ, их планировка и конструктивные особенности жилищ были примерно одинаковыми. Помимо лепной и гончарной керамики при раскопках селища обнаружены ножи, один из них с деревянной рукояткой, шило, серп, ложка, свинцовый, грузик, развал большого гончарного горшка, глиняное пряслице, точильный брусок. Результаты исследований открытого поселения у д. Дружба (Скорбичи) трудно переоценить. Сейчас не в предположительном плане, как это было до раскопок селища, а на конкретных и разносторонних материалах появилась возможность полу-

чить точную дату прихода славян на территорию Среднего Побужья.

После изучения открытых славянских поселений на территории Среднего Побужья стало известно не только время их появления, но и месторасположение, планировка и застройка, а также материальная культура в целом. Несомненно, в будущем новые данные внесут кое-какие изменения, некоторые дополнения, но в целом картина жизни ранних славян в данном регионе известна уже сейчас.

В связи с интенсивным развитием сельского хозяйства, а также различных сельских ремесел и феодальных отношений в целом в IX-X вв. на территории Среднего Побужья рядом с открытыми поселениями появляются укрепленные поселения - городища.

В 1988, 1992 гг. О. В. Иов исследовал укрепленное земляным валом городище у д. Франополь Брестского района (Иов. 1991). Оно имеет круглую площадку диаметром 30 м. С внутренней стороны вала выявлены деревянные конструкции, защищавшие вал от оползания. Здесь же расчищены временные деревянные постройки, предусмотренные для защиты населения с открытых, расположенных рядом поселений в случае осады городища. В одной из построек находился погреб размерами 1,1x0,9 м, предусмотренный для хранения продуктовых запасов на случай осады городища (Иов. 1993. С. 631). В верхнем слое погреба обнаружен горшок X в. с остатками просяной крупы (Ю. 2000. С. 166, 167). Кроме того, найдено достаточно большое количество керамики X в., которую удалось целиком реставрировать. Городище существовало всего несколько десятилетий. В конце X - начале XI в. оно, не выдержав вражеской осады, пало. В коллекции находок много предметов вооружения (наконечники стрел, перекрестье и наконечник ножен скандинавского меча, боевые топоры) и различные предметы домашнего обихода (ножи, кресала, шиферное пряслице).

С западной стороны к городищу примыкает открытое селище площадью в 1 га. Материалы раскопок (вскрыто 300 кв. м) убедительно свидетельствуют о том, что селище и укрепленное городище у д. Франополь появились и закончили существование одновременно. С тех пор и до настоящего времени на этой территории не только не жили, но и не производили никаких земляных работ, которые бы повредили культурный слой, поэтому счастливая судьба сохранила памятник в наилучшем виде до наших дней.

В Жабинковском районе у д. Филипповичи расположено похожее укрепленное городище и рядом с ним одновременное открытое селище. Небольшие раскопки на этих памятниках проведены О. В. Иовом. Дата появления на нем жизни и дата разрушения городищ у д. Франополь одна и та же. Этот факт убеждает в том, что обстановка в регионе Среднего Побужья к концу I - началу II тыс. н. э. обострилась и население укрепленных городищ, а тем более открытых поселений вынуждено было принять необходимые меры для строительства более надежных укреплений по сравнению с сельскими поселениями. К этому времени появились экономические и политические условия в регионе Среднего Побужья для начала строительства городов. К концу X в. в связи с дальнейшим развитием феодальных отношений, большой концентрацией населения это превратилось не только в реальность, но и необходимость. Укрепленные сельские поселения уже не могли справиться с одной из главнейших своих функций — защиты населения.

Изучение археологических памятников данного региона дало возможность убедиться в том, что начиная с VI-VII вв., с самого начала появления славян на территории Среднего Побужья, они жили на открытых поселениях вдоль берегов рек. В конце X — начале XI в. рядом с открытыми поселениями вырастают укрепленные городища, где можно было спрятаться и даже пережить непродолжи-

тельную осаду, так как судя по полностью сохранившимся городищу у д. Франополь, для этого было все предусмотрено. Но и эти меры не спасли городище от разрушения и разорения. Появились совершенно новые более серьезные требования к оборонительным сооружениям. И такими сооружениями стали города. Именно к этому времени относится самый древний на территории Среднего Побужья город Брест (Берестье).

Сельское население региона продолжало жить на открытых сельских поселениях. Свидетельством этому являются бескурганые захоронения, а также курганные могильники, расположенные, как показало их изучение, в 0,5-1,5 км от селищ. Правда, далеко не возле каждого древнего открытого поселения удается обнаружить курганный могильник. Во-первых, на каждом из них хоронили не только с одного, но и с других близлежащих сельских поселений. Во-вторых, многие курганные могильники были разрушены в связи с ведением на этой территории интенсивной распашки и введением в севооборот новых пахотных земель на протяжении длительного времени. Таким образом, количество курганных могильников и имеющих в них курганов за прошедшие столетия значительно поубавилось. К 80-м гг. XX в. самым значительным по числу насыпей являлся могильник у хутора Гурки Брестского района (173), а самым малым — у д. Байки (1).

Изучение курганов в Среднем Побужье началось в XIX в. В 1898 г. Л. Паевским был раскопан курган в бассейне р. Лесная у д. Угляны. В 1911 г. несколько курганов исследовал С. А. Дубинский в бывшем Бельском уезде. Основное изучение курганных могильников было проведено во второй половине XX в. В 1958 г. Ю. В. Кухаренко раскопал один курган, в 1959 г. И. П. Русанова - 2, в 1961 г. В. В. Седов - 7, в 1972 г. П. Ф. Лысенко - 3, в 1959-1968 гг. И. П. Бируля - 123, в 1981-1983, 1986-1988, 1990 гг. Т. Н. Коробушкина - 122. Накопленные за все

годы раскопок материалы были систематизированы, картографированы и обобщены Т. Н. Коробушкиной. Ею продатированы не только курганные могильники в целом, но и каждый курган в отдельности (Коробушкина. 1993).

По устройству курганы представляют собой полусферической формы песчаные насыпи диаметром 3,3-15,5 м и высотой 0,3-1,6 м. Помимо них встречаются курганы, обложенные в основании камнями — валунами. В некоторых из них имелась под дерном вымостка из более мелких камней. Удалось установить, что население, жившее здесь во второй половине I тыс. н. э. и до X в. включительно, хоронило своих сородичей по обряду трупосожжения на стороне с последующим погребением останков в подкурганной круглой яме или на горизонте, а иногда — в насыпи кургана. Исключением является сжигание покойного на месте (Ратайчицы, курган № 20) с последующим насыпанием над ним кургана. В XI в. происходит смена кремации обрядом трупоположения, который с этого времени становится господствующим. Удалось зафиксировать в двух случаях захоронения, совершенные по обряду частичного сожжения. Так, в кургане № 1 у д. Лисовчицы погребенный в конце X - начале XI в. мужчина был обложен бревнами, которые при погребении были подожжены. При этом сгорели не только бревна, но и частично погребенный, над которым был насыпан курган. Второе погребение мужчины с частичным сожжением было вскрыто нами у д. Хотиново в кургане № 25. При погребенном кроме керамики найден нож и ключ. Необходимо отметить, что ключи в курганах находят очень редко.

В XI-XIII вв. все захоронения произведены по обряду трупоположения. Необходимо подчеркнуть, что смена погребального обряда была проведена у одного и того же в этническом отношении населения. В кургане, как правило, хоронили одного человека, но встречались также двойные одновременные захоронения

(у дд. Малые Зводы, Лумна, Хотиново, Шестаково, Свищево). Парные захоронения мужчины и женщины вскрыты у дд. Свищево, курган № 23, Любашки, курган № 10.

На всех могильниках часто встречаются погребения на зольно-песчаной или песчано-зольной с включением углей подсыпке. В совершении погребального обряда между ранними и поздними захоронениями прослежена преемственность. Это особенно обнаруживается на тех могильниках, которые действовали несколько столетий. Так, у д. Кустичи в кургане № 20 с трупосожжением имелась обкладка из камней. У д. Ратайчицы в погребении с сожжением (курган № 20) также была зафиксирована каменная обкладка и, кроме того, найдена зерненная металлическая дреговичская бусина. В курганах с трупоположением погребенного размещали в насыпе, на горизонте, в подкурганной яме. Ориентированы погребенные головой на запад. В небольшом количестве встречена восточная ориентировка.

Погребальный инвентарь при захоронениях не богат, но довольно разнообразен. Самой многочисленной находкой является керамика, среди которой встречены и целые горшки, изготовленные на ручном гончарном круге. При погребенных также находят ножи, кресала, гвозди, металлические булавки с круглым подвижным кольцом, полутораоборотные височные проволочные кольца, височные кольца с эсовидным завитком, стеклянные бусы, зерненные металлические бусы и височные кольца с тремя зернеными бусинами. Весь инвентарь, найденный при погребениях, — восточнославянский. Более того, среди некоторых женских погребений найдены этноопределяющие украшения — зерненные металлические бусины на медном каркасе с напаянными на нем серебряными шариками и височные кольца, включающие в себя по три такие бусины. Эти дорогостоящие украшения очень редко встречаются даже при раскопках городов. В ожерелье обычно входила одна зерненная бусина, а в курганах Среднего Побужья их найдено довольно много. У д. Свищево в двух кур-

ганах (№ 15 и № 16) обнаружено пять зерновых бусин и три трехбусинных височных кольца (курган № 16). Пять зерновых бусин было найдено в Бельском уезде в 1911 г. С. А. Дубинским (дд. Бацки Дальние, Роговка, Паево, Чеканово, Кореневка). По две такие бусины найдены у д. Войская (курганы № 2, 3), Ратайчицы (курганы № 1, 2). Весь обычный восточнославянский инвентарь и сравнительно частые находки этноопределяющих дреговичских украшений дают основание отнести население этого региона к восточнославянскому племени дреговичей. Подтверждением тому служит погребальный обряд захороненных в этих курганах. Исключение составляет каменная обкладка, которую отдельные исследователи связывают с западнобалтским племенем ятвягов. Однако эта черта погребального обряда характерна не только для западных, но и восточных балтов, а также для новгородских словен и многих других народов. Встречается она и у восточнославянского населения IX-XIII вв. Среднего Побужья, которое есть основание связывать в основном с дреговичами, хотя нельзя исключать и волынян, особая активность которых приходится на вторую половину XII в., когда территория Среднего Побужья в связи с усилением Волынского княжества вошла в его состав.

Такая черта обряда, как включение камней в сооружение кургана, играла защитную роль и выражала заботу соплеменников об умерших. Она известна у многих народов. К этому вопросу необходимо подходить более тщательно и обращать серьезное внимание на положение камней в кургане. Именно это отличает курганы Среднего Побужья от ятвяжских. Например, для собственно ятвяжских курганов характерно укладывание дна подкурганной ямы и стенок камнями, чего нет в изучаемом нами регионе. Для ятвяжских каменных курганов также обязательна сплошная каменная вымостка под дерном. У курганов с территории Среднего Побужья она встречается очень редко и чаще - несплошная. Поэтому у нас нет оснований считать применение камней заимствованием у како-

го-либо другого этноса. Более того, эта деталь чаще всего встречается в Каменецком районе, где, по словам летописца, «земля каменная», и поэтому жители Среднего Побужья IX—XIII вв. сами могли догадаться об использовании камней в тех местах, где было достаточно этого подручного материала. Нельзя не отметить и того факта, что в курганах Среднего Побужья не найдено ни одной находки, которую можно было бы отнести к ятвяжским древностям. Восточная ориентировка встречается в редких случаях. Она также известна не только на территории Среднего Побужья, но и на других восточнославянских территориях (Моця. 1990. С. 28), в том числе и Беларуси (Гуревич. 1971. С. 17-22; Соловьева. 1963. С. 95-116). Таким образом, есть основание считать, что территория Среднего Побужья в изучаемый период времени была заселена дреговичами. Этому не противоречит и антропологический материал (Коробушкина, Саливон. 1990. С. 138-149).

В 1991 г. была опубликована фундаментальная обобщающая монография П. Ф. Лысенко, которая является результатом многолетних исследований автора (Лысенко. 1991). В ней территория Среднего Побужья включена в зону расселения дреговичей. Изучение курганов Среднего Побужья дало возможность автору провести западную границу расселения дреговичей на конкретном археологическом материале.

К концу I - началу II тыс. н. э. на территории Среднего Побужья сложились условия для появления городов. Самым древним и значимым в политическом и экономическом отношении являлся древний Брест (Берестье). Первое упоминание о нем в летописи относится к 1019 г., но любой древний город значительно старше своего первого летописного упоминания в связи с тем, что на его строительство требовались многие годы. Поэтому, вероятнее всего, возведение города началось сразу же после того, как в конце X - начале XI в., не выдержав осады, пали городища сельского типа наподобие Франополя и Филипповичей. Город

Брест, древнее городище которого долгие годы было не известно археологам, исследовал П. Ф. Лысенко. Им было установлено точное месторасположение древнего детинца. Под его руководством изучение древнего города велось на протяжении с 1969 по 1982 г. и завершилось открытием единственного в Восточной Европе музея древнерусского города «Берестье», расположенного на месте впадения левого рукава р. Мухавец в Западный Буг. Нельзя не подчеркнуть, что создание музея стало возможным только благодаря необыкновенному упорству и настойчивости исследователя. Итоги изучения древнего города опубликованы в двух его монографиях (Лысенко. 1985; 1989).

В результате исследований было установлено, что древний город Берестье с самого начала своего существования являлся форпостом на пограничье восточных и западных славян. Он выполнял роль пограничной крепости в течение многих столетий и, как показали раскопки, успешно справлялся с этой важнейшей отведенной ему ролью. За все годы изучения нами не замечено ни малейших следов разорения города. Изучена планировка и городская застройка, которую сейчас может видеть любой посетитель музея. Постройки XIII в. - уникальной сохранности, отдельные из них благодаря плотному и влажному культурному слою сохранились на 10-12 венцов. Выявлены также их важные конструктивные особенности. Благодаря великолепной сохранности жилых построек стали реальностью неизвестные ранее отдельные детали древнерусских жилищ. Так, например, за всю историю изучения древних городов и домостроительной техники впервые были получены данные об устройстве в жилых постройках окон. Исследователем был сделан вывод о том, что город был построен восточными славянами и, вероятнее всего, дреговичами. Принадлежность богатой городской материальной культуры восточным славянам сейчас ни у кого не вызывает сомнений. С конца I тыс. н. э. данный регион входил в состав Туровского княжества. С середины XII в. территория Среднего Побужья

с городами Берестье и Дрогичин была включена в состав Владимирско-Волынского княжества (Лысенко, 1999. С. 242). В городе были развиты самые различные ремесла: железоделательное, деревообрабатывающее, гончарное, ювелирное и др. Все разнообразные изделия древних мастеров размещены в галереях музея «Берестье».

Древний Брест сначала был единственным политическим, экономическим, торговым и культурным центром на территории Среднего Побужья, но с развитием торговых и экономических отношений, количественным ростом населения возникла необходимость в строительстве на этой территории других древних городов. В XII в. был построен Дрогичин-Надбркный, а потом, в XIII в., Мельник. Они были построены восточными славянами, но сейчас находятся на территории Польши. Городище Дрогичина изучено К. Мусьянович (Musionowicz. 1982). Он выполнял роль торгового центра между городами Восточной Европы и западными странами (Германией, Польшей, Чехией и др.). В конце XIII в. появляются Каменец и Кобрин, расположенные на притоках Западного Буга - Мухавце (Кобрин) и Лесной (Каменец). Но тем не менее роль Бреста с возникновением новых городов не уменьшилась. Он продолжал оставаться центральным городом на территории Среднего Побужья. Новые города в большей степени выполняли роль центров местного значения и благодаря тесной связи с Брестом продолжали расти и развиваться.

Следует отметить, что поселениям и могильникам сельского типа уделено большее внимание в связи с тем, что только благодаря им удается разобраться в истории населения Среднего Побужья. После изучения городов назрела необходимость обращаться к тщательному изучению сельских памятников, чтобы определить, в какой этнической среде вырастали древние города. Поэтому вывод о том, что древние города на территории Среднего Побужья строились не в чуждой, а в своей восточнославянской среде, является чрезвычайно важным. После

этого была написана обобщающая монография по данной территории, посвященная истории сельского и городского населения конца I и первых веков II тыс. н. э. на территории Среднего Побужья, в которой каждый археологический памятник занял присущее ему место. Проследив развитие поселений от простых открытых до сложных, укрепленных мощными оборонительными сооружениями, удалось установить, что придя на эту территорию в VI—VII вв., восточные славяне совершенствовали свою материальную культуру и жили здесь в течение почти полутора тысяч лет (Коробушкина.

1999). Важное место в монографии занимают памятники сельского типа, в том числе и могильники, материалы которых дали возможность описать этнокультурные процессы, проходившие на данной территории с VI-VII вв. и до XIII в. включительно.

Территория Среднего Побужья к настоящему времени достаточно хорошо изучена в основном на археологическом материале с использованием имеющихся незначительных летописных сведений, и это дает исследователям возможность с недоступной ранее полнотой решать сложные вопросы истории этого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вяргей В. С.* Актуальныя праблемы археалогіі славян V-X ст. у Беларускай Палессі // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі. Мн., 1992.
2. *Вяргей В. С., Кудрашоў В. Я.* Раскопкі паселішча Блювінічы на р. Лясной // Весці НАНБ. Сер. грамад. навук. 1994. № 4.
3. География Белоруссии. Мн., 1977.
4. *Гуревич Ф. Д.* О восточной ориентировке славянских погребений // КСИА. 1971. Вып. 125.
5. *Иов О. В.* Сельские поселения IX - XI вв. в западной части Белорусского Полесья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1991.
6. *Іоў А. В.* Гарадзішча Франопаль // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1993.
7. *Іоў А. В.* Гарадзішчы-сховішчы // Гісторыя Беларусі. Т. 1. Старажытная Беларусь. Ад пачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. Мн., 2000.
8. *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X-XIII вв. Мн., 1979.
9. *Коробушкина Т. Н.* Курганы Белорусского Побужья X-XIII вв. Мн., 1993.
10. *Коробушкина Т. Н., Саливон И. И.* Сельское население Среднего Побужья IX-XII вв. (по материалам курганных могильников) // СА. 1990. № 3.
11. *Коробушкина Т. М.* Насельніцтва Беларускага Пабужжа X-XIII стст. Мн., 1999.
12. *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
13. *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е1-57. М. 1961.
14. *Лысенко П. Ф.* Берестье. Мн., 1985.
15. *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. Мн., 1991.
16. *Лысенко П. Ф.* Открытие Берестья. Мн., 1989.
17. *Лысенко П. Ф.* Туровская земля IX-XIII вв. Мн., 1999.
18. *Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX-XIII вв. Киев, 1990.
19. *Перхавко В. Б.* Опыт комплексного исследования письменных и материальных источников для реконструкции истории Припятско-Бугского пути в IX-XIII вв. // Проблемы исторической географии России. М., 1983. Вып. 4.
20. *Перхавко В. Б.* Западно-славянские украшения из Дегтянского клада // Slovenska archeologia. 1985. Т. XXXIII-2.
21. *Русанова И. П.* Славянские древности VI-X вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1-25.
22. *Соловьева Г. Ф.* 1963. К вопросу о славянской ориентировке погребенных в славянских курганах // СА. 1963. № 2.
23. *Musianowicz.* Drohiczyń od VI do XIII wieku dzieje i kultura. Pojezierze. Olsztyn; Białystok, 1982.

А. М. МЕДВЕДЕВ

г. Минск

**НАСЕЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ
БЕЛАРУСИ
В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

В период Великого переселения народов и в последующие столетия (IV-VII вв. н. э.) на обширных территориях Восточной Европы, в том числе Центральной и Северной Беларуси, происходят значительные изменения. Исчезают культуры раннего железного века - штрихованной керамики и днепро-двинская, на их месте появляется новая культурная общность, которую ранее называли культурой Банцеровщины - Тушемли - Колочина. Именно с ней ряд исследователей связывает появление славян на территории Северной и Центральной Беларуси.

Историография вопроса этнической атрибуции этой общности подробно представлена Е. А. Шмидтом. Он выделил 3 основные точки зрения по названной проблеме:

1. Эта культура с момента ее формирования в III-IV вв. была славянской (Э. А. Сымонович, Л. Д. Поболь, Р. В. Терпиловский).

2. Культура включает балтские и славянские элементы, в которой происходит процесс ассимиляции балтов славянами (В. В. Седов, Г. В. Штыхов, В. И. Шадыро).

3. Культура в период всего своего существования была балтской (А. Г. Митрофанов, И. П. Русанова, И. И. Ляпушкин, А. М. Медведев, Е. А. Шмидт), и есть достаточно веские основания считать, что смена этноса в Верхнем Поднепровье и Подвинье произошла после рубежа VII-VIII вв. в результате расселения славян на этой территории и постепенной ассимиляции ими восточных (днепровских) балтов (Шмидт. 2000).

Здесь только нужно отметить то обстоятельство, что, когда показываются точки зрения разных исследователей на характерные черты тушемлинской культуры, иногда присутствует смешение понятий (интерпретация древностей хотя и близких, но все же различных культур - банцеровской и тушемлинской). Так, А. Г. Митрофанов обосновывает свою точку зрения на спорные проблемы, прежде всего оперируя материалами Центральной Беларуси (селища Замковая Гора, Городище, Некасецк). Е. А. Шмидт использует для этих поселений термин «памятника типа Банцеровщина - Тушемля», в то время как в цитатах А. Г. Митрофанова представлено название «банцеровско-тушемлянская культура» (Шмидт. 2000. С. 114). Название «тушемлинская культура» им применено для характеристики всей культурной области (Банцеровщина - Тушемля - Колочин) при анализе мнений В. В. Седова и И. П. Русановой (Шмидт. 2000. С. 114, 115). Таким образом, налицо перенесение термина «тушемлинская культура» на весь массив памятников середины и третьей четверти I тыс. н. э., который ранее относился к культурам типа Банцеровщины - Тушемля. Следует отметить, что в более ранних работах Е. А. Шмидт различает эти две культуры, оставляя решение вопроса об их единстве или близости для будущих исследователей (Шмидт. 1995. С. 127, 128).

Появление тушемлинской культуры в Смоленском Поднепровье и смежных районах Подвинья в IV вв. н. э. Е. А. Шмидт связывал с эволюционным развитием местной днепро-двинской культуры при некотором влиянии других групп балтского населения (носителей культуры штрихованной керамики и даже ятвягов) (Шмидт. 2000. С. 119, 120), признавая возможность незначительного влияния иных групп населения (Шмидт. 1996), в т. ч. племен зарубинецкой культуры (Шмидт. 1992. С. 135-137).

Е. А. Шмидт критикует также точку зрения В. В. Седова о раннем проникновении в данные области славянского на-

селения из Центральной Европы, которую этот исследователь обосновывал находками ряда украшений (прежде всего височными кольцами). Указывая на многочисленные аналогии в балтских древностях, Е. А. Шмидт правомерно констатирует, что этот тип украшений не может быть доказательством славянской миграции (Шмидт. 2000. С. 115, 116).

В последующих работах В. В. Седов пытается развить свою точку зрения о приходе славянского населения на эти территории из Центральной Европы в конце IV—V в. н. э. Для обоснования своей теории он привлекает находки различных категорий снаряжения (находки шпор с отогнутыми наружу крючками, двух- и трехчленных удил, железные бритвы, пластинчатые кресала с кольцеобразно загнутым концом, пинцеты, В-образные рифленные пряжки), оружия (втульчатые двушипные и с пером пламеобразной формы наконечники копий, боевые топоры) и орудий труда (некоторые типы серпов с крючком на черешке) (Седов. 1999. С. 91-117).

Отметим также, что и В. В. Седов в последних работах значительно расширяет ареал тушемлинской культуры за счет Центральной Беларуси и части Белорусского Понеманья (ареал культуры штрихованной керамики и затем банцеровской культуры). Так, к тушемлинской культуре им были среди прочих отнесены поселения Аношки, Воронча, Городище и Тайманово (Седов. 1999. С. 93). Однако на городищах Аношки, Воронча, Городище преобладает штрихованная керамика, а датирующие находки позволяют относить их к позднему этапу культуры штрихованной керамики (IV - середина V в. н. э.) (Зайкоўскі, Мядзведзеў. 2001; Медведев. 1996. С. 45, 46, 100, 101. Прил. 3: 6, 7. С. 194, 195. Рис. 90, 91). Тайманово же принадлежит к памятникам киевской и колочинской культур (Терпиловский, Абашина. 1992. С. 175-177).

Таким образом, для понимания процессов, имевших место в эпоху Великого переселения народов на значительной

части Беларуси, важно определить время и особенности этнокультурного развития, которые привели к формированию банцеровской и тушемлинской культур.

Банцеровская культура, как и тушемлинская, формируется на основе древностей предшествующего населения - носителей культуры штрихованной керамики. Данный процесс можно проиллюстрировать материалами с селища Микольцы Мядельского р-на Минской области (Зверуго, Медведев. 2003). В керамическом комплексе тут преобладает гладкостенная посуда. На раннем этапе заселения отмечено значительное количество штрихованной посуды, включая ребристые горшки культуры штрихованной керамики. В наборе форм сосудов (преобладание профилированных сосудов при наличии баночных и ребристых форм) можно видеть завершившуюся эволюцию керамического комплекса культуры штрихованной керамики, которая была отмечена в предшествующее время (вторая четверть I тыс. н. э.) (Медведев. 1996. С. 44). В керамике из селища Микольцы отмечено влияние носителей днепро-двинской культуры (технология изготовления, особенности штриховки), в то время как керамика с расчесами представлена единичными экземплярами (Зверуго, Медведев. 2003. С. 88, 89). Несомненно, что процесс трансформации культуры не произошел сразу, а протекал какое-то время. Однако нет оснований удревнять время появления банцеровской культуры до IV в. н. э. — времени возникновения тушемлинской культуры.

Появление в Восточной Литве и прилегающих районах Беларуси носителей культуры восточнолитовских курганов привело к исчезновению культуры штрихованной керамики. Так, население культуры восточнолитовских курганов отмечено у д. Засвирь Мядельского р-на Минской обл. (селище и курганный могильник). В керамическом комплексе поселения преобладает облитая керамика (Звяруга, Мядзведзеў. 1994), которая на сели-

ще Микольцы встречена в единичных фрагментах.

На остальных памятниках культуры штрихованной керамики Центральной Беларуси жизнь продолжается вплоть до середины V в. н. э. (городища Аношки, Васильковка, Городище Мядельского и Барановичского р-нов, Ревячка).

В то же время имеются материалы, которые позволяют охарактеризовать процессы, которые происходили на востоке Беларуси. Так, Е. А. Шмидт отмечает появление тушемлинской культуры в Смоленском Поднепровье в IV в. н. э., о чем свидетельствуют материалы городища Демидовка и селища Заозерье. Смена культур происходила и на левобережье Верхнего Днепра. Так, в среднем слое городища в Кричеве (Городец), которое относится к тушемлинской культуре, имеются находки III - начала IV в. (среди них арбалетная фибула, тип 2б по Е. Л. Гороховскому, которая датируется 330-380 гг.). Кроме того, в керамическом комплексе этого слоя найдена чернолощенная керамика, аналогии которой можно видеть среди древностей мошинской культуры (Мяцельскі. 2003. С. 16-20). Отметим, что материалы мошинской культуры встречены и на более северных памятниках — в Смоленской (Лопатин, Лопатина. 1998) и даже Тверской (Исланова. 1996; Максимов. 1996) областях России.

В то же время на правобережье Верхнего Днепра памятники днепро-двинской культуры продолжают свое существование и позднее. Так, на городище Лемница Бельничского р-на Могилевской области вместе с посудой этой культуры найдены железная В-образная рифленая пряжка, стеклянные бусы, железный черешковый наконечник стрелы (Медведев. 1995а). Эти находки, как и отдельные формы горшков киевской культуры (анalogии в деснинской группе на 3-м этапе - середина IV - середина V в. н. э.), позволяют отнести существование городища вплоть до первой половины V в. н. э. На близлежащих городи-

щах Эсьмоны и Барсучья Горка также найдены материалы днепро-двинской культуры и вещи IV-V в. н. э., в том числе и наконечники стрел (Медведев. 19956).

В связи с этими обстоятельствами следует предполагать, что одной из причин формирования тушемлинской культуры в левобережной части Верхнего Поднепровья (генетическая связь с населением днепро-двинской культуры представляется несомненной), равно как и причиной ухода групп мощинского населения из Поочья на север, в Поволжье, можно считать политические события того времени. К IV в. н. э. относятся известия Иордана о подчинении готам племен лесной полосы Восточной Европы (морденс, меренс, имнискары) и о походе Германириха на эстиев.

Население культуры штрихованной керамики Центральной Беларуси не было затронуто этими событиями, и процесс формирования банцеровской культуры шел без таких потрясений и завершился позднее, к середине V в. н. э.

Для определения возможности прихода славянского населения в конце IV-V в. н. э. в лесную полосу Восточной Европы следует рассмотреть хронологию и распространение категорий находок, которые В. В. Седов считает индикаторами славянской миграции.

Среди вещей, позволяющих показать миграцию славян в лесную зону Восточной Европы, В. В. Седов отмечал железные шпоры с отогнутыми наружу крючками (Седов. 1999. С. 95. Рис. 17). На представленной карте видно, что большая часть этих находок расположена на территории Литвы, Латвии и Беларуси, что дало возможность Перхавко В. Б. считать их характерными для балтов (тип 5) (Перхавко. 1978. С. 122, 123). В Беларуси такие шпоры появляются еще на памятниках культуры штрихованной керамики (Медведев. 1996. С. 31) и бытуют позднее, на памятниках банцеровской и тушемлинской культур. Встречаются они вплоть до VII в. н. э., хотя отдельные эк-

земпляры отмечены в Польше и Украине (Буковина) в слоях VIII-X вв. н. э. (Михайлина, Тимошук. 1983. Рис. 4: 14; Gurba. 1965. S. 49, 50. Рyc. 1; Musianowicz. 1979. S. 204, 205. Tabl. IV: 6; Poleski. 1992. Рyc. 3: 6-10).

Связывать появление таких шпор с древностями Повисленья (вне ареала балтских племен) представляется слишком смелым утверждением. Для периода поздне римского (С) времени и периода переселения народов (D) нам известно в Польше 3 находки (Bornice. Pow. Elbląg (D); Piwonie. Pow. Kalicz (C-D); Drozdów. Pow. Płońsk (C) (Dabrowsky. 1968. Tabl. XXXIV: 21; Godlowski. 1979. S. 48. Рyc. 3: k; Pyrgala. 1974. Рyc. 10e, 14f). Известны также 2 находки из Германии (Liebe. 1975. S. 218. Taf. 32: 8, 9; Leineweber. 1997. Taf. 51: 4) этого же времени. Таким образом, нельзя говорить о широком употреблении шпор этого типа вне балтского ареала.

В то же время в сводке В. В. Седова (см. карту) отсутствуют ранние находки из балтского ареала. Это - шпоры из могильников Юдзики, погр. 36 (датируется II-III вв. н. э. - B2-C1) (Marciniak. 1950) и Швайцария, кург. 2 (княжеский) III в. н. э. (Antoniewicz, Kaczynski, Okulicz. 1958. Tabl. V: 11, 12). На мой взгляд, именно эти образцы послужили прототипами для изделий Литвы, а также культуры штрихованной керамики Беларуси.

Помимо этого имеются и 4 находки, происходящие с территории Украины: Александровка-1 (киевская культура, IV в. н. э.), Новые Безрадичи (киевская культура), Переяслав-Хмельницкий (черняховская культура II-III вв. н. э.), Марьяновка (до III в. н. э.) (Гончаров, Махно. 1957. С. 136. Табл. II: 9; Даниленко. 1976. Рис. 1: 16, 3: 2; Терпиловский, Шекун. 1996. С. 84. Рис. 38: 22; Хавлюк. 1975. С. 15. Рис. 9: 12).

Таким образом, шпоры с отогнутыми крючками появляются на памятниках Восточной Европы раньше конца IV-V в. н. э. (времени появления славян, по

В. В. Седову) и не могут считаться славянскими индикаторами (более вероятно, в III-VII вв. н. э. - это изделия балтских племен).

В отношении удил (дву- и трехчленные с кольцами) (Седов. 1999. С. 95, рис. 17) можно утверждать, что и они не могут считаться индикаторами славянского расселения. Так, они найдены на памятниках западных балтов III-IV вв. в Швейцарии и Осове (Antoniewicz. 1961. Tabl. V: 9, Tabl. VI: 11; Antoniewicz, Kaczynski, Okulicz. 1958. Tabl. V: 8; Jaskanis D., Jaskanis J. 1961. Tabl. VII: 3, Tabl. X: 11; Jaskanis J. 1958. S. 87. Tabl. XVIII: 5; Jaskanis J. 1961. S. 163. Tabl. V: 8). Данные изделия использованы для синхронизации восточноевропейских древностей эпохи Великого переселения народов, причем двучленные образцы относятся к I-V вв. н. э., а трехчленные считаются балтскими (Каргопольцев. 2000).

Не могут служить доказательством появления славян в Восточной Европе и находки бритв (Седов. 1999. С. 99). Они также появляются ранее IV в. н. э. (каталог находок в статье Александрова за 1989). Основная масса этих изделий известна на памятниках многих культур и может быть датирована II-IV, IV-V и V-VI вв. н. э. (Александров. 1989. С. 26-29).

Не однозначно и рассмотрение хронологии кресал с петлей для подвешивания (Седов. 1999. С. 101-103). Так, в северо-восточной Польше у ятвягов известны 4 находки на могильниках II-IV вв. н. э. (Юдзики, Швейцария, кург. 52, VII; Шурпилы 2, кург. XXXII) (Antoniewicz. 1961. Tabl. VI: 21; Antoniewicz. 1963. Рис. 6:b; Marciniak. 1950. Tabl. XIX: 10; Zurowski T. 1961. Tabl. XVIII: 6). Кроме того, находки из Литвы (Межаны (Межонис), кург. 3. погр. 2; Плинкайгалис, погр. 232, 234) датируются IV в. н. э. (Tautavičius. 1996. P. 120, 121).

Имеются различия и в датировании кресал в ареале дяковской культуры.

Так, К. А. Смирнов относил их к подтипам 2а и 2б и датировал их появление временем около рубежа н. э., хотя они использовались на протяжении всего I тыс. н. э. (Смирнов. 1974. С. 60, 61). И. Г. Розенфельдт относит эти находки к типам I и II и датирует VI-VIII вв. н. э. (Розенфельдт. 1982. С. 143-145), несмотря на то, что в более ранней работе, посвященной керамике городища Троицкое, она датирует одно из кресал III-V вв. н. э. (Розенфельдт. 1974. С. 108. Рис. 5: 22).

Интересны обстоятельства находки кресал на селище Троице в Удомельском Поозерье. Там найдено 4 кресала. И. В. Исланова относил их к типу II (по Перхавко В. Б.) или типу II, вид 1 (по И. Г. Розенфельдт) и датировала в пределах второй четверти VII в. н. э. На селище были найдены грузики дякова типа (типы 5а датированы временем до III в. н. э.). Само селище имеет керамику, аналогичную посуде мощинской культуры, и датируется II-V вв. н. э. (Исланова. 1996. С. 366, 371).

Из ранних находок (III в. н. э.) в Восточной Европе следует отметить находки из Абидни киевской культуры (Терпиловский, Абашина. 1992. С. 60. Рис. 14: 1), Великой Снитинки-2 черняховской культуры (Магомедов. 1992. С. 109, 112. Рис. 12: 2).

Все это не позволяет использовать эту категорию орудий труда в качестве индикатора славянской миграции. Следует отметить, что более ранние центральноевропейские аналоги имеют и другие типы этой категории орудий (блоковидные кварцевые, железные пластинчатые с заостренной частью (кресало-проколка)).

В отношении железных В-образных рифленых пряжек (Седов. 1999. С. 105, 106) следует отметить, что они служат хронологическим индикатором, который позволяет синхронизировать древности северо-запада Восточной Европы с древностями Центральной Европы (Бажан, Каргопольцев. 1989), но встречаются в

древностях многих культур (сводку по находкам у ятвягов и культуре восточно-литовских курганов см.: Медведев. 1996. С. 58) на обширных территориях и вряд ли могут служить этническим признаком. Они встречаются в погребениях с оружием (воины).

В этой же связи следует осторожно подходить и к использованию находок оружия для обоснования прихода славянского населения. Некоторые типы оружия появляются рано и распространены очень широко. Так, к примеру, втульчатые двушипные наконечники копий (Седов. 1999. С. 107) появляются еще в I тысячелетии до н. э., в скифское время (Мелюкова. 1964. С. 44, 45), широко встречаются в ряде культур Европы, от Скандинавии и Германии до Поволжья. В Поволжье они появляются в I в. н. э. (Андреевские курганы) (Степанов. 1980. С. 54. Табл. 7: 3. С. 55. Табл. 8: 5. С. 60. Табл. 13: 5. С. 66. Табл. 19: 22. С. 89. Табл. 42: 9, 10, 17), часто встречаются в рязанско-окских могильниках начиная от второй четверти I тыс. и вплоть до середины VIII в. (Шитов. 1977. С. 115, 116), а в мордовских памятниках бытуют с I по IX в. н. э. (Циркин. 1984. С. 129. Рис. 3). Наконечники с пером профилированной формы встречены даже в Абхазии, на могильниках пелелдинской культуры, Цибилиум 1—4, погр. 8, которое датировано IV в. н. э. (Воронов, Юшин. 1979. С. 185. Рис. 3: 10. С. 185-187).

Эти категории находок (В-образные пряжки, кресала, наконечники копий с профилированным и двушипным пером, удила, боевые топоры, а также умбоны щитов) позволяют провести синхронизацию древностей всего северо-запада Восточной Европы (Каргопольцев, Шукин.

2002), но не могут рассматриваться в качестве индикатора славянского расселения в Восточной Европе.

Таким образом, в период Великого переселения народов на территории Восточной Европы происходят значительные этнокультурные изменения. Так, в Смоленском Поднепровье и прилегающих районах Восточной Беларуси на основе днепродвинской культуры железного века появляются в IV в. н. э. памятники тушемлинской культуры. Одной из причин, вызвавших данные перемены, были и политические события. В Центральной Беларуси на основе племен культуры штрихованной керамики в V в. н. э. завершается формирование банцеровской культуры. Обе культуры принадлежат к кругу балтских древностей. Несомненно также, что события Великого переселения народов вызвали перемещения групп населения на значительные расстояния. Не исключено, что в процессе формирования банцеровской и тушемлинской культур такие иноэтнические группы населения также приняли участие в качестве субстрата. Характер их взаимоотношений с местным населением требует дальнейшего углубленного изучения.

События Великого переселения народов вызвали появление на обширных территориях Восточной Европы (в т. ч. на Беларуси и Смоленщине) новых категорий находок (украшения, снаряжение, оружие), аналогии которым можно найти в древностях культур Центральной Европы. Однако вышеперечисленные изделия распространены на памятниках многих культур, относящихся к различным народам. В связи с этим преждевременно рассматривать их как свидетельство прихода славянского населения в Восточную Европу (Седов. 1999. С. 91, 117).

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. А. Бритвы III-IV вв. в контексте древностей Восточной Европы // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Тез. докл. к науч.-практ. конф. Псков, 1989.
2. Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. 1989. Вып. 198.

3. *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Ранний горизонт (II-IV вв. н. э.) на могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. № 1.
4. *Гончаров В. К., Махно С. В.* Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. 1957. Вып. 11.
5. *Даніленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки кий'вського типу // Археологія. 1976. Вып. 19.
6. *Исланова И. В.* Селище Троица 1 на оз. Удомля (о культурных изменениях в середине I тыс. н. э.) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2.
7. *Зайкоўскі Э. М., Мядзведзеў А. М.* Раскопки гарадзішча каля в. Аношкі Нясвіжскага р-на // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мн., 2001. № 3.
8. *Звяруга Я. Г., Мядзведзеў А. М.* Паселішча на беразе возера Свір // ГАЗ. 1994. № 3.
9. *Зверуго Я. Г., Медведев А. М.* Микольское селище (исследования 1981-1982 гг.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусь 2003. № 6.
10. *Каргопольцев С. Ю.* Составные кольчатые удила как индикатор синхронизации восточноевропейских древностей эпохи Великого переселения народов // Археология Пскова и Псковской земли. Материалы научн. семинара. 1996-1999. Псков, 2000.
11. *Каргопольцев С. Ю., Щукин М. Б.* Новая находка позднееримского времени на западе Ленинградской области // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2000.
12. *Лопатил Н. В., Лопатина О. А.* Памятник мощинской культуры в верховьях Вазузы // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3.
13. *Магомедов Б. В.* Велика Снітинка 2 - поселення гребінників III-IV ст. н. э. // Стародавнє виробництво на території України. Київ, 1992.
14. *Максимов А. Д.* О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2.
15. *Медведев А. М.* Раскопки городища в Бельничском районе // Гістарычныя лесы Верхняга Падняпроўя. Магілёў, 1995а. Ч. 1.
16. *Медведев А. М.* К вопросу о северной границе позднезарубинецкой и киевской культур в Верхнем Поднепровье // ГАЗ. 1995б. № 7.
17. *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. - V в. н. э.). Мн., 1996.
18. *Мелокова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-14.
19. *Михайлина Л. П., Тимошук В. А.* Славянские памятники бассейна Верхнего Прута VIII-X вв. // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.
20. *Мицельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. Гістарычна-археалагічны нарыс ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Мн., 2003.
21. *Перхавко В. Б.* Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3.
22. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
23. *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.
24. *Седов В. В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.
25. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
26. *Степанов П. Д.* Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980.
27. *Тертиловский Р. В., Абашина Н. С.* Памятники киевской культуры (свод археологических памятников). Киев, 1992.
28. *Тертиловський Р. В., Шекун О. В.* Олександрівка 1 - богатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.
29. *Хавлюк П. У.* Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. Київ, 1975. Вып. 18.
30. *Шитов В. Н.* Древнемордовские наконечники копий III - начала XI в. // Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1977. Вып. 54.
31. *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепр-двинские племена (VIII в. до н. э. - III в. н. э.). М., 1992.

32. Шмидт Е. А. Тушемлинская культура и древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья // *Пстарычныя лесе Верхняга Падняпроўя*. Магілёў, 1995. Ч. 1.
33. Шмидт Е. А. Об этнической принадлежности племен тушемлинской культуры IV-VII вв. н. э. в верховьях Днепра // *ГАЗ*. 1996. № 10.
34. Шмидт Е. А. О тушемлинской культуре IV-VII веков в Верхнем Поднепровье и Подвинье (к вопросу этнической атрибуции) // *Iš baltu kultūros istorijos*. Vilnius, 2000.
35. Циркин А. В. Древковое оружие мордвы и его хронология // *СА*. 1984. № 1.
36. Antoniewicz J. Badania kurhanów z okresu rzymskiego dokonane w 1957 r. w miejscowości Szwajcaria, pow. Suwałki // *Wiadomości archeologiczne*. 1961. T. 27.
37. Antoniewicz J. Wyniki badań przeprowadzonych w 1958 -1960 roku na cmentarzysku w miejsc. Szwajcaria, pow. Suwałki // *Wiadomości archeologiczne*. 1963. T. 29.
38. Antoniewicz J., Kaczyński M., Okulicz J. Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurchanowym w miejsc. Szwajcaria, pow. Suwałki // *Wiadomości archeologiczne*. 1958. T. 25.
39. Dąbrowscy I. K. Osada latensko-rzymska we wsi Piwonie, pow. Kalisz // *Materiały starożytne*. 1968. T. 11.
40. Jaskanis D., Jaskanis J. Sprawozdanie z badań w 1957 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki // *Rocznik Białostocki*. 1961. T. 1.
41. Jaskanis J. Sprawozdanie z badań w 1956 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki // *Wiadomości archeologiczne*. 1958. T. 25.
42. Jaskanis J. Wyniki badań przeprowadzonych na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki w latach 1958-1959 // *Rocznik Białostocki*. 1961. T. 1.
43. Gurba J. Z problematyki osadnictwa wczesno-sredniowiecznego na Wyżynie Lubelskiej // *Anales Universitatis M. Curie-Skłodowska. Ser. F*. 1965. T. 20.
44. Godłowski K. Die Volkerwanderungszeit in Pommern // *Archaeologia Baltica*. 1979. Bd. V.
45. Leibe A. Die Römische Kaiserzeit im Oder-Spree-Gebiet // *Veröffentlichungen des museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam*. Berlin, 1975. Bd. 9.
46. Leineweber R. Die Altmark in spätromischer Zeit. Halle (Saale), 1997.
47. Marciniak J. Dwa cmentarzyska ciałopalne z okresu rzymskiego w Judzikach i Bargłowie Dwornym, pow. Augustowskim // *Wiadomości archeologiczne*. 1950. T. 17.
48. Musianowicz K. Zespół osadniczy z Gorodka obwód Rowenski (USSR) w świetle wczesno-sredniowiecznego osadnictwa Wołynia // *Wiadomości archeologiczne*. 1974. T. 44.
49. Poleski J. Podstawy i metody datowania okresu wczesnośredniowiecznego w Małopolsce // *Zeszyty naukowe Univ. Jagiellońskiego. Prace archeologiczne*. Kraków, 1992. Z. 52.
50. Pyrgala J. Cmentarzysko ciałopalne z późnego okresu rzymskiego w Drozdowie, pow. Płońsk // *Wiadomości archeologiczne*. 1974. T. 39. Z. 2.
51. Tautavičius A. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V-IX a.). Vilnius, 1996.
52. Zurowski T. Sprawozdanie z badań w 1957 r. cmentarzyska kurhanowego na stanowisku 2 we wsi Szurpily pow. Suwałki // *Wiadomości archeologiczne*. 1961. T. 27. Z. 1.

С. Е. РАССАДИН

г. Минск

**«СКИФЫ ОСОБЫЕ,
ОТЛОЖИВШИЕСЯ
ОТ ЦАРСКИХ»:
ВАРИАНТ ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

У самого «отца истории» об этих скифах сказано только походя. Ведь Геродоту пришлось упомянуть о них лишь потому, что как раз мимо шла, от самой Ольвии в глубину «заскифских» земель, великая дорога эллинских и «варварских» купцов-пилигримов: «Выше йирков по направлению к востоку живут другие скифы, отделившиеся от царских и прибывшие в эту землю. Вся описанная мною страна до области этих скифов представляет собою равнину с глубокой, плодородной почвой, а, начиная отсюда, земля становится камениста и неровна. Когда пройдешь значительное пространство этой неровной страны, у подножия высоких гор обитают люди, которые, как говорят, все плешивы от рождения...» (Herod. IV: 22,23).

Однако эти «другие скифы» оказались отнюдь не на обочине исследовательских интересов. Внимание к ним среди историков и археологов поддерживается уже второе столетие. Наверное, самой обоснованной следует считать версию, восходящую еще к К. Нейманну, который видел в Геродотовых «особых» скифах тех из «царских», что остались на востоке, а именно в Южном Приуралье, после откочевки их главной орды в Причерноморье под натиском исседонов (Neumann. 1885. S. 128). Там же, в Оренбуржье, их помещали и многие российские исследователи, в частности Ф. Г. Мищенко (Мищенко. 1886. С. 195, 196) и В. Ф. Миллер (Миллер. 1887. С. 122). В советской археологии аналогичная интерпретация причин появления среди Геродотовых скифов этих «особых», «отделившихся» или «отложившихся», а также

их именно заволжская - приуральская локализация предполагалась в свое время Б. Н. Граковым (Граков. 1947. С. 102). Наиболее обстоятельно это было обосновано много позднее, уже Д. А. Мачинским (Мачинский. 1971. С. 30-54). Он ссылается на Дамаста, который, по его мнению, воспроизводит древнеионийскую — Аристееву — этногеографическую традицию, отраженную также у Геродота и Павсания. В своей интерпретации сведений этих авторов Д. А. Мачинский, по существу, солидаризовался с К. Нейманом. «Такой "откол", — говорит он о предполагаемых причинах появления "отложившихся" от "царских", - вероятнее всего, мог произойти в результате борьбы скифов с исседонами в то время, когда последние в своем движении на запад (Herod. IV: 13) как бы "разрезали" скифскую орду надвое». Исседоны, согласно его предположению, могли на левобережье Волги расселяться вплоть до Самарской луки. «Каменистая же и неровная» страна враждебных им скифских «отщепенцев» отождествляется Д. А. Мачинским с Белебеевско-Бугульминской возвышенностью, на востоке которой, как им было подчеркнуто, действительно имеются щебнистые почвы. Предложив свою, вполне определенную, казалось бы, локализацию «отложившихся» скифов, их археологический эквивалент наш исследователь, однако, первоначально не назвал. Для Заволжья и Приуралья это попытался сделать Р. Б. Исмагилов, по мнению которого, с этими скифами хорошо увязывается расположение на р. Сакмаре, близ г. Кувандык в Оренбуржье Большого Гумаровского кургана. С этим памятником в одну так называемую «гумаровскую» группу первой половины VII в. до н. э. у него объединены курганные комплексы Птичата Могила (Белеградец) и Енджа в Северо-Восточной Болгарии. Историческим содержанием гумаровского этапа было, по Р. Б. Исмагилову, первое завоевание скифами восточноевропейских степей, в ходе которого часть двигавшихся из глубин Азии на

запад кочевников задержались в Южном Приуралье, «отложившись», таким образом, от основной орды (Исмагилов. 1988. С. 29-47). Мнение Р. Б. Исмагилова о принадлежности Гумаровского кургана «отложившимся» от «царских» было, кстати, поддержано Н. Л. Членовой (Членова. 1987. С. 8). На первый взгляд, рассмотренная версия выглядит вполне правдоподобно хотя бы уже потому, что «отколы» частей кочевников в ходе их миграций на запад действительно случались и не однажды. Так, монгольские торгоуты Синьцзяна объясняли свое местонахождение там тем, что их предки, увлекшись охотой на диких верблюдов, отбились от орд Чингис-хана (Обручев. 1951. С. 209). В годы монгольского же нашествия монаху Юлиану удалось отыскать своих языческих соплеменников - мадьяр, не ушедших с основной частью этого народа к Дунаю, и как раз где-то между Волгой и Уралом (Кузеев. 1974. С. 400).

Несмотря на это, аналогия с приуральской Magna Hungaria или Hungaria Maior в случае с Геродотовыми «отложившимися от царских» окажется все же вряд ли уместной, если мы обратимся к первоисточнику. Его, по нашему мнению, следует истолковывать совсем иначе, чем это делает Д. А. Мачинский. Он настаивает на приоритете Аристея Проконесского, реальность восточного вояжа которого не позднее 670 г. до н. э. не подлежит никакому сомнению. Аристей был даже объявлен «первооткрывателем» основного «закона степей» эпохи кочевого хозяйства: неуклонное движение кочевых орд с востока на запад, военное преобладание восточных соседей над западными. Д. А. Мачинский исходит из того, что наш «одержимый Фебом» поэт был очевидцем этой борьбы кочевников за пастбища Приуралья, а Гумаровский курган начала VII в. до н. э. отнесен непосредственно к «эпохе Аристея» (Мачинский. 1989. С. 18-21). Однако были предьявлены убедительные доказательства того, что Аристей, вопреки Д. А. Мачинскому, современником пресловутого «от-

кола» части скифской орды из-за натиска исседонов считаться никак не может.

А. И. Иванчик на основании результатов всестороннего историко-филологического анализа, проведенного им, утверждает, что «Аримаспейя» была написана не в VII в. до н. э., а гораздо позднее: в конце VI - первой четверти V в. до н. э., и не по личным наблюдениям пифагорейца Аристия, который, возможно, с полубогом Аристаем сам себя и не контаминировал, а на основе его знакомства с ионийской историко-географической литературой (Иванчик. 1989. С. 29-48). Впрочем, Д. А. Мачинский, конечно, прав в том, что знакомство с этой же древнеионийской традицией обнаруживают Дамаст и Павсаний. Осведомленность обнаруживает и «отец истории», который процитировал «Аримаспейю» в соответствующем месте своего собственного сочинения. «Аристей, сын Каистробия из Проконесса, - отмечает Геродот в своей поэме, - рассказывает, что все эти народы, начиная с аримаспов, постоянно нападали на своих соседей, так что аримаспами вытеснены из своей земли исседоны, исседонами - скифы, а киммерийцы, жившие у южного моря, покинули свою страну под натиском скифов...» (Herod. IV: 13). Но дело-то в том, что, прекрасно зная этот Аристеев сюжет, «отец истории» в своем рассказе об «отложившихся» скифах от него как раз вообще не зависим. Впрочем, это совсем не открытие: когда И. В. Куклина решительно выступила против предпринимающихся время от времени попыток реконструировать гипотетический маршрут Аристия на основе соответствующих Геродотовых известий, ею специально подчеркивалась самостоятельность последних и отсутствие «в традиции, восходящей к Аристее», упоминаний о многих племенах на пути к исседонам: савроматах, будинах, йирках, тиссагетах, аргиппеях, и интересующих нас «отложившихся скифах». Вывод исследовательницы однозначен: для сообщений о них «у Геродота были другие источники» (Куклина. 1984. С. 88). Это действительно так, ведь эти свои источники, и вовсе не

древнеионийские литературные, «отец истории» указал со всей определенностью. Несомненно, имея в виду также и своих «отложившихся», Геродот говорит: «...о племенах, обитающих по сю сторону их, имеются достоверные сведения: к ним ходят некоторые скифы, от которых не трудно добыть сведения» (Herod. IV: 24). Таким образом, Геродот не только преподносил своим читателям информацию, но и указывал на свои источники ее получения. Теоретически любой усомнившийся в правдивости «отца истории» скифских купцов-рассказчиков мог опросить и сам. Доверяя своим информаторам-очевидцам, Геродот вразрез с письменными известиями предшествующей поры рискнул, в частности, утверждать, что соседи «отложившихся» скифов с северо-востока - вовсе не исседоны, а «плешивые» аргиппеи. И именно аргиппеи имели своими восточными соседями исседонов (Herod. IV: 23-25). В отличие от Аристия, Дамаста и Павсания «отложившиеся» у Геродота от исседонов никак не зависят.

На наш взгляд, упрек, сделанный А. Ю. Алексеевым в адрес «отца истории», вряд ли справедлив. Им предполагается искаженный характер Геродотовых сведений об «отделившихся скифах», «которые на самом деле и являлись собственно скифами-царскими, но на раннем этапе своей истории, до появления в Северном Причерноморье». Совместив две внешне противоречивые традиции, считает этот исследователь, Геродот и создал ту этногеографическую конструкцию, которая вызывает столь сильные затруднения при ее интерпретации (Алексеев. 1996. С. 17). Но это вовсе не так, ведь Геродот ясно различает ранних скифов - азиатских пришельцев, ни в коем случае не смешивая их ни с господствовавшими в Северном Причерноморье, ни с не разъясненными пока загадочными «отделившимися» от «царских».

Изложив обе легенды о происхождении скифов, в том числе «самых лучших и многочисленных» из них, а также и самих степных басилевсов, от первочелове-

ка Таргитая и от Гераклова сына Скифа, «отец истории» приводит еще один услышанный им рассказ, которому он сам наиболее доверял. «По этому рассказу, - сообщает он, — кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Араке и удалились в киммерийскую землю...». (Herod. IV: 11). Таким образом, Геродот предпочитал всем прочим, в том числе и «Аристеевой», другую, совершенно независимую от нее версию появления скифов в Северном Причерноморье, в которой роль стимула отводилась не исседонам, а массагетам и в которой речь шла не о «царских», а именно о скифах-кочевниках. Собственно общим для обеих легенд об изгнании скифских номадов из Азии, древнеионийской «Аристеевой» и скифской (?) Геродотовой, является лишь место действия - Заволжье. Ведь Араксом, за которым в Азии первоначально обитали скифы, считается в данном случае Волга (Пьянков. 1975. С. 66). Помимо разных преданий о приходе скифов в страну, принадлежавшую до них киммерийцам, «отцу истории» было известно также несколько сюжетов об отделении каких-то групп от основной орды, например, о том, как отложился и ушел к мидийскому царю Киаксару один из взбунтовавшихся отрядов скифских завоевателей Азии (Herod. I: 73-74). Исходя из того, что рассмотренная выше версия К. Нейманна - Д. А. Мачинского оказалась явно нежизнеспособной, теоретически вполне имеет право на существование и второй вариант интерпретации содержания Геродотова понятия «особые скифы» - по В. Томашеку (Tomaschek. 1886. S. 46), Э. Миннзу (Minns. 1913. P. 107), С. А. Жебелеву (Жебелев. 1953. С. 345), Л. А. Ельницкому (Ельницкий, 1977. С. 121). В общем-то, все они были едины в главном: Геродотовы «отложившиеся» — это часть именно северопричерноморских скифов-«царских», отколовшихся от их основной массы и ушедших на восток. Но как далеко? Согласно Б. А. Рыбакову, только до среднедонской

лесостепи. С другой стороны, Э. Миннз, например, «каменистую и неровную» местность в стране «отложившихся» сопоставлял даже не с приуральскими предгорьями, а со склонами Алтая... Сравним, кстати, у Ф. Г. Мищенко: «...под саками следует разуместь собственно царских скифов» (Мищенко. 1899. С. 37). Впрочем, не все склонны были углубляться в Азию так далеко. Например, согласно С. И. Руденко, по отделении от скифов «царских» часть их в своем продвижении достигла лишь Северо-Западного Казахстана (Руденко. 1953. С. 17). Признавая преобладание в Великой степи древней эпохи движения азиатских кочевников на равнины Европы, современное номадоведение, однако, не исключает и обратные миграции. Весьма вероятно, предполагается, например, В. Ю. Зуевым по результатам изучения степных приуральских древностей эпохи архаики, что начало VI в. до н. э. было чрезвычайно динамичным временем, насыщенным передвижением больших масс кочевников не только с востока на запад, но и в обратном направлении (Зуев. 1998. С. 46, 47). Однако из названных исследователей, исходивших из понимания Геродотовых «особых» скифов не как «отставших», а именно как «отложившихся» от северопричерноморских «царских», практически решить эту вполне определенную историко-археологическую задачу - обосновать для них тот или иной археологический эквивалент — попытался лишь Б. А. Рыбаков.

Видимо, им предусматривалась возможность, что в своем движении вспять часть «царских», направляясь к востоку, могла и отклониться, например к северу, или задержаться где-то не очень далеко от Нижнего Поднепровья, на землях «свободных» - «царских» скифов, в частности на среднем Дону, в области знаменитых воронежских курганов. Б. А. Рыбаков основывался на весьма своеобразном понимании соответствующих Геродотовых известий, в том числе § 20 в «Мельпомене», посвященного «царственным»

скифам, где сказано также, что из числа нескифских племен своими соседями они имели меланхленов. По мнению Б. А. Рыбакова, «отец истории» подразумевал здесь не основной массив «самых лучших и многочисленных» в Нижнем Поднепровье, а отложившихся и удалившихся от них - именно на 20 дней пути, т. е. ушедших на средний Дон, к меланхленам. Местом обитания «других скифов, которые прибыли в эту страну по отделении от царственных», по Б. А. Рыбакову, был обособленный воронежский район скифской культуры. В подтверждение такой их локализации сделана также ссылка на интерпретацию Д. С. Раевским известных изображений на серебряном сосуде из «Частых» курганов под Воронежем как иллюстрации генеалогической легенды о происхождении скифов. Раз этот миф возник в среде «царских», то изображения на сосуде из «Частых» и подтверждают, по Б. А. Рыбакову, пребывание отложившейся их части на среднем Дону (Рыбаков. 1979. С. 122). Упомянутые доводы отнюдь не были признаны убедительными. Так, Д. С. Раевский решительно возражает против использования сосуда из «Частых» курганов в качестве некоего этнического индикатора. Им подчеркивается, что в воронежскую лесостепь это прекрасное произведение греческой торевтики попало, видимо, при посредстве степной Скифии, но оно вряд ли отражает идеологию самих обитателей Среднего Подонья. Трудно не согласиться также и с тем, что одной этой находки в любом случае недостаточно, чтобы предполагать одноэтничность скифов «царских» и населения, оставившего воронежские курганы. Последние, как это справедливо отмечено Д. С. Раевским, отличаются от памятников степной Скифии по основным этнокультурным показателям (Погрובה, Раевский. 1989. С. 44, 45). Далее, Б. А. Рыбакову по тому же поводу не менее решительно возразил и В. П. Яйленко. Действительно, вопреки Б. А. Рыбакову из текста § 20 Геродотовой IV книги вовсе не следует, что сосе-

дями меланхленов были именно скифы-апостаты, а не сами скифы «царские» (Яйленко. 1983. С. 54-65). На наш взгляд, совершенно невозможно «доказывать» местоположение «отложившихся» именно на Среднем Дону, как это делает Б. А. Рыбаков, также путем «корректировки» Геродотова текста, переставляя фрагменты 22-го параграфа «Мельпомены» в 21-й. Кроме того, некоторые «рекомендации» Б. А. Рыбакова в адрес ...Геродота (!) вызывают, мягко говоря, удивление. «При перечислении народов от моря в глубь страны писатель должен сначала упомянуть отделившихся скифов, а затем уже более далеких меланхленов, живущих восточнее и севернее на краю пустыни» (Рыбаков. 1979. С. 121).

Итак, Б. А. Рыбаков, очевидно, совершенно безуспешно пытался представить воронежские курганы Среднего Подонья в качестве некоего филиала кочевнической культуры Нижнего Поднепровья, которую принято рассматривать как оставленную «царскими» скифами. Вне степной Скифии, даже в северопричерноморской лесостепи, мы не найдем археологические комплексы соответствующего возраста, идентичные нижнеднепровским или северокрымским. Авторы еще одного современного варианта локализации (и археологической атрибуции) «особых скифов», М. Н. Погрובה и Д. С. Раевский, вполне справедливо полагают, что искомые памятники могут иметь весьма существенные отличия (Погрובה, Раевский. 1989. С. 40-65). В отличие от Б. А. Рыбакова, но в полном соответствии с Геродотом они исходили также из того, что «отделившиеся» скифы являлись соседями совсем не меланхленов, а йирков: «Выше йирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских и прибывшие в эту страну» (Herod. IV: 22). Поэтому локализация Геродотовых йирков в версии, разработанной соавторами, имеет значение ориентира, руководствуясь которым они пытаются установить место обитания «отложившихся». Для этого

привлекается название левого притока Суры в ее нижнем течении: р. Урга. Этот гидроним предложено рассматривать в качестве идентичного (с озвончением согласных) Геродотовому этнониму Турки. Опираясь на такое истолкование названия Урги-сурской, как «йиркского», самих Геродотовых йирков М. Н. Погребова и Д. С. Раевского размещают также и на нижней Суре, а «отделившихся» скифов, соответственно, «выше» и восточнее — уже на противоположном берегу Волги, в юго-западной части ананьинского ареала (Погребова, Раевский. 1989. С. 49. Рис. 1). Однако, возражая Д. С. Раевскому, Н. Л. Членова вполне резонно заметила, что характерный йиркский способ конной охоты в мордовских лесах практиковать было невозможно и уже потому это племя не может быть оторвано от лесостепи (Членова. 1987. С. 6). Лесостепной саратовско-хвалынский йиркский вариант городецкой культуры является в данном случае куда более надежным этногеографическим ориентиром, чем одноименная каракалпакской и монгольской Урге «йиркская» река (Рассадин. 1999. С. 14).

Итак, данный ориентир существенно исправляет маршрут, проложенный Д. С. Раевским и М. Н. Погребовой к скифам-«отщепенцам». Расстояние до них от йирков даже в «днях пути» Геродотом не указывается. Поэтому внедряющуюся в среду «заскифских» племен скифскую группировку можно искать, в принципе, по всему южному Приуралью, которое расположено в целом и «выше» и «восточнее» правобережной приволжской лесостепи. Как уже было сказано Р. Б. Исмагиловым, а также Н. Л. Членовой, в качестве археологического эквивалента «отделившихся» предлагалось рассматривать Большой Гумаровский курган в Восточном Оренбуржье. Определение его как наидревнейшего скифского памятника Восточной Европы, конечно, не бесспорно, но бесспорен именно кочевнический характер старшего погребения в Гумарове. Старший же Ахмыловский

могильник был оставлен не номадами, а оседлым населением, и поэтому М. Н. Погребовой и Д. С. Раевскому пришлось прибегнуть к довольно сложной аргументации принадлежности его отделившимся от «самых лучших и многочисленных» кочевников Причерноморья. И аргументация эта, в общем, малоубедительна. Например, чтобы как-то объяснить явное преобладание в составе скифо-кавказских включений в комплексах Ахмыловского могильника вещей именно кавказского-закавказского происхождения, они высказали предположение о гипотетической миграции в Среднее Поволжье не собственно степных иранцев-кочевников, а уже вполне натурализовавшейся и слившейся с местной этнической средой Центрального Закавказья военно-аристократической верхушки.

Впрочем, отчетливая кавказская окраска южных включений Ахмыловского и Акозинского раннеананьинских могильников может быть объяснена и без привлечения «отделившихся» скифов из Центрального Закавказья и их кавказских компаньонов. Согласно Н. Л. Членовой, переселение по указанному маршруту было совершено киммерийцами, которые и привнесли в ананьинскую среду многие традиции Северного Кавказа, в том числе и обычай изготовления антропоморфных «оленных камней» (Членова. 1987. С. 379). Однако и ею было оставлено без объяснения, почему, прокочевав через всю Великую степь, с юга на север, гипотетические номады-переселенцы резко порвали со своим прежним образом жизни, в том числе с погребальной традицией. Известно, что в действительности было как раз наоборот. Примером тому может послужить, в частности, гигантский курган Перепятиха, который был сооружен около середины VII в. до н. э. на самой границе Киевского Полесья, но целиком по скифскому кочевническому ритуалу эпохи архаики (Скорий. 1990. С. 75-92). Этот замечательный курган одновременно представляет собой и памятник истоковой привержен-

ности иранских номадов погребальным традициям предков. Упомянем здесь также, что в раннем средневековье состоялась реальная миграция кочевников Северного Кавказа в Среднее Поволжье — в бывший ананьинский ареал в VIII в. приходят болгары. Они продолжают кочевать здесь, в лесной стране, вплоть до конца первой четверти X в., когда наконец появляются первые постоянные болгарские селения. Но даже позднее, уже в городской период, волжским болгарам еще трудно было забыть свой прежний образ жизни, и они, по Ибн-Фадлану, на лето переходили из деревянных строений в шатры (Казаков. 1988. С. 132). В древности и в архаическую эпоху история кочевников, внедрившихся в иную природную и этническую среду, протекала, по-видимому, аналогично. Обрядность же всех без исключения погребений Старшего Ахмыловского могильника, в том числе с «киммерийско-ананьинскими» и даже с «чистыми скифо-кавказскими», по Н. Л. Членовой, комплексами — сугубо ананьинская (Членова. 1988. С. 3, 7). Это совсем не вяжется с предложенным определением социального содержания «привнесенного в Среднее Поволжье гетерогенного комплекса». Предполагается, что скифы и здесь, как в Центральном Закавказье, господствовали над аборигенами (Погрехова, Раевский. 1989. С. 61).

Обилие изделий неместного производства в совершенном согласно местному погребальному ритуалу захоронении, конечно, вряд ли свидетельствует об изменении этнической принадлежности захороненного. Например, усопший «варварский» вождь, погребенный в Мاستюгинском кургане № 2 и буквально окруженный там греческими вещами, в эллины из-за этого все же не превратился (Либеров. 1977. С. 104, 105). По-видимому, точно так же и захороненные на Ахмыловском могильнике вместе со скифскими или кавказскими предметами оставались все же ананьинцами. Ананьинских женщин здесь было принято хо-

ронить в составном налобном венчике, который, видимо, оставался сугубо «национальным» головным убором и тогда, когда в его конструкцию входили фрагменты разломанного кавказского или даже урартского бронзового пояса. Пояса, по-видимому, были мужскими, точнее, воинскими, как и все остальные скифо-кавказские находки в Ахмылове. Известно, что в раннем средневековье наборные пояса дружинников были прежде всего знаками их воинской доблести (Плетнева. 1982. С. 164). Не значили ли то же самое цельнометаллические пояса для воинственных кавказцев и скифов? М. Н. Погрехова и Д. С. Раевский не объяснили, почему предполагаемым туземным женам этих пришельцев было позволено так вольно обойтись с их регалиями. Подобное использование этих поясов уже само по себе, наверное, мешает предполагать присутствие среди ахмыловских ананьинцев носителей кавказской традиции опоясываться узорной бронзой. Но, с другой стороны, еще к бронзовому веку восходит ананьинская традиция изготовления головных венчиков, причем аналоги их составляющих нигде вне ананьинского ареала подобным образом не использовались (Патрушев. 1982. С. 186-200).

Можно полагать, что ахмыловских модниц бронзовыми поясами с Кавказа действительно одарили доблестные воины — но, конечно, не скифские, а ананьинские. Участие ананьинцев, вооруженных их национальными боевыми клевцами, в военных действиях даже далеко к югу от Кавказского хребта, кстати, уже предполагается (Курочкин. 1994. С. 119). Если вспомнить походы русских дружин на Каспий, а также взятие ими в 944 г. столицы Аррана, то придется признать, что в способности и древних жителей лесной зоны в какой-то момент распространить свою экспансию на Закавказье, в принципе, нет ничего невероятного. Впрочем, возможно, что для объяснения феномена киммерийско-кавказско-скифских комплексов на ранне-

ананьинских могильниках вовсе не обязательно ссылаться непременно на войны или миграции. Без того и без другого обошлось, например, возникновение в Среднем Поднепровье скифской эпохи феномена подгорцевского ажурного стиля (Рассадин. 1994. С. 263-274). Гипотеза о кавказских его истоках, между прочим, получила поддержку (Махортих. 1996. С. 19). Вероятно, интересное археологическое явление, зафиксированное на Старшем Ахмыловском могильнике, еще получит соответствующую историческую интерпретацию, как могут получить ее и достоверные памятники «отделившихся от царских». По нашему мнению, ни в коем случае нельзя согласиться с выводом М. Н. Погребовой - Д. С. Раевского о том, что «ко времени Геродота отложившиеся скифы как историческая реальность вообще исчезли с этногеографической карты Восточной Европы» (Погрובה, Раевский. 1989. С. 64). Достаточно сказать, что сам Геродот говорит о них не в прошедшем времени, как о киммерийцах, а в настоящем, как о своих современниках, которых посещали и о которых можно было осведомиться и у скифских, и у греческих торговцев (Доватур, Каллистов, Шишова. 1982. С. 108, 109). Другое дело, что М. Н. Погрובה и Д. С. Раевский были вынуждены прибегнуть к типичному «перенапряжению» источника, ведь старший Ахмыловский и другие однотипные раннеананьинские могильники просуществовали только до конца VI в. до н. э., поэтому и отождествляемые с ними «отложившиеся» скифы должны были «отойти» в область преданий...

Итак, пожалуй, все существующие интерпретации «отложившихся» от «царских» скифов оказались, в принципе, неудовлетворительными. По-видимому, следует назвать в качестве их общего недостатка искажение в той или иной мере соответствующих известий древних авторов. Это — либо прямое их «исправление», как у Б. А. Рыбакова, либо смягченное, как у Д. А. Мачинского, попытавшие-

гося, как представляется, необоснованно уточнить и дополнить Геродотовы известия за счет Дамастовых. В результате в процессе идентификации Геродотовых «отложившихся» скифов с археологическими источниками возникли проблемы, в частности хронологического порядка. Так, если Большой Гумаровский курган датируется временем раньше Аристеева, то Старший Ахмыловский могильник - раньше Геродота. В любом случае считать оба этих памятника принадлежащими населению, которое посещалось современными «отцу истории» торговцами, невозможно. Путь же поиска некоего филиала скифской культуры вне северо-причерноморской степи представляется полностью бесперспективным.

Означает ли это, что Геродотовы «отложившиеся» лишены своего археологического отражения? По нашему мнению, нет, и надежда обоснованно идентифицировать их с конкретными памятниками все же остается.

На наш взгляд, требуется прежде всего верно истолковать известия «отца истории». Буквальное понимание его выражения «другие скифы, отложившиеся от царских», как было показано, к успеху не привело. Сейчас нам придется на время оставить археологию, обратившись к лингвистике, а именно к тезису, что Геродотов термин βασιλῆται («царственные», «властители», «повелители», «вожди» - как оппозиция скифам-«рабам») есть греческая калька из скифского Σαοι, или, точнее, Ξαοι, если учесть замену в эллинском произношении 'xs на 's (Абаев. 1949. С. 189; Стрижак. 1988. С. 42). Это самоназвание скифов «царских», Σαοι - 'Xsai - 'Ksai, издавна сопоставляется с авестийским 'khshaja, санскритским 'kshaja- «владыка», «могущественный», древнеиранским xsayant - «господствующий», «царь» (Мищенко. 1886. С. 37-47). Подчеркнем, эти «царские» скифы, или скифы-«цари», исключения собой не представляют. Еще для предскифской эпохи предполагалось существование подобного племени (или

сословия) «царей» у киммерийцев (Раевский. 1977. С. 137; Мищенко. 1886. С. 18). Вообще приходится предполагать наличие в среде евразийских номадов древней и чрезвычайно устойчивой традиции выделения из их среды подобных «царских» племен, поскольку позднее в источниках упоминаются также «царские» сарматы, аланы, гунны. Представляется весьма интересной интерпретация промысла «саи» = «скифы царские» у Л. А. Ельницкого, по мнению которого это нарицательный термин, обозначающий господствующее племя, откуда происходили предводители всей многоплеменной орды (Ельницкий. 1977. С. 114). Итак, получается, что у «царей» степного Причерноморья имелись довольно многочисленные «коллеги», в том числе, очевидно, и на Востоке среди тех «скифов», которые у персов, согласно сообщению «отца истории», именовались саками: Saka haumavarga ахеменидских надписей и, соответственно, Геродотовы Σάκαι Ἀμόρῳτοι (Herod. VII: 64). Согласно Г. Коте, греческое Ἀμόρῳς в своем скифо-сакском оригинале должно было звучать как *amurgaka. Причем первая часть этого слова означала «великий», «большой», а вторая - «царский». Таким образом, Saka *amurgaka переводится как «великие царские саки». Как считает Г. Коте, самоназвание саков и «царских» скифов первоначально было одинаковым (Kothe. 1968. S. 69-97). Не менее интересными в данном случае представляются также и схождения скифской и сакской мифологии, установленные Д. С. Раевским. Исследователем подчеркивается их чрезвычайная близость (если не тождество) и в той части, которая представляет собой легендарную генеалогию царских династий и «царских» племен. Он ссылается в том числе и на соответствующую генеалогическую версию, представленную у Диодора (Diod. II: 43, 5). Наравне со скифами Северного Причерноморья она включает также и близкие им в культурно-этническом плане племена, в частности саков и массагетов. Согласно

Д. С. Раевскому, данная генеалогия евразийских номадов принадлежала скифам «царским» (Раевский. С. 123-138). По нашему мнению, к тому же генеалогическому комплексу относится и легенда о происхождении савроматов, ведь в качестве их родоначальников выступают взявшие амазонок в мужья, а потом отделившиеся и ушедшие на три дня пути к востоку самые младшие из среды именно «свободных» - «царских» - скифов (Herod. IV: 110- 117). Далее, согласно другой генеалогической версии, также зафиксированной у Геродота, от самого родоначальника «царских» скифов и скифских царей, Скифа, тоже отделились и выселились Агафирс и Гелон - легендарные родоначальники нескифских, но соседних народов (Herod. IV: 10). Таким образом, вступая в тесный контакт с иноплеменниками, наши «царственные» номады прибегали к фиктивной генеалогии точно так же, как и греки, сочинившие, в частности, легенды о якобы эллинском происхождении «варварских» племен побережья Кавказа, ахеев и гениохов, от соратников Ясона и лаконцев под предводительством возниц Диоскуров соответственно (Strabo. II: 2, 12). Известные Геродоту этнонимы, Σκίαι ορατήρι ἑ γεωροῖ Σκίαι, свидетельствуют, что и потомки автохтонного земледельческого населения северопричерноморской лесостепи пришлыми из Азии завоевателями-номадами причислялись к скифам. Представляется, что тем более не существовало идеологических препятствий считать скифами, хотя бы «отделившимися», какое-то племя, обитавшее еще восточнее савроматов. Это племя, как и они, было ираноязычное и кочевое и, подобно им, близкое генетически «царственным» хозяевам Северного Причерноморья. Наверное, можно допустить, что это было, например, одно из дахо-массагетских племен.

Итак, кажется, необходимости разыскивать некие аналоги скифских «царских» курганов Северного Причерноморья на значительном от него удалении

уже нет. С другой стороны, выясняется, где приблизительно можно выявить действительные археологические следы «отложившихся» скифов. По-видимому, в любом случае речь должна идти о кочевнических древностях Приуралья. Чтобы выявить их, необходимо снова проделать путь согласно указаниям Геродота. Упомянутые им йирки оставили, по-видимому, особый локальный вариант городецкой культуры в саратовско-хвалынской лесостепи. От этих йирков, обитавших в теперешнем саратовском Поволжье, требуется добраться до предгорий, которые должны соответствовать белебеевско-бугульминской возвышенности в Приуралье. «Каменистая неровная» страна отложившихся была тождественна, согласно К. В. Сальникову, геверлинским горным степям (Сальников. 1952. С. 115, 116). Конечно, эта страна «отложившихся», не измеренная Геродотом, как и дорога к ней, даже в «днях пути», могла простирается далеко в глубь степного Приуралья. Но ведь его основным исследователем, К. Ф. Смирновым, на протяжении многих лет вся эта территория отводилась именно заволжским савроматам, а не какому-то другому племени древних кочевников, не исключая и наших искомым «отложившихся». Соответствующие предположения, которые первоначально разделялись также и Б. Н. Граковым, К. Ф. Смирновым довольно решительно отклонялись (Смирнов. 1964. С. 197). Не согласился он позднее и с гипотезой Д. А. Мачинского о расселении исседонов по всей степи между Уралом и Волгой вплоть до Самарской луки. Исседонам К. Ф. Смирнов отводил лишь самую восточную часть Южного Приуралья (Смирнов. 1975. С. 153). Однако и собственные взгляды исследователя претерпели серьезные и очень интересные в разрезе рассматриваемой темы изменения. Первоначально, принимая во внимание прежде всего большое сходство памятников материальной культуры древних кочевников, исследованных между Доном и Волгой, с одной стороны,

и в степном Заволжье и Приуралье, с другой, К. Ф. Смирнов говорил о единой археологической культуре, представленной двумя локальными вариантами — лонно-поволжским и самаро-уральским. Но и тот и другой связывались им непосредственно с савроматами. Исследователь, правда, не исключал, что в этногенезе южноуральской савроматской группировки могли принять участие и представители сако-массагетского массива племен, обитавших, согласно тогдашней точке зрения К. Ф. Смирнова, восточнее Приуралья, за Каспием и за Сырдарьей (Смирнов. 1964. С. 197). Однако через некоторое время, предусмотрев, что археологически единая культура могла принадлежать нескольким этносам, К. Ф. Смирнов специально оговаривает условность употребления термина «савроматы» применительно к Южному Приуралью. Он подчеркивал, что истинное этническое название южноуральской группировки неизвестно, но допускал в ее составе присутствие исседонских и дахо-массагетских племен (Смирнов. 1971. С. 153). Наконец, основываясь на сообщениях Страбона и других источниках, К. Ф. Смирнов вообще отказывается кочевническим древностям скифского времени Северного Прикаспия - Южного Приуралья в савроматской принадлежности и предполагает, что эти «савроматы» и сарматы бассейна Илека и бассейна Урала были дахами-даями Авесты и греческих писателей. Он ссылается также на то, что само название даев сохранялось в названии р. Урал, прежнего Яика: Даик (Daicus) (Смирнов. 1978. С. 74-76).

Как предполагает Л. А. Ельницкий, в «эпоху, к которой относятся источники Геродота» среди этих дахов-даев также имелись собственные «царственные»: 'Даш Ев5ioi, могло, по его мнению, означать именно «царские дай» (Ельницкий. 1977. С. 114). Здесь, кажется, уместно будет также сослаться и на другие известия. Так, Страбону была известна трехчленная племенная структура, существовавшая у этих даев: «Из даев, — со-

общает он, - одни называются апарнами, другие - ксанфиями, и третьи писсурами». В другом месте у него снова названия, видимо, те же племена: парфяне - «апарны-переселенцы», а также «ксандии или парии», по-прежнему обитавшие «над Меотидой» (Strabo. XI: 8, 2; XI: 9, 3). Имя Страбоновых ксанфиев-ксандиев, возможно, правомерно сопоставить с теми же индо-иранскими терминами 'khshaja- xsayant, и т. д., которые традиционно используются для расшифровки самоназвания саев — скифов «царских». Итак, основываясь хотя бы на таком значении их названия, можно полагать, что эти ксанфии «отца географии» являлись главенствующим среди южноуральских даев племенем и одновременно соответствовали «особым скифам, отделившимся от царских» у «отца истории».

Сейчас уже требуется, собственно, определить, какие же именно из древностей скифской эпохи (точнее, V в. до н. э. - Геродотова времени) в Северном Прикаспии - Южном Приуралье могут претендовать на принадлежность именно к этому «царскому» племени. На наш взгляд, прежде всего обращают на себя внимание так называемые «пятимары»

на левом берегу р. Илек (Мечет-Сай, Покровка, Пятимары I, Тара-Бутак, и др.), которые интерпретированы в качестве могильников военно-жреческой аристократии наиболее богатого и господствующего среди местных племен в конце VI-V вв. до н. э. (Смирнов. 1975. С. 153-155). К. Ф. Смирновым при этом специально подчеркивалось, что группировка номадов, использовавшая илецкое левобережье под свои кладбища, контролировала в южноуральских степях, конечно, гораздо более обширную территорию. Возможно, ее северные пределы отмечены курганными могильниками того же возраста и той же культурной принадлежности (самаро-уральский локальный вариант «савроматской» культуры), которые расположены на реках Самара, Бузулук, достигая среднего течения р. Белой: Благодаровка, Осьмушкино, Шиханы и др. (Смирнов, 1964. С. 18). Район кочевания даев-ксанфиев, например места их летовок, вполне мог включать также и предгорные степи, откуда северопричерноморские купцы и доставили, по-видимому, свои сведения об «отложившихся», подтверждая ими одну из генеалогических легенд самих скифов «царских».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
2. *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии (VII-IV вв. до н. э.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996.
3. *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, с предисл. и указ.: В 2 т. М., 1888.
4. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
5. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова А. И.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
6. *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей: Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
7. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.
8. *Зуев В. Ю.* Периодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тысячелетия до н. э. // Скифы. Хазары. Древняя Русь. Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб., 1998.
9. *Иванчик А. И.* О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконесского // ВДИ. 1989. №2.
10. *Исмагилов Р. Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29.

11. Казаков Е. П. О некоторых элементах языческой культуры угров // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
12. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
13. Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
14. Курочкин Г. Н. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным // РА. 1994. № 1.
15. Лидеров П. Д. К вопросу о гелонах Геродота // История и культура античного мира. М., 1977.
16. Махортиш С. В. Скарби VIII ст. до н. э. на півдні Східної Європи // Археологія. 1996. №4.
17. Мачинский Д.А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII-V вв. до н. э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археолог. семинара. Новочеркасск, 1989.
18. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
19. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1887. Т. 3.
20. Мищенко Ф. Г. Легенды о скифах царских у Геродота // Журнал министерства народного просвещения. 1886. Ч. 1.
21. Мищенко Ф. Г. Противоречия в известиях Геродота о первом появлении сарматов и скифов в Европе // Филологическое обозрение. 1899. Т. 17.
22. Обручев В. А. В дебрях Центральной Азии. М., 1951.
23. Патрушев В. С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1982. № 4.
24. Плетнева С. А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
25. Погребова М. Н., Раевский Д. С. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod. IV 22)/ВДИ. 1989. №1.
26. Пьянков И. В. Массажеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2.
27. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
28. Рассадин С. Е. Ажурные украшения подгорцевского стиля // ГАЗ. 1994. № 5.
29. Рассадин С. Е. Племена и народы «заскифского» Северо-Востока. Мн., 1999.
30. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1953.
31. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
32. Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
33. Скорый С. А. Курган Переп'ятиха. КиТв, 1990.
34. Смирнов К. Ф. Кочевники Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
35. Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. IV.
36. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
37. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
38. Стрижак О. С. Етнонімія Геродотової Скіфії. Київ, 1988.
39. Членова Н. Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. 1987. Вып. 194.
40. Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. №1.
41. Kothe H. Die königischen Skythen und ihre blinden Knechte // Veröffentlichung Institut für Orientalforschung. 1968. Bd. 69.
42. Minns E. Scythian and greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913.
43. Neumann K. Die Hellenen in Skythenland. Ein Beitrag zur alten Geographie, Etnographie und Handelgeschichte. Berlin, 1855.
44. Tomaschek W. Auchatai // Real-Encyclopadie der classischen Altertumwissenschaft. 1886. Т. II.

В. Н. РЯБЦЕВИЧ

г. Минск

**НАХОДКИ КЛАДОВ
И ЕДИНИЧНЫХ МОНЕТ
XIV-XV вв.
НА ТЕРРИТОРИИ
БЕЛАРУСИ (материалы)**

XIV-XV вв. - время формирования денежной системы Великого княжества Литовского, характеризующееся появлением на его рынках монет после более чем полуторавекового безмонетного периода, завершившегося к концу первой трети XIV в.

Из трех видов серебряных платежных слитков (гривен-рублей), бытовавших в безмонетный период, в обращении удержался лишь один - гривна литовского типа (изрой) и ее половинная фракция (полтина).

Под 1337 г. письменные источники фиксируют обращение в Великом княжестве Литовском серебряной монеты Чехии - пражского гроша. В последующем сорокалетии поступления этого номинала были малотиражно-спорадическими, а в 1378-1419 гг. - регулярно-массовыми.

Гуситские войны, начавшиеся в 1419 г., надолго прервали чешские монетные эмиссии, но огромное количество пражских грошей, акклиматизировавшихся ранее в княжестве, стало основой его денежного хозяйства до начала 1490-х гг.

В рыночном обращении на территории Беларуси помимо абсолютно преобладавших пражских грошей выделяются несколько небольших по объему, но очень характерных монетных групп - серебряные денарии Великого княжества Литовского (начало чеканки - 1387 г.), медные пулы и серебряные дирхамы Золотой Орды, биллоновые шиллинги Ливонского ордена, золотые дукаты Венгрии и нобли Англии (подробнее - см. Рябцевич В. Н. 1995. Гл. VI. Денежное обращение Беларуси в XIV-конце XV в.).

БРЕСТСКАЯ ОБЛАСТЬ**Брестский район**

1. Город Брест. 1837. 114 пражских гроша Карла I, 406 - Вацлава IV, 514 - неопределенных из-за стертости; 1 краковский грош Казимира III (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-д. 18 (1837). Л. 2-3; Д. 3 (1838). Л. 2-2 об; АИИМК РАН. Ф. 2 - д. 23 (1924) Л. 23 об. - 24; А- 27 (1928). Л. 6 об. - 7. Фасмер. 1926. С. 294, № 1. Харлампович. 1927 б. С. 297, № 9).

2. Имение И. П. Галова под Брестом. 1820. «Несколько сотен одинаковых монет» (приведено гравированное изображение пражского гроша Карла I). Хр.: Гос. Эрмитаж - 30 пражских грошей, расплывенных по систематической коллекции и депаспортизованных (Miesięcznik Połocki. 1820. S. 76; Рябцевич. 1965. С. 129, № 1).

3. Хутор Новоселки у дер. Кошелево. 1954. Пражские гроши Карла I (2 экз.), Вацлава IV (196 экз.), неопределенные из-за стертости (12 экз.). Хр.: Брестский областной краеведческий музей (Рябцевич. 1965. С. 129, № 2).

4. Хутор между дер. Тельмы-1 и Тельмы-2. 1965. Клад, из которого известны 2 пражских гроша Вацлава IV (Рябцевич. 1965. С. 129, № 3).

5. «В окрестностях Бреста попадают... татарские (очевидно, золотоордынские. - В. Р.) монеты» (Покровский. 1895. С. 98; Рябцевич. 1965. С. 128).

Давид-Городокский район

6. Город Давид-Городок. 1990-е гг. 127 медных и серебряных монет XIV - начала XV в. в кожаном мешочке («калите»), происходящем, вероятно, из разрушенного погребения - пулы и дерхамы Золотой Орды. Хр.: Музей Национального банка Республики Беларусь.

Каменецкий район

7. Город Каменец. 1889. Клад, из которого известны 5 пражских грошей

Карла I и Вацлава IV (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 42 (1889). Л. 28. Рябцевич. 1965. С. 129, №4).

ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ**Витебский район**

8. Город Витебск, берег р. Витьбы. Около 1895. Краевед М. Кусцинский нашел литовский денарий Ягеллы (Fedorovas. 1951. S. 213. № 2; Gumowski. 1921. S. 52).

9. Город Витебск, берег р. Витьбы. Около 1895. Краевед В. Федорович нашел 2 литовских денария — Витовта и Казимира IV (Fedorovas, 1951. S. 213. № 3).

10. Город Витебск. 1926. Пражские гроши Карла I - 6 экз., Вацлава IV - 785 экз. (2 из них - с контрамарками Аутсбурга и Регенсбурга), Георгия Подебрада - 1 экз. (АИИМК РАН. Ф. 2. Д. 27 (1927). Л. 40; Заря Запада. 1928. № 229; Звезда. 1926. № 230; Колобова. 1988а. С. 111-112; Савецкая Беларусь. 1926. № 231; Фасмер. 1929. С. 297. № 1; Харлампович. 1927а. С. 315, 316. № 48; Харлампович. 1927б. С. 297. № 8).

11. Город Витебск, Верхний Замок. 1978. При археологических исследованиях под руководством Л. В. Колядинского и М. А. Ткачева в слое, оставленном, по их мнению, пожаром 1335 г., найден пражский грош. Если эта версия верна, то монета эмитирована Вацлавом II между 1300 и 1305 гг. или Иоанном I между 1310 и 1335 гг. (информация Л. В. Колядинского).

Лепельский район

12. Город Лепель, городище. 2003. Найден пражский грош Вацлава VI (информация находчика- С. И. Журавлева).

Оршанский район

13. Место находки не установлено. 1890. Клад, из которого известны «пять серебряных пражских грошей XVII столетия (явно ошибочная датировка: следу-

ет «XIV-XV вв.» - В. Р.)»- (Колобова. 19886. С. 248; Рябцевич. 1965. С. 131. № 19; Фурсов. 1898. С. 45. № 178 /8/).

14. Место находки не установлено. Начало 1960-х гг. Клад, из которого известны 3 пражских гроша (Колобова. 19886. С. 248).

Полоцкий район

15. Деревня Дубровка, 1985. Клад, из которого известны 54 пражских гроша Вацлава IV. Хр.: Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (информация хранителей фонда Е. М. Галюк и Л. В. Ласточкиной).

16. Деревня Лучин-1. 1999. При археологических исследованиях под руководством М. В. Климова найден пражский грош Вацлава IV (информация М. В. Климова).

17. Деревня Лучин-1. 2000. При археологических исследованиях под руководством М. В. Климова найдены 3 пражских гроша Вацлава IV (информация М. В. Климова).

18. Деревня Лучин-1. 2001. При археологических исследованиях под руководством М. В. Климова найдены 2 пражских гроша Вацлава IV и медный силезский хеллер гор. Львувека XV в. (информация М. В. Климова).

19. Город Полоцк. 1859. Клад, из которого известны 5 шиллингов Ливонского ордена - Иоганн III Бертков, Дерпт и Ревель; Стефан Грубе, Рига (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 13 (1859). Л. 26, 27).

20. Город Полоцк, Верхний Замок. 1961. При археологических исследованиях под руководством В. Р. Тарасенко найден медный турецкий мангыр Мухаммада II, чеканенный в Эдирне. Хр.: Институт истории НАН Республики Беларусь (Колобова. 19886. С. 248; Рябцевич. 1965. С. 133, 134. № VIII).

21. Город Полоцк, берег Западной Двины. 1962. Клад, из которого известны 3 пражских гроша Вацлава IV (Колобова. 19886. С. 248; Рябцевич. 1965. С. 131. № 26).

22. Город Полоцк. 2001 или 2002. Литовский денарий Ягеллы. Хр.: Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (информация гл. хранителя фондов Л. В. Ласточкиной).

23. Город Полоцк. 2002. При археологических исследованиях под руководством Д. В. Дука найден пражский грош Иоанна I (информация Д. В. Дука).

24. Город Полоцк, район «Громы». 2003. Клад, содержащий порядка полутора сотен пражских грошей, разошедшихся по рукам (информация Д. В. Дука).

Место находки не установлено

25. Пул Узбека, чеканенный в Сарае. Хр.: Витебский областной краеведческий музей (Рябцевич. 1965. С. 184. № IX).

ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Брагинский район

26. Деревня Грушное. 1958. Клад, содержащий около 200 монет, из которых известны пражские гроши Карла I (1 экз.), Вацлава IV (99 экз.), неопределенные из-за стертости (6 экз.). Хр.: Гомельский областной краеведческий музей (Мец. Мельникова. 1960. № 108; Рябцевич, 1965. С. 129. № 5).

Гомельский район

27. Город Гомель. 1860-е гг. Клад, из которого известны 100 пражских грошей Вацлава IV; 3 из них — с контрамарками Майнца, Регенсбурга и Ульма (АИИМК РАН. Ф. 2. Д. 24 (1927). Л. 4; Фасмер. 1929. С. 297. № 6; Харлампович. 19276. С. 298. № 15).

Добрушский район

28. Город Добруш. 1878. Клад, из которого известны 2 пражских гроша — Вацлава IV и неатрибутированный (Рябцевич. 1965. С. 29. № 6; Труды Киевской Духовной Академии. 1875. Апрель. С. 252).

Мозырский район

29. Деревня Костюковичи. 1963. На берегу р. Припяти найден литовский денарий Казимира IV (Рябцевич. 1965. С. 133. № V).

30. Деревня Михалки. 1940. 280 пражских грошей: Вацлава IV - 247 экз., неопределенные из-за стертости - 33 экз. Хр.: Мозырский объединенный краеведческий музей (Мец. Мельникова. 1960. № 111; Рябцевич. 1965. С. 129, 130. № 7).

31. Деревня Рудня. 1972. Клад, сохранившийся около 200 монет («в основном пражских грошей»). В нумизматический кабинет БГУ присланы карандашные эстампажи 6 пражских грошей Вацлава IV (информация: письмо мозырского краеведа В. И. Зотова от 14.01.1973).

32. Деревня Слобода. 1961. Медная монета времени Тимура (Рябцевич. 1965. С. 133. № VI).

33. Деревня Слобода. 1961. Пражский грош Иоанна I (Рябцевич. 1965. С. 130. № 9).

Паричский район

34. Деревня Кнышевичи. 1958. Около 200 монет, из которых известны пражские гроши Вацлава IV (49 экз.) и неопределимые из-за стертости (16 экз.). Хр.: Национальный музей истории и культуры Беларуси - 63 экз., Институт истории НАН Беларуси - 2 экз. (Мец. Мельникова. 1960. № 112; Рябцевич. 1965. С. 130. № 10; Сельское хозяйство. 23.10.1958; Советская Белоруссия. 3.10.1958).

Петриковский район

35. Деревня Сметаничи. 1961. «Около полутора ведер монет», из которых известны 3 пражских гроша Вацлава IV и литовский полугрош Александра Ягеллончика. Хр.: Национальный музей истории и культуры Беларуси (Рябцевич. 1965. С. 130. № 10).

Чечерский район

36. Деревня Волосовичи. 1894. 44 пражских гроша Карла I и Вацлава IV (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 24 (1894). Л. 130; АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215 (1892). Л. 70 об.-71; Д. 187 (1894). Л. 1,4; ОАК за 1894. С. 162,163; Сиверс. 1922. С. 22. № 65; Харлампович. 1927б. С. 297, 298. № 12).

Место находки не установлено

37. До 1941. Клад, из которого известны 6 пражских грошей. Хр.: Гомельский областной краеведческий музей (Рябцевич. 1965. С. 130. № 12).

38. 1950-е гг. Клад, из которого известны 2 пражских гроша (Рябцевич. 1965. С. 130. № 13).

39. 1960-е гг. Литовский денарий Казимира IV. Хр.: Нумизматический кабинет БГУ.

ГРОДНЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ**Волковысский район**

40. Город Волковыск, «Шведская гора». 1947. Пражский грош Вацлава IV. Хр.: Волковысский военно-исторический музей (Зверуго. 1975. С. 82; Рябцевич. 1965. С. 131. № 22).

41. Город Волковыск. «Шведская гора». 1958. Готландский денарий типа 1340-1400, чеканенный в Висбю. Хр.: Волковысский военно-исторический музей (Зверуго. 1975. С. 82; Рябцевич. 1965. С. 133. № III).

42. Город Волковыск, «Шведская гора». Год? Тевтонский шиллинг Мартина Трухзеса (Зверуго. 1975. С. 82).

43. Город Волковыск. Год? Пражский грош Вацлава II (Зверуго. 1975. С. 82).

Вороновский район

44. Деревня Дворчаны, каменный могильник в урочище «Карначиха». 1885. При археологических исследованиях В. А. Шукевича найдена «половина ли-

товской монеты» (очевидно, денария, чеканенного между 1387 и 1430. - В. Р.) (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 13а (1888). Л. 50,51; Квятковская. 1998. С. 135, 279).

45. Деревня Дворчаны, каменный могильник в урочище «Карначиха». Около 1902. Литовский денарий Ягеллы (Fedorovas. 1951. S. 213. № 5).

46. Деревня Кукли, каменный могильник. 1988. При археологических исследованиях под руководством А. В. Квятковской в траншее раскопа 1 найдены 10 литовских денариев Витовта (Квятковская. 1998. С. 135, 283).

47. Деревня Кукли, каменный могильник. 1988. При археологических исследованиях под руководством А. В. Квятковской вскрыто погребение с 3 литовскими денариями Казимира IV (Квятковская. 1998. С. 135, 282).

48. Деревня Кукли, каменный могильник. 1988. При археологических исследованиях под руководством А. В. Квятковской вскрыто погребение с литовским денарием Казимира IV (Квятковская. 1998. С. 135, 282).

49. Деревня Кукли, каменный могильник. 1988. При археологических исследованиях под руководством А. В. Квятковской вскрыто погребение с литовским денарием Александра (Квятковская, 1998. С. 281),

Гродненский район

50. Город Гродно, Коложи. Между 1928 и 1930. Пражский грош, «вероятно, Вацлава II» (Рябцевич. 1965. С. 131, № 21; Jodkowski. 1933. S. 127).

51. Город Гродно, Коложи. Между 1928 и 1930. «Серебряная монета Ливонского ордена» (Jodkowski. 1933. S. 128).

52. Город Гродно, Коложи. 1950-е гг. Литовский денарий Витовта. Хр.: Гродненский государственный историко-археологический музей (Рябцевич. 1965. С. 133. № IV).

Ивьевский район

53. Деревня Парубишки. 1891. «Несколько серебряных монет» Казимира IV (Покровский. 1890. С. 93).

Новогрудский район

54. Деревня Кошелево. Год? Литовский денарий Витовта (Fedorovas. 1951. S. 213. № 1).

55. Город Новогрудок, Замок. 2000-2001. При археологических исследованиях под руководством В. Е. Соболя найдены 3 пражских гроша Вацлава IV. Хр.: Новогрудский историко-краеведческий музей (Информация В. Е. Соболя).

56. Конкретное место находки не установлено. Около 1879. «Серебряные богемские монеты XIII-XIV вв. (пражские гроши, чеканенные между 1300 и 1419 гг. - Е. Р.) были найдены в Минской губернии около дороги, которая идет из Новогрудка в Минск» (Харлампович. 1927. С. 298. № 16; Sitzungsberichte..., 1879. S. 208).

Ошмянский район

57. Деревня Гольшаны. 1976. Пражские гроши Карла I (4 экз.) и Вацлава IV (666 экз.); литовские денарии (14 экз.) и полугроши (154 экз.) Александра. Хр.: Нумизматический кабинет БГУ.

Щучинский район

58. Деревня Вензовщина (Борок), каменный могильник. 1989. При археологических исследованиях под руководством А. В. Квятковской вскрыто погребение с 6 литовскими денариями Витовта (Квятковская. 1998. С. 135, 274).

59. Деревня Воробьи, каменный могильник. 1891. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с литовским денарием «кн. Кейстута» (Казимира IV. - В. Р.) (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. Ю3 (1890). Л. 43; Квятковская. 1998. С. 276).

60. Деревня Воробьи, каменный могильник. 1891. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с пражским грошем Вацлава IV (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 103 (1890). Л. 40; Квятковская. 1998. С. 276).
61. Деревня Воробьи, каменный могильник. 1891. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с литовским денарием Александра (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 103 (1890). Л. 41; Квятковская. 1998. С. 276).
62. Деревня Заболотье, каменный могильник в урочище «Дунич Могилицы». 1885. При археологических исследованиях Э. В. Вольтером вскрыто погребение с фрагментом литовского денария (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 13а (1888). Л. 50 об.; Квятковская. 1998. С. 279).
63. Деревня Заболотье, каменный могильник в урочище «Дунич Могилицы». 1891. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с 3 литовскими денариями Витовта (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 103 (1891). Л. 40 об. 41, 44; Рябцевич. 1965. С. 133, №1).
64. Имение Кюоце, каменный могильник в урочище «Шилойце». 1887. При археологических исследованиях Э. В. Вольтером вскрыто погребение с двумя литовскими денариями (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 13а (1888). Л. 51 об.).
65. Деревня Кунява, каменный могильник. 1885. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с 5 литовскими денариями Витовта (Покровский. 1890. С. 106).
66. Деревня Нача, каменный могильник в урочище «Пузеле». 1884. При археологических исследованиях Э. В. Вольтером вскрыто погребение с 2 литовскими денариями (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 13а (1888). Л. 49 об.; Fedorovas. 1951. S. 214, № И).
67. Деревня Нача, каменный могильник в урочище «Пузеле». 1884. При археологических исследованиях Э. В. Вольтером вскрыто погребение с фрагментом литовского денария (АИИМК РАН. Ф. 1. Л. 13а (1888). Л. 50).
68. Деревня Нача, каменный могильник в урочище «Пузеле». До 1913. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с литовским денарием Казимира IV (Fedorovas. 1951. S. 214. № 11; WNA. 1913. S. 172. № 11).
69. Деревня Нача, урочище «Пузеле». До 1913. Клад, состоявший из литовских денариев Витовта и полутрошей Александра (WNA. 1913. S. 172).
70. Деревня Никрашуны, каменный могильник. 1888. Вскрыто погребение с литовским денарием Казимира IV (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 43 (1889). Л. 7; Fedorovas. 1951. S. 214. № 10.).
71. Деревня Опановцы. Между 1882 и 1888. Клад, содержащий пражские гроши, литовские денарии и мейсенский грош Вильгельма I. (ОАК за 1882-1888. С. CCCXXX; Рябцевич. 1961. С. 131. № 23; Fedorovas. 1951. S. 214. № 9; Gumowski. 1921. S. 98).
72. Деревня Опановцы, каменный могильник. 1889. При археологических исследованиях Э. В. Вольтером вскрыто погребение с фрагментом пражского гроша (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 13а (1888). Л. 35об.; Виленский вестник. 1889. № 169; Исторический вестник. 1889. № 185; Покровский. 1890. № 108; Сивере. 1922. С. 10. № 6; Харлампович. 19276. С. 296. №4).
73. Деревня Опановцы, каменный могильник. 1889. При археологических исследованиях Э. В. Вольтером вскрыто погребение с литовскими денариями Витовта и Александра (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 13а (1888). Л. 35; Виленский вестник. 1889. № 169; Ильин. 1940. С. 18. Исторический вестник. 1889. № 185; Сивере. 1922. С. 10. № 6; Fedorovas. 1951. S. 214. № 8).

74. Деревня Опановцы. «Часто находимы были гроши (пражские. — В. Р.) Вацлава IV, иногда — Яна Люксембургского и Карла IV (I. - В. Р.), редко- Вацлава II» (Рябцевич. 1965. С. 131. № 24; Gumowski, 1921. S. 79).

75. Деревня Подворанцы. 1892. 346 пражских грошей Вацлава IV (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 20 (1893). Ч. I. Л. 148. Д. 22 (1893). Ч. II. Л. 14; АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 43 (1892). Л. 41 об. 42. Д. 197 (1893). Л. 1, 8; ОАК за 1892. С. 110,111; Рябцевич. 1965. С. 131. № 25).

76. Деревня Собакинцы (с 1954 г. - Первомайск), каменный могильник. 1891. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с 3 литовскими денариями Витовта (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 103 (1890). Л. 40; Квятковская. 1998. С. 135, 286).

77. Деревня Собакинцы (ныне- Первомайск), каменный могильник. 1891. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с литовским денарием Александра (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 103 (1890). Л. 40; Квятковская. 1998. С. 286).

78. Между деревнями Собакинцы (ныне - Первомайск) и Воробьи, каменный могильник в урочище «Чернишки». 1891. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с литовским денарием Казимира IV (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 103 (1890). Л. 43об., 45; Рябцевич. 1965. С. 133. № II).

79. Между деревнями Собакинцы (ныне - Первомайск) и Воробьи, каменный могильник в урочище «Чернишки», 1891. При археологических исследованиях В. А. Шукевичем вскрыто погребение с пражским грошем Вацлава IV (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 103 (1890). Л. 43об., 45; ЗРАО. 1898. С. 397; Сивере. 1922. С. 10. № 7; Харлампович. 19276. С. 296. № 5).

80. Деревня Турайск. Около 1900. Клад, из которого известны 2 золотоордынские монеты с литовской контрамар-

кой «Kolumna» и 1 литовский денарий Казимира IV (Рябцевич. 1965. С. 128. № 1; Fedorovas.1951. S. 213. № 6; Rocznik towarzystwa przyjacoi nauk Poznacskiego. 1900. S. 515).

Место находки не установлено

81. В представленном Совету Министра внутренних дел отчете Гродненского губернатора за 1838 г. сообщается, что на территории губернии «иногда, хотя впрочем, весьма редко, попадаются серебряные монеты величиною в серебряный пятак (примерно в копеечную монету СССР. - В. Р.) с арабскими на обеих сторонах надписями». Монеты, соответствующие этому описанию, могут быть только золотоордынскими дирхамами XIV в. (ЦГИА. СПб. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 65. Л. 64 об.).

МИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Вилейский(?) район

82. Конкретное место находки не установлено. 1914 или 1915. Клад, из которого известны 73 пражских гроша Вацлава IV (Харлампович. 19276. С. 296. Примеч. 1).

Воложинский район

83. Деревня Лоск. 1963. Клад, из которого известен пражский грош Вацлава IV (Рябцевич. 1965. С. 131. № 18).

Дзержинский район

84. Хутор Микуличи. До 1917. Клад, из которого известны 2 пражских гроша Иоанна I (Фасмер.1929. С. 297. № 3; Харлампович. 1927а. С. 328. № 100; Харлампович. 19276. С. 298. № 7).

Клецкий район

85. Город Клецк. 1850-е гг. «Найдены татарские (очевидно, золотоордынские пулы или дирхамы. — В. Р.) монеты»

(Шпилевский. 1858. С. 45; Рябцевич. 1965. С. 128. №2).

Логойский район

86. Город Логойск. Начало 1930-х гг. Клад, из которого известны 2 пражских гроша Вацлава IV (Рябцевич. 1965. С. 130. № 16).

Минский район

87. Город Минск. 1957. При археологических исследованиях под руководством Э. М. Загорульского найден пражский грош Вацлава IV. Хр.: Институт истории НАН Беларуси (Рябцевич. 1965. С. 131. № 17).

88. Деревня Городище, городище. 1954. При археологических исследованиях под руководством А. Г. Митрофанова найден пражский грош Вацлава IV. Хр.: Нумизматический кабинет БГУ.

89. Деревня Городище, селище «Менка». 2001. При археологических исследованиях под руководством Ю. А. Зайца найден пражский грош Вацлава IV (информация Ю. А. Зайца).

90. Деревня Подгорье. 1966. Клад, из которого известны пражские гроши Карла I (3 экз.) и Вацлава IV (223 экз.), литовские полугроши Александра (325 экз.). Хр.: Нумизматический кабинет БГУ.

Молодечненский район

91. Деревня Литва. Первая половина 1990-х гг. Денежно-вещевой клад из нескольких сотен пражских грошей и уникальных образцов торевтики Крымского ханства первой половины XV в. - 11 крупных серебряных блях (золочение, чернь) парадного пояса.

Монеты разошлись по рукам коллекционеров; поясной набор, находившийся на временном хранении в Национальном музее истории и культуры Беларуси, был по единоличной санкции тогдашнего главы Комитета по охране историко-культурного наследия Д. С. Бубновского про-

дан коммерческому предприятию ООО «Союзтехсервис». Хр.: Нумизматический кабинет БГУ - 6 мелких деталей пояса, 3 целых и 2 фрагментированных пражских гроша Вацлава IV (См.: Крамароўскі. 1996).

92. Деревня Полочаны. 2002. Около 6300 пражских грошей (преимущественно Вацлава IV). Хр.: Музей Национального банка Республики Беларусь (6126 экз.).

Слуцкий район

93. Город Слуцк. 1902. Клад, содержащий 20 золотых монет, из числа которых известны 2 индийских мухра Мухаммада ибн Тоглука и 2 английских нобля Генриха IV. Хр.: Государственный Эрмитаж (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 15(1902). Л. 301; АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 293 (1895). Л. 294; Д. 206 (1902). Л. 1, 4, 6; ОАК за 1902. С. 121).

94. Город Слуцк. 1999. При археологических исследованиях средневекового посада под руководством Л. В. Колядинского найден пражский грош Вацлава IV (информация Л. В. Колядинского).

МОГИЛЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Горецкий район

95. Город Горки. 1927. Клад пражских грошей (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 27 (1927). Л. 40; Рябцевич. 1965. С. 130. № 14; Фасмер. 1929. С. 297. № 5).

96. Деревня Шишево. 1924. Клад, из которого известны 2 пражских гроша Вацлава IV (Фасмер. 1929. С. 297. № 4; Харлампович. 1927а. С. 307. № 4. Харлампович. 1927б. С. 294. № 14).

Кировский район

97. Деревня Шалаевка, урочище «Тиса». 1889. 114 пражских грошей (АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 97 (1889). Л. 1-3; ОАК за 1889. С. 96; Сивере. 1922. С. 22. № 63; Харлампович. 1927б. С. 297. № 10).

Кричевский район

98. Город Кричев. 1975. При археологических исследованиях под руководством М. А. Ткачева найден венгерский дукат Сигизмунда Люксембурга. Хр.: Национальный музей истории и культуры Беларуси (Ткачоў. Трусаў. 1990. С. 20, 21).

99. Город Кричев. 1998. При археологических исследованиях под руководством А. А. Мятельского найден пражский грош Вацлава IV. Хр.: Институт истории НАН Беларуси (Мяцельскі. 2003. С. 90).

Славгородский район

100. Деревня Зимница. 1940. Клад, из которого известны пражские гроши Карла I (1 экз.) и Вацлава IV (77 экз.). Хр.: Гомельский областной краеведческий музей (Рябцевич. 1965. С. 130. № 15).

101. Деревня Ржавка. 1906. 125 пражских грошей Вацлава IV (АГЭ. Ф. 1.

Оп. 5. Д. 18 (1906). Л. 77; АИИМК РАН. Ф.1. Д. 135 (1906). Л. 1, 4, 5; Д. 293 (1895). Л. 414 об. - 415; ОАК за 1906. С. 122; Сивере. 1922. С. 22. № 64; Харламповіч. 19276. С. 297. №11).

Чериковский район

102. Деревня Охор. 1915. Клад, из которого известны 92 пражских гроша: Карла I - 5 экз., Вацлава IV - 87 экз. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27 (1915). Л. 1; АИИМК РАН. Ф. 1. Д. 210 (1915). Л. 6,8; ОАК за 1913-1915. С. 188, 257; Сивере. 1922. С. 22. № 66; Харламповіч. 19276. С. 298. № 13.

Место находки не установлено

103. В Белорусском Государственном музее до 1941 г. хранился клад пражских грошей, найденных, очевидно, в 1920-е гг. (АИИМК РАН. Ф. 2. Д. 31 (1929). Л. 17об.; Рябцевич. 1965. С. 131. № 27).

ЭМИТЕНТЫ, УПОМИНАЕМЫЕ В ТЕКСТЕ

- Александр Ягеллончик (Великое княжество Литовское; 1492—1506).
Вацлав II Пржемыслович (Чехия; 1278-1305).
Вацлав IV Люксембург (Чехия; 1378-1419).
Вильгельм I (Саксония-Мейсен; 1379-1407).
Витовт (Великое княжество Литовское; 1401—1430).
Георгий Подебрад (Чехия; 1458-1471).
Генрих IV Ланкастер (Англия; 1399-1413).
Иоганн III Бертков (Ливонский орден, епископства Дерпт и Ревель; 1473-1485).
Иоанн I Люксембург (Чехия; 1310-1346).
Казимир III Великий (Польша; 1333-1370).
Казимир IV Ягеллончик (Великое княжество Литовское; 1440-1492).
Карл I Люксембург (Чехия; 1346-1378).
Мартин Трухзес (Тевтонский орден; 1447-1489).
Мухаммад II (Турция; 1451-1481).
Мухаммад ибн Тоглук (Индия, патанские султаны Дели; 1325-1351).
Стефан Грубе (Ливонский орден, архиепископство Рига; 1480-1483).
Сигизмунд Люксембург (Венгрия; 1387-1437).
Тимур (Держава Тимуридов; 1370-1405).
Узбек (Золотая Орда; 1312-1342).
Ягелло (Великое княжество Литовское; 1377-1401).

ЛИТЕРАТУРА

1. АГЭ. СПб.
2. АИИМК РАН. СПб.
3. Виленский вестник. 1889. № 169.
4. Заря Запада. 1928. № 229.
5. Звезда. 1926. № 230.
6. *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X-XIV вв. Мн., 1975.
7. ЗРАО. Новая серия. Спб., 1898. Т. XI.
8. *Ильин А. А.* Классификация русских удельных монет. Л., 1940.
9. Исторический вестник. Спб., 1889. № 185.
10. *Квятковская А. В.* Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI - XVII в.). Вильнюс, 1998.
11. *Колобова И. Н.* Витебский монетный клад 1926 г. // Витебск. Энциклопедический справочник. Мн., 1988а.
12. *Колобова И. Н.* Монетные клады // Витебск. Энциклопедический справочник. Мн., 1988.
13. *Крамароўскі М.* Новая знаходка на Беларусі (грашова-рэчавы скарб XV ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 1996. Т. 3.
14. *Мец Н. Д., Мельникова А. С.* Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1955-1958 гг. // Ежегодник Государственного исторического музея. М., 1960.
15. *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. Пстарычна-археалагічны нарыс горада ад старадаўніх часоў да канца XVIII ст. Мн., 2003.
16. ОАК. СПб. За 1882-1888, 1889, 1892, 1894, 1902, 1906, 1913-1915. '
17. *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии. Вильна, 1890.
18. *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна, 1895.
19. *Рябцевич В. Н.* К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV-XV вв. // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Т. 2.
20. *Рябцевич В. Н.* Нумизматика Беларуси. Мн., 1995.
21. Савецкая Беларусь. 1926. № 231.
22. Сельское хозяйство. 1958. 23 окт.
23. *Сиверс А. А.* Топография кладов с пражскими грошами // Российская Академия материальной культуры. Труды Нумизматической комиссии. Петроград, 1922. Т. II.
24. Советская Белоруссия. 1958. 3 окт.
25. *Ткачоў М., Трусаў А.* Манеты з Крычава і Мсціслаўля // Спадчына. 1990. № 4.
26. Труды Киевской духовной Академии. 1875. Апр.
27. *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920-1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л., 1926. Т. II.
28. *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок. II // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Т. II.
29. *Фурсов М. В.* Описание Могилевского музея. Могилев, 1897.
30. *Харламповіч П. В.* Монэтныя скарбы, знойдзеныя ў Беларусі, у зборах Беларускага дзяржаўнага музэю // ГАЗ. 1927а. Т. I.
31. *Харламповіч М. В.* Праскія грошы ў беларускіх монэтных скарбах // ГАЗ. 1927б. Т. I.
32. *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Спб., 1858.
33. *Fedorovas G. B.* Lobiu su lietuovs lydinias ir monetomis topografija // Lietuvos Istorijos instituto darbai. Vilnius, 1951. N. I.
34. *Gumowski M.* Numizmatyka litewska wieków średnich // WN A. Kraków. 1921. N. XIX, z. 7-12.
35. *Jodkowski J.* Skarby monet znalezione na terenie wojewodztw poln. Wschodnich w latach 1928-1930 // WNA. Rocznik 1931-1932. Kraków, 1933. T. XIV.
36. Miesięcznik Polocki. Polock, 1820.
37. Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk Poznanskiiego. Poznan. 1900
38. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat für 1879. Dorpat, 1880.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Населенный пункт	Район	Область	№ находки
Брест, гор.	Брестский	Брестская	1, 2, 5
Борок, дер.	Щучинский	Брестская	58
Вензовщина, дер.	Щучинский	Гродненская	58
Витебск, гор.	Витебский	Витебская	8, 9, 10, 11
Волковыск, гор.	Волковысский	Гродненская	40, 41, 42, 43
Волосовичи, дер.	Чечерский	Гомельская	36
Воробы, дер.	Щучинский	Гродненская	59, 60, 61, 78, 79
Галова, им.	Брестский	Брестская	2
Гольшаны, дер.	Ошмянский	Гродненская	57
Гомель, гор.	Гомельский	Гомельская	27
Горки, гор.	Горецкий	Могилевская	95
Городище, дер.	Минский	Минская	88, 89
Гродно, гор.	Гродненский	Гродненская	50, 51, 52
Грушное, дер.	Брагинский	Гомельская	26
Давид-Городок, гор.	Столинский	Брестская	6
Дворчаны, дер.	Вороновский	Гродненская	44, 45
Добруш, гор.	Добрушский	Гомельская	28
Дубровка, дер.	Полоцкий	Витебская	15
Дунич Могилыц, уроч.	Щучинский	Гродненская	62, 63
Заболотье, дер.	Щучинский	Гродненская	62, 63
Зимница, дер.	Славгородский	Могилевская	100
Каменец, гор.	Каменецкий	Брестская	7
Киюце, им.	Щучинский	Гродненская	64
Клецк, гор.	Клецкий	Минская	85
Кнышевичи, дер.	Паричский	Гомельская	34
Костюковичи, дер.	Мозырский	Гомельская	29
Кошелево, дер.	Брестский	Брестская	3
Кошелево, дер.	Новогрудский	Гродненская	54
Кричев, гор.	Кричевский	Могилевская	98, 99
Кукли, дер.	Вороновский	Гродненская	46, 47, 48, 49
Кунява, дер.	Щучинский	Гродненская	65
Лепель, гор.	Лепельский	Витебская	12
Литво, дер.	Молодечненский	Минская	91
Логойск, гор.	Логойский	Минская	86
Лоск, дер.	Воложинский	Минская	83
Лучин-1, дер.	Полоцкий	Витебская	16, 17, 18
Микуличи, хут.	Дзержинский	Минская	84
Минск, гор.	Минский	Минская	87
Михалки, дер.	Мозырский	Гомельская	30
Менка, селище	Минский	Минская	88
Нача, дер.	Щучинский	Гродненская	66, 67, 68, 69
Никрашуны, дер.	Щучинский	Гродненская	70
Новогрудок, гор.	Новогрудский	Гродненская	55
Новоселки, хут.	Брестский	Брестская	3
Опановцы, дер.	Щучинский	Гродненская	71, 72, 73, 74
Охор, дер.	Чериковский	Могилевская	102
Парубишки, дер.	Ивьевский	Гродненская	53
Первомайск, дер.	Щучинский	Гродненская	76, 77, 78, 79
Подворанцы, дер.	Щучинский	Гродненская	75
Подгорье, дер.	Минский	Минская	90
Полоцк, дер.	Полоцкий	Витебская	19, 20, 21, 22, 23, 24
Полочаны, дер.	Молодечненский	Минская	92
Пузеле, уроч.	Щучинский	Гродненская	66, 67, 68, 69
Ржавка, дер.	Славгородский	Могилевская	101
Рудня, дер.	Мозырский	Гомельская	31
Слобода, дер.	Мозырский	Гомельская	32, 33
Слуцк, дер.	Слуцкий	Минская	93, 94
Сметаничи, дер.	Петриковский	Гомельская	35
Собакиницы, дер.	Щучинский	Гродненская	76, 77, 78, 79
Тельмы-1 и Тельмы-2, дер.	Брестский	Брестская	4
Тиеса, уроч.	Кировский	Могилевская	97
Турайск, дер.	Щучинский	Гродненская	80
Чернишки, уроч.	Щучинский	Гродненская	78, 79
Шалаевка, дер.	Кировский	Могилевская	97
Шилойце, уроч.	Щучинский	Могилевская	64
Шишево, дер.	Горецкий	Могилевская	96
?	Брестский	Брестская	5
?	Видейский	Минская	82
?	Новогрудский	Гродненская	56
?	Оршанский	Витебская	13, 14
?	?	Витебская	25
?	?	Гомельская	37, 38, 39
?	?	Гродненская	81
?	?	?	103

В. В. СЕДОВ

г. Москва

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ГОРОДОВ В СЕВЕРНОЙ РУСИ

Историографический обзор исследований по этой проблематике недавно был сделан Е. Н. Носовым (Носов. 2002. С. 5-42). Он начинает анализ историографии с трудов В. О. Ключевского, согласно концепции которого движущей силой экономического развития восточнославянского общества была внешняя торговля с Востоком. Города, согласно В. О. Ключевскому, возникали как сборные места торговли, пункты складирования товаров древнерусского импорта и отправления их в дальние страны. Города, полагал историк, были посредниками между сельскими округами и рынками сбыта. В IX в. в городах сооружались фортификации, в них сосредотачивается военная сила, осуществлявшая охрану торговых путей и связи с городскими округами. Со временем торговые города превращаются в политические центры, а прилегающие к ним области - в государственные территории. Построения В. О. Ключевского по начальной истории древнерусского города получили определение в исторической литературе как «торговая теория».

В трудах историков XX в. (М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, П. П. Толочко и др.) эта теория была отвергнута. Появление городов теперь обуславливалось развитием феодализма. Город рассматривался как центр феодального производства и феодальных отношений. Согласно Б. Д. Грекову, возникновение первых городов на Руси связано было, прежде всего, с развитием ремесла, отделением его от сельского хозяйства и сбытом ремесленной продукции. Город - поселение, где концентрировались ремесленники и

торговцы (Греков. 1949. С. 92-106). В монографии, посвященной древнерусскому городу, М. Н. Тихомиров утверждал, что города возникали в густонаселенных регионах с развитым земледелием как внутренняя потребность экономического развития. Это были центры ремесленного производства, обслуживавшие ближайшие сельские округа (Тихомиров. 1956. С. 9-64). Рассматривая работы этого периода, Е. Н. Носов отмечает их слабые стороны и справедливо polemизирует с высказанными в то время мнениями, в той или иной степени зависимыми от марксистского понимания социально-экономического развития общества. В завершение историографической статьи Е. Н. Носов возвращается к «торговой теории» В. О. Ключевского и проводит мысль об определяющей роли внешней торговли в процессе возникновения первых городов на Руси. Он считает, что все началось с развитием начиная с 70-80-х гг. VIII в. торговли с исламским Востоком. В годы правления династии Аббасидов в Багдадском халифате бурно развивалась экономика. В поисках рынков сбыта восточные купцы направились в славянские земли, отсюда в обмен на монетное серебро в страны Востока стали поступать меха и рабы. В результате в Восточную Европу хлынул поток серебряных арабских дирхемов (дирхамов. - ред. А. Е.). Их доставка осуществлялась по широкой сети речных путей, главной же стала Волго-Балтийская магистраль. Последняя оказала огромное воздействие на экономическое развитие и характер размещения населения в примыкающих к ней регионах. К числу таковых Е. Н. Носов относит и Поильменье, где в ключевых местах и возникли первые города - Ладога и Новгород, благосостояние которых во многом зависело от внешней торговли.

На мой взгляд, историю развития знаний по проблеме становления первых городов в Северной Руси следует дифференцировать на три периода. На первом этапе проблема рассматривалась исключительно на материалах письменных источников, которых для отчетливого решения

ее было явно недостаточно. Исследователями предлагались, как подметил А. Е. Пресняков, критически оценивая построения В. О. Ключевского, лишь гипотезы, или «логические схемы» (Пресняков. 1993. С. 307-308). На следующем этапе к рассмотрению проблемы начального севернорусского градообразования стали подключаться археологические данные. Однако они были еще малочисленные и не могли стать ведущими в изучении этой проблематики. Материалы археологии нередко играли роль иллюстраций в исторических построениях. По мере накопления археологического фонда его роль в изучении начального градообразования в Северной Руси заметно возрастала. Так, в названной выше работе Е. Н. Носова исторические данные уже носят второстепенный характер. Однако его концепция становления ранних городов в Северной Руси покоится прежде всего на нумизматических материалах, действительно свидетельствующих о широком распространении в этом регионе кладов восточного серебра и соответственно о развитии торговли с арабским Востоком. Материалы же археологических раскопок Ладоги и Новгородского (Рюрикова) городища носят в основном иллюстративный характер. Думается, что по мере расширения источниковой базы археологии последние должны занять ведущее место в освещении рассматриваемой проблематики. Это - третий этап в изучении ранней истории древнерусского города, который пока находится в стадии становления.

Целью настоящей работы является подключение к изучению начальной истории города Северной Руси материалов раскопок Изборска и Пскова. Вслед за В. О. Ключевским, который начинал изложение своих взглядов на историю древнерусского города с процесса колонизации Восточной Европы, представляется целесообразным кратко рассмотреть особенности славянского освоения лесной полосы Восточно-Европейской равнины.

До середины I тыс. н. э. северные земли Восточной Европы от побережья Финского и Рижского залива на западе до Се-

верного и Среднего Урала на востоке заселяли племена финской языковой группы. Юго-восточными соседями их были балты, занимавшие пространства от юго-восточного побережья Балтики до верхней части бассейна Оки включительно. Славяне в римское время жили в бассейнах Вислы и Одера, где составляли значительную часть населения пшеворской культуры, а их ответвление - анты исторических источников — в лесостепной части Днестре-Днепровского междуречья (Седов. 2002б. С. 97-198; Седов. 2003а).

В конце IV—V в. в северной части Восточно-Европейской равнины среди финноязычных и балтских аборигенов появляется новое население. Археологически определяется, что миграция шла из Висло-Одерского региона вдоль возвышенной гряды, оставленной валдайским оледенением, через Мазурское Поозерье до Валдая и далее на восток в области междуречья Волги и Клязьмы. О продвижении крупных масс населения говорят, с одной стороны, появившиеся в это время в лесной зоне Восточно-Европейской равнины многочисленные предметы средне-европейского провинциально-римского происхождения и запустение Среднего Повисленья, с другой. Культуры раннего железного века на местах оседания средне-европейских переселенцев прекратили свое развитие. Складываются культурные новообразования, генетически не связанные с предшествующими древностями. Таковы культура псковских длинных курганов в бассейнах озер Псковского и Ильменя, тушемлинская культура в бассейнах Западной Двины и Смоленского Поднепровья, мерянская культура в междуречье Волги и Клязьмы (Седов. 1999. С. 91-158).

Начальная дата культуры псковских длинных курганов определяется вещевыми находками IV-V вв., в том числе привнесенными из Средней Европы (Седов. 2000. С. 26-31; Седов. 2002б. С. 348-364). Имеются все основания относить эту культуру к кривичам. Как мне не раз приходилось подчеркивать, на ранней стадии это были не только славяне,

но и местные финны, увлеченные миграционными движениями балты и, возможно, представители иных этносов, постепенно включавшиеся в единый этногенетический процесс, конечным результатом которого стало сложение древнерусской народности с ее диалектным многообразием.

Поселениями культуры псковских длинных курганов были селища. Они исследовались в разных частях ареала этой культуры. Вместе с тем в землях, примыкающих к Псковскому озеру с юго-запада и юга, которые выделяются концентрацией могильников с длинными курганами и, очевидно, наиболее плотно заселенными кривичами, уже в эпоху великого переселения народов возникло два поселения, заметно выделяющихся среди массы земледельческих селищ. Они были основаны на высоких мысах - Изборское городище при впадении небольшой речки (ручья) в озеро, связанное системой вод с Балтийским морем, и Псковское при слиянии реки Псковы с Великой. Уже эта особенность дает основание полагать, что поселения были не рядовыми, скорее всего они выполняли административно-племенные функции.

При раскопках Изборского городища найдены вещи провинциально-римских типов, привнесенные из Средней Европы. Это - железная шпора с простейшим шипом, плоскими дужками, крючкообразно отогнутыми наружу, и пластинчатые кресала. В римское время подобные шпоры были распространены в Средней Европе, в частности в Висло-Мазурском регионе. В эпоху переселения народов они были занесены средне-европейскими переселенцами в лесные области Восточно-Европейской равнины, где бытовали непродолжительное время. Пластинчатые кресала имели широкое распространение в пшеворском ареале и в конце IV-V в. также были перенесены в лесные земли Восточной Европы.

Привнесенной средне-европейцами является также найденная в Изборске бронзовая булавка с головкой из двух утолщений и ромбовидным ушком сверху. Согласно Х. А. Моора, это типичная

мазурская булавка позднеримского времени (Mooga. 1938. S. 212. Abb. 25:1). Другая изборская булавка принадлежит к группе хорошо известных в Прибалтике украшений с расширяющейся раструбообразной головкой. Подобные булавки с профилированными головками получили распространение в самом начале средневековья в ареалах жемайтов и земгалов в бассейне среднего Немана. V столетием датируются железные булавки, в VI—VII вв. доминировали бронзовые (Lietuvos atlasas. 1978. P. 78-79. Žem. 45: 1, 2; LA. 1974. 160 1pp. Lent. 30: 2; 41: 17). К первому периоду жизни на Изборском городище относятся еще булавки с плоской треугольной головкой, орнаментированной штамповым узором из треугольничков и кружков, а также с треугольными навершиями, заканчивающимися грибовидными головками. Такие украшения были характерными для жемайто-земгальского региона в V-VIII вв. (LA. 1974. 160 1pp. Lent. 41: 2; Tautavicius. 1996. P. 230. Pav. 109: 3). В изборской коллекции из раскопок имеется также железный втульчатый наконечник копья с длинным, узким пером вытянуто-ромбических очертаний и ромбического сечения. Он принадлежит к типу 1Д по классификации В. Казакиявичюса. Такие копья в Прибалтике имели хождение в VI-VIII вв. (Казакиявичюс. 1988. С. 35. Рис. 12).

К рассматриваемому периоду истории Изборска относятся сделанные без помощи гончарного круга относительно высокие горшкообразные глиняные сосуды с более или менее прямым венчиком, слабо выраженными плечиками и усеченно-конической нижней частью. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть горшков, орнаментация отсутствует. Ближайшие аналогии этой посуде находятся среди керамики культуры псковских длинных курганов. Таковы горшки-урны из курганных погребений могильников в Михайловском на берегу Жижецкого озера, Дорохи в бассейне верхнего течения Ловати, Лоози в юго-восточной Эстонии. Глиняные сосуды того же типа обычны и на селищах культуры

псковских длинных курганов. Они отмечены на поселениях Жабино в Усвятском районе Псковской обл., Съезжее в Хвойнинском районе Новгородской обл., Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье и др. Горшкообразные сосуды того же облика имеются среди лепной керамики Псковского городища и грунтового могильника Узмень на юге Псковской обл. Мне уже приходилось отмечать, что такая керамика находит некоторые аналогии в материалах тушемлинской культуры, также сформировавшейся при участии среднеевропейских переселенцев, на поселении Шелиги под Плопком в Польше и далее среди глиняной посуды суковско-дзедзицкой культуры, население которой вышло из того же венедекского ареала, что и среднеевропейские переселенцы лесной полосы Восточной Европы (Седов. 1995. С. 213; Седов. 1999. С. 123, 124, 134).

К сожалению, определить, как выглядело Изборское поселение в V—VII вв., не представляется возможным. Культурные напластования этого периода были разрушены в процессе строительной и хозяйственной деятельности изборян в последующие столетия. Вещевые и керамические находки этого времени встречены в переотложенном состоянии. К начальной истории Изборска можно отнести печи, остатки которых зафиксированы раскопками непосредственно на материке. Они двух типов — глиняные или каменные; единично представлены и очаги.

В северной, мысовой, части поселения при его основании была устроена округлая в плане площадь диаметром 25-26 м. При этом был использован плитняковый выступ материка, подрезанный, чтобы создать горизонтальную площадку округлых очертаний. На первых порах она возвышалась над окружающей застроенной частью поселения над 0,3-0,5 м. Предназначалась площадь, очевидно, для «племенных» сборов-собраний, культовых празднеств и гаданий. находка шпоры является показателем участия в основании поселения представителя дружинного сословия. Таким образом, Изборск в самом начале своей истории был воен-

но-политическим и культовым центром какой-то крупной группировки кривичского населения, занимавшего земли к юго-западу от Псковского озера.

История Изборска, как она восстанавливается по археологическим данным, связана с активным развитием ремесленной деятельности и торговли (Седов. 2002а. С. 47-90). Поселение было явно неаграрным, хотя какая-то часть его жителей не порывала с земледелием и животноводством, но последние не были определяющими в экономике. В слоях VIII-X вв. зафиксированы следы бронзолитейного, кузнечного, костерезного и камнерезного ремесел. Найдены также многочисленные изделия изборских ремесленников. Вещевые находки свидетельствуют о развитии торговли. Региональные торговые связи Изборска с окружающими кривичскими землями оценить затруднительно. Можно полагать, что немалая часть изделий изборских мастеров поступала в сельские поселения в обмен на продукцию земледельческого труда, промыслов и охоты. Во внешней торговле наиболее ранние связи фиксируются с областями Юго-Восточной Прибалтики. В первых десятилетиях IX в. изборские торговые люди налаживают контакты с южными землями восточного славянства и через посредство их с Кавказом и арабским Востоком. Свидетельствами их являются привезенные в Изборск различные бусы, а также диргеми африканской, закавказской и среднеазиатской чеканки. Начиная с IX в. развиваются торговые связи и со странами Северной Европы. В изборской коллекции имеются предметы северноевропейского происхождения - бусы, наконечники копий, равноплечная фибула, фризский костяной гребень. В отличие от Ладоги ни в домостроительстве, ни в культовых особенностях, ни среди вещевого материала в Изборске не обнаружено показателей проживания выходцев из Скандинавии. Это, конечно, не исключает кратковременных посещений Изборска норманнскими купцами.

Изборск VIII - первой половины X в. следует рассматривать как протогород-

ское укрепленное поселение. Около середины X в. после сильного пожара, какие в средневековье были нередкими, в Изборске были проведены большие строительные работы. Городище приобрело двухчастную структуру. Его мысовую часть с вечевой площадью составил детинец, который по периметру был обнесен бревенчатой крепостной стеной с воротами с южной стороны. Южная часть городища за воротами стала «окольным городом», с напольной стороны защищенным валом с каменной стеной на вершине. И детинец, и «окольный город» были плотно застроены срубными домами с печами из глины или камня. Следов ремесленной деятельности в детинце не выявлено. Кроме бытовых находок здесь встречены предметы вооружения и конского снаряжения, а также украшения. Очевидно, в детинце сосредоточивались княжеско-племенная верхушка и дружинное сословие. В конце X в. за пределами укреплений разрастаются посадские поселения.

Таким образом, во второй половине X - начале XI в. Изборск из протогородского поселения трансформируется в типичный раннесредневековый город с трехчленной социально-топографической структурой: детинец - окольный город - посад. Основой экономического и социального развития Изборска в это время были ремесло и торговля. Изделия изборских ремесленников удовлетворяли потребности сельской округи, которая со своей стороны поставляла в Изборск и сельскохозяйственную продукцию, и товары для международной торговли - меха, кожи, воск и рабов, к сожалению, не фиксируемые археологическими методами. Вещевые находки Изборского городища (предметы вооружения, импортные предметы) свидетельствуют о социальном расслоении его жителей. «Племенная» верхушка, формирующееся дружинное и купеческое сословия могли обогащаться не только в результате успехов экономического развития, в том числе международной торговли, но и внешнеэкономическими путями. Административно-дружинный характер Изборска, несомненно, был важнейшим фактором

как в развитии социально-экономических отношений, так и в трансформации протогородского поселения в раннесредневековый город.

Подобная ситуация трансформации протогорода в раннесредневековый город наблюдается и в Пскове. Возникновение поселения в устье Псковы определяется также периодом переселения народов. Оно, как и Изборск, по всей вероятности, было административным (племенным) центром какой-то группировки кривичей (предположительно - расселившихся в нижнем течении Великой и на восточном побережье Псковского озера). В VIII—IX вв. на Псковском городище развивается ремесленная деятельность. Раскопками засвидетельствованы следы железоделания, бронзолитейного, ювелирного, костерезного ремесел. Параллельно развивались и торговые контакты.

Становление Пскова как раннесредневекового города определяется X в. Уже на рубеже IX и X вв. за пределами городища формируются посадские поселения, имевшие преимущественно ремесленный характер. В X в. получает широкое развитие торговля, особенно международная. Установлена топографическая структура Пскова - раннегородского образования X в. Она включала ядро города - детинец (Кром), быстро растущий посад, площадь которого к рубежу X-XI вв. приближалась к 90 тыс. кв. м, языческое святилище и городской курганный некрополь. В конце X в. Псков стал одним из административных центров княжеской администрации Древнерусского государства (Седов. 2003б). Это во многом способствовало развитию города.

В том же кривичском регионе кроме Изборского в VIII-IX вв. возникли и другие городища, в частности относительно хорошо изученные археологически Камно и Рьгуге, имевшие неаграрный характер. Они не стали городами прежде всего потому, что не располагали административно-политической властью. Формирующиеся ранние города притягивали к себе ремесленников и купцов из других укрепленных поселений и последние, как это очевидно по исследованиям городища Камно, приходили в упадок.

Если обратиться к археологическим материалам других регионов Северной Руси, то выясняется, что начальный процесс градообразования протекал так же, как в Изборске. Подобная картина наблюдается у истоков Волхова. В VIII—IX вв. здесь происходит концентрация населения и среди массы земледельческих селищ возникают городища. Таковы Холопий городок, Георгиевское, Новгородское (Рюриково), Васильевское. Жизнь на тех из них, которые не располагали административно-племенными функциями, прервалась в период начального градообразования. Только Новгородское городище, которое, судя по всем данным, было племенным центром словен ильменских (на противоположном берегу находилось «племенное» святилище Перуна), стало основой становления раннего города, который, правда, в силу ряда исторических обстоятельств вырос в 2 км ниже по Волхову. До вокняжения Рюрика это городище не было ни важным пунктом международной торговли, ни ремесленным центром. Оно стало резиденцией приглашенного на княжение конфедерацией словен, кривичей и мери (чуди) варяга Рюрика только потому, что и прежде обладало властными функциями. Рюрик с дружиной заменил прежнюю власть племенной аристократии и, судя по В. Н. Татищеву, этот процесс протекал далеко не спокойно.

Думается, что вообще не стоит ставить в зависимость становление первых городов в Северной Руси от развития международной торговли и транзитных путей, связывавших Северную Европу с мусульманским Востоком и Византией. Торговые поселения, возникшие на Волго-Балтийской и Днепровской водных магистралях и обеспечивавшие при участии варяжских купцов международную торговлю, - Тимерево, Гнездово, Шестовица и др. - не стали городами. В Северо-Восточной Руси городами на начальной стадии градоформирования стали Муром (X в.), уже название которого допускает мысль, что в его основе был племенной центр муромы (жизнь на расположенном поблизости Чаадаевском горо-

дище, в большей степени связанном с северноевропейской торговлей, вскоре зачахла); Ростов (X в.), чье развитие находилось в какой-то зависимости от племенного центра мери - Сарского городища, жизнь на котором также прервалась. Менее ясна начальная история Белоозера (X в.), но предположение об его становлении в округе, где прежде находился один из племенных центров веси, вполне допустимо.

Подводя итоги рассмотренному, можно отметить, что в Северной Руси, как и во всей Европе к северу от рубежей Римской империи, градообразовательный процесс был самостоятельным явлением, обусловленным прежде всего социально-экономическим развитием общества (Седов. 1989. С. 6-55). Во второй половине I тыс. н. э. в лесной зоне Восточно-Европейской равнины, освоенной славянами, возникают первые укрепленные поселения неаграрного характера, более массово они основываются в VIII-IX вв. Развитие ремесла и торговли способствовало социальному расслоению

общества, становлению купеческого и дружинного сословий с их концентрацией на городищах. Особенно активно этот процесс протекал начиная с IX в., когда получила развитие международная торговля. В следующем столетии те ремесленно-торговые поселения, которые обладали политико-административными функциями, то есть были центрами «племенных» образований, трансформируются в раннесредневековые города. Жизнь на других поселениях торгового или ремесленно-торгового характера постепенно затухает. Очевидно, торговый и ремесленный люд перемещается в города как поселения более благоприятные для их занятий. Поселения, ориентированные на внешние связи, были менее жизнеспособными, чем поселения с административными функциями.

Рассмотренные процессы имели место лишь на начальной стадии становления городов в Северной Руси. На следующих этапах пути градообразования были многообразными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.
2. Казакевичюс В. Оружие балтских племен II - VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.
3. Носов Е. Н. Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) // Исторические записки. М., 2002. Вып. 5 (123).
4. Пресняков А. Е. Княжое право Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
5. Седов В. В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989.
6. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
7. Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.
8. Седов В. В. Становление культуры псковских длинных курганов // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 5.
9. Седов В. В. Изборск - протогород. М., 2002а.
10. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002б.
11. Седов В. В. Славяне в римское время // XIII Международный съезд славистов (Словения, 2003). М., 2003а.
12. Седов В. В. Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2003б.
13. Latvijas PSR archeologija. Riga, 1974.
14. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius, 1978. T. IV.
15. Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis 500 n. Chr. Teil II. Tartu, 1938.
16. Tautavicius A. Vidurinis gelezies amžius Lietuvoje (V-IX a.). Vilnius, 1996.

А. В. ТЕТЕРНИК

г. Минск

**ИЗ ИСТОРИИ
УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ БССР**

Принимая во внимание учреждение в ряде республик орденов за трудовые отличия* и факт отсутствия общесоюзной награды такого плана, 22 февраля 1924 г. Президиум ЦИК СССР постановил оставить право награждения орденом «Трудового Красного Знамени» за каждой из союзных республик (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 990. Л. 190, 193).

Опираясь на это решение, Президиум ЦИК БССР 16 мая 1924 г. предложил Комиссии по созданию герба БССР разработать проект «Белорусского ордена Трудового знамени». Комиссия, решив «выбрать несколько наиболее оригинальных проектов на герб для рассмотрения их и приспособления** для ордена Труд(ового) Знамени» (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 365. Л. 76), остановилась на варианте под девизом «Треугольник» (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 365. Л. 31) - совместном проекте Г. Е. Змудзинского, А. А. Тараканова и И. В. Симакова. На его основе Г. Е. Змудзинскому и было поручено разработать внешний вид орденского знака (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 365. Л. 76).

25 июля 1924 г. Президиум ЦИК БССР утвердил (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 375. Л. 80) представленный эскиз с учетом внесенного в последний момент предложения «вписать "БССР" на местных языках: белор(усском), евр(ейском) и польск(ом)» (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 375. Л. 81).

* В 1920 г. в РСФСР, в 1921 г. в Украинской ССР и Азербайджанской ССР, в 1923 г. в Армянской ССР.

** Здесь и далее документы подаются на языке оригинала, с сохранением всех грамматических ошибок.

Тем не менее для учреждения награды потребовалась санкция ЦК КП(б)Б. В этой связи в Бюро партии было направлено предложение:

«Уже давно Президиум ЦИК в своей работе наталкивался на необходимость отмечания целого ряда заслуг в области восстановления хозяйства каким либо способом. В частности приходилось сталкиваться с необходимостью, аналогично решениям Президиума ЦИК РСФСР, отмечать заслуги перед Советскими Республиками, путем выдачи ордена трудового знамени. Белоруссия до сего времени такого ордена не имеет... Поэтому считаю необходимым вынести следующие решения:

1) Согласиться с предложением фракции Президиума ЦИК. о необходимости учреждения ордена Трудового Знамени;

2) Поручить фракции Президиума ЦИК разработать статут ордена и оформить учреждение ордена в Советском порядке» (НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 3. Д. 3. Л. 315).

31 июля согласие партийного органа было получено (НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 3. Д. 3. Л. 300), что дало возможность ЦИК БССР начать работу по подготовке законодательного акта об учреждении в БССР принципиально нового знака отличия.

На основе архивных документов можно предположить, что первоначально для разрешения этого вопроса планировалось использовать юридическую базу, существующую в РСФСР (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 375. Л. 79). По неизвестной причине на каком-то этапе от этой идеи отказались - началась разработка совместного постановления ЦИК и СНК БССР «Об ордене Трудового Красного Знамени БССР».

1 октября 1924 г. подготовленный проект постановления был принят на заседании СНК (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 298. Л. 585, 59), а 10 октября утвержден Президиумом ЦИК БССР (СЗ БССР. 1925. № 1. Ст. 9).

До конца года состоялось и первое награждение. 19 декабря по ходатайству

Могилевского Окружного исполнительного комитета Президиум ЦИК постановил наградить орденом Трудового Красного Знамени БССР мелиоративные общества «Васильки» и «Острени»: «мелиоративному товариществу «Васильки» орден за № 1 и мелиоративному товариществу «Острени» за № 2» (НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1463. Л. 219).

Вместе с тем готовых орденских знаков еще не существовало. Лишь незадолго до этого, 26 сентября 1924 г., Президиум ЦИК БССР принял решение выделить на их изготовление 2400 рублей (из расчета стоимости каждого отдельного ордена в 8 рублей - на 300 экземпляров), внося расход в смету ЦИК на 1924/25 год (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 375. Л. 2 об).

Заказ был размещен «магазину гравера Каткова И. Т. находящегося в Москве по Художественному проезду в д. № 22/1» (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 375. Л. 835, 83 об.). Причем, как указано в рапорте Т.Е. Змудзинского, «означенные ордена были взятыми из указанного магазина в количестве 300 шт. Уполномоченным Мур'а т. Булановым на основании ордера на обыск магазина, выданного ему 46 отд. Милиции за № 98 от 13 февраля и согласно секретного задания Мур'а за № 2313/1835 в числе 2-х военных орденов Красного Знамени, предметом обыска, каковыя и являлись.

Получая обратно данные ордена от Секр. Отделения Мур'а, я недополучил к общему их, взятому из магазина количеству 300 шт., три (3) знака ордена Трудового Красного Знамени БССР за № 11, 221, 212, каковыя в секретном отделении Мур'а куда то исчезли и до сих пор еще не найдены.

В силу всех вышеуказанных причин, я для полного исполнения, данного мне поручения ЦИК'ом БССР произвел дополнительные работы по изготовлению недостающих 3-х шт. орденов указанных выше, каковыя занумерованы мною номерами №№ 301, 302, 303» (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 375. Л. 83; 83 об).

Из документа видно, что ордена (303 экземпляра*) были изготовлены в середине февраля 1925 г. и, следовательно, поступили в ЦИК БССР не ранее середины марта.

Именно этим объясняется столь существенный промежуток времени, прошедший со дня подписания постановления о награждении мелиоративных товариществ до момента вручения им орденов на Первом Могилевском Съезде Советов 25 апреля 1925 г. (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 541. Л. 270 об. 274 об).

Что касается орденских документов, то, как следует из стенограммы Съезда, обоим обществам были выданы грамоты:

«Центральный Исполнительный Комитет Белорусской Советской Социалистической Республики в ознаменование исполнения Мелиоративным Товариществом «Васильки» («Острени»), Чаусского (Бельничского) района, Могилевского округа своего долга перед социалистическим Отечеством на Фронте Труда за проявление героизма в преодолении всяких трудностей Мелиоративных работ и исключительной энергии при отсутствии технических средств и достижения наме-

ченной цели вручает ему знак Ордена «КРАСНОГО ТРУДОВОГО ЗНАМЕНИ» № 1 (№ 2). Основание: Протокол Президиума ЦИК БССР № 25 пункт 470 от 19/ХП 1924 года» (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 541. Л. 270 об. 274 об.).

Текст практически соответствует форме, определенной в постановлении от 10 октября 1924 г. (СЗ БССР. 1925. № 1. Ст. 9). Тем не менее окончательный проект грамоты был утвержден Президиумом ЦИК БССР только 16 января 1925 г. и имел совершенно иной текст (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 576. Л. 8 об).

Все это позволяет высказать предположение, что на 25 апреля 1925 г. ЦИК БССР не имел в своем распоряжении отпечатанных бланков о награждении орденном Трудового Красного Знамени БССР**, а получил их из Ленинградского Гублита - «литография арендованная В. Д. Горюновым» (Ленинград, Ковенский 14)*** - позднее.

Так, в течение 1924-1925 гг. были заложены правовые основы и подготовлена материальная база для последующих награждений орденом Трудового Красного Знамени БССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 3. Д. 3.
2. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 298.
3. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 365.
4. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 375.
5. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 541.
6. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 576.

* Анализ имеющихся материалов приводит к выводу, что знаки № 11, 212 и 221 скорее всего в ЦИК БССР так и не поступили.

** Косвенно это подтверждает справка, выданная следующему кавалеру ордена К. С. Пирогу, удостоверяющая его право на орден

7. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 990.
8. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1463.
9. Постановление ЦИК и СНК БССР «Об ордене Трудового Красного Знамени БССР» // СЗ БССР. 1925. №1. Ст. 9.

Трудового Красного Знамени БССР в соответствии с грамотой «ад 10 верасья 1925 г. за № 1».

*** Текст дан по грамоте к ордену Трудового Красного Знамени БССР (Центральный музей МВД Республики Беларусь. КП 412).

В. І. ШАДЫРА

г. Мінск

**ДА ПЫТАННЯ
АБ САЦЫЯЛЬнай
СТРУКТУРЫ
І ВЕРАВАННЯХ
НАСЕЛЬНІЦТВА
ПАЎНОЧНАЙ БЕЛАРУСІ
Ў РАННІМ
СЯРЭДНЯВЕЧЧЫ**

Важнейшай з'явай у сярэдзіне і трэцяй чвэрці I тыс. н. э., як вядома, было пакіданне ўмацаваных паселішчаў (гарадзішчаў) і пераход на адкрытыя паселішчы. Разглядаць гэты працэс трэба як вынік развіцця прадукцыйных сіл. У гаспадарчай дзейнасці насельніцтва Падзвіння земляробства і жывёлагадоўля зрабіліся не толькі асноўнымі галінамі гаспадаркі, але і дасягнулі новай, якасна больш высокай ступені. Прагрэс у гаспадарчай дзейнасці патрабаваў новых формаў узаемаадносін паміж людзьмі: разрыву старых замкнутых родавых адносінаў. І першым зафіксаваным на археалагічным матэрыяле змяненнем было спыненне ўзвядзення новых гарадзішчаў, а таксама пакіданне раней заселеных. Гэтыя ўмацаваныя родавыя паселішчы, заселеныя замкнутай групай бліжэйшых родзічаў, абмяжоўвалі людзей у асваенні новых зямель пад пашы, шырокі абмен і зносіны з іншымі, асабліва іншароднымі групамі насельніцтва. Узвядзенне складаных абарончых збудаванняў, якія складаліся з шэрагу земляных валоў, равоў і драўляных канструкцый, падтрыманне іх у належным стане патрабавала вялікіх затрат працы.

Заклучная фаза пабудовы гарадзішчаў адносіцца да першых стагоддзяў н. э. На тэрыторыі Беларускага Падзвіння вядома каля 200 помнікаў, якія можна з пэўнай доляй верагоднасці адносіць да гэтага часу. Паселішчы размяшчаліся групамі (гнездамі) па 2-4 гарадзішчы, што сведчыць аб родавым рассяленні насельніцтва. Зыходзячы з меркавання, што на адным гарадзішчы пражывала адна патрыярхальная сям'я (50-70 чалавек), а некалькі сем'яў утваралі род (гнездо 2-4 га-

радзішчы - 150-250 чалавек), можна разбіць усё насельніцтва дадзенага рэгіёна на 50-60 радоў, якія ў свой час аб'ядноўваліся ў 10-15 плямёнаў (племя - 10-15 гарадзішчаў - 500-1000 чалавек). Такім чынам, колыхасць насельніцтва Беларускага Падзвіння к сярэдзіне I тыс. н. э. складала прыкладна 15-20 тыс. чалавек, а шчыльнасць - 1 чалавек на 2-2,5 кв. км. На ўсёй тэрыторыі Беларусі, па падліках Э. М. Загарульскага, колькасць насельніцтва у жалезным веку магла быць у межах ад 50 да 75 тыс. чалавек (Загарульскі. 1996. С. 45). У разлік бяруцца лічбы вядомых навуцы гарадзішчаў - 1 тыс. і колькасць пражываючых на адным - 50-70 чалавек. Мы зыходзім з таго, што гарадзішчаў было значна больш, чым захавалася, і хаця яны засяляліся у розны час (вузкія датыроўкі на большасці гарадзішчаў адсутнічаюць. - В. Ш.), тым не менш насельніцтва Беларусі, на наш погляд, у канцы эпохі жалеза (канец IV - V ст. н. э.) складала прыкладна 100-120 тыс. чалавек. Безумоўна, дэмаграфічныя падлікі для гэтага перыяду вельмі прыблізныя і з'яўляюцца амаль гіпатэтычнымі. Дарэчы, калі звярнуцца да Заходняй Еўропы, то адзіны народ, адносна якога мы маем праўдападобную ацэнку яго колькасці - гэта вандалы Гензерыха. У момант высадкі ў Афрыцы ў 429 г. іх было 80 тыс. Вестготы, франкі, іншыя групы захопнікаў налічвалі не больш 100 тыс. чалавек (Гофф. 1992. С. 33). Але вернемся да нашага рэгіёна. Далейшае развіццё прадукцыйных сіл, эканамічны пад'ём выклікалі дэмаграфічны рост насельніцтва рэгіёна Беларускага Падзвіння, і для V-VIII ст. можна дапусціць лічбу ў 30-40 тыс. чалавек. Безумоўна, усё насельніцтва было звязана племянной структурай. Пры неабходнасці ствараліся хаўрусы плямёнаў. З цягам часу для вырашэння пытанняў ваенна-абарончага, сацыяльна-культывага характару ўзнікае неабходнасць у стварэнні міжплемянных цэнтраў. У шэрагу выпадкаў на месцы гэтых цэнтраў узнікаюць гарады (Полацк, Віцебск, Лукомль, Дрыса,

Браслаў і інш.). Тапаграфія паселішчаў Падзвіння сведчыць аб размяшчэнні іх у межах прытокаў Заходняй Дзвіны і, тагам чынам, на правабярэжжы можна выдзеліць 6 плямёнаў у міжрэччях: 1) Аўсянка - Ловаць, 2) Лужаснянка - Усыса-Обаль, 3) Обаль-Палата, 4) Палата - Дрыса, 5) Дрыса - Свольна, 6) Свольна-Сар'янка. На левабярэжжы месцілася 5 плямёнаў, межамі якіх былі рэкі Каспля, Лучоса, Ула, Ушача, Дзісна, Друйка і Браслаўскае Паазер'е (Шадыра. 1996. С. 81).

Пераход на адкрытыя паселішчы са дзейнічаў вызваленню людзей ад непрадукцыйных затрат працы і даваў магчымасць больш займацца як асноўнымі, так і дапаможнымі галінамі гаспадарчай дзейнасці. Ён стаў магчымым толькі пры пэўных умовах, што ўзніклі ўнутры тагачаснага грамадства. Па-першае, унутры працоўных калектываў адбываюцца значныя змяненні, вылучаюцца болын багатыя сем'і. Да такой катэгорыі адносіліся ў першую чаргу родавыя вярхі (старэйшыны, жрацы, вайсковыя начальнікі і інш.). Аб з'яўленні багатых сем'яў сведчаць знаходкі індыўідуальных скарбаў.

Адзін з такіх скарбаў быў знойдзены намі ў 2003 г. на гарадзішчы Клішына (воз. Сялява). У яго склад уваходзілі 5 скроневых сярэбраных колцаў дыяметра 10 см, 3 бронзавыя арнаментаваныя з патоўшчанымі канцамі бранзалеты і 18 спіралепадобных пранізак ад галаўнога вянка - вайнагі (мал. 3). Скарб знаходзіўся над слоём пажарышча побач з рэшткамі шкілетаў ад двух чалавек. Скарб датуецца ў асноўным VII ст. і носіць балцка-крывіцкі характар.

У 1997 г. у Аршанскім Падняпроўі Ю. у. Каласоўскім на гарадзішчы Вежкі Дубровенскага раёна быў знойдзены скарб, у склад якога ўваходзілі два бронзавыя бранзалеты з пашыранымі канцамі і з геаметрычным арнамантам, дзве бронзавыя шыйныя грыўны з пятлёй і кручком на канцах, тры пласцінчатыя скроневыя колцы з бронзавага дроту, галаўныя венчыкі і жалезны наканечнік дзіды.

Скарб знаходзіўся над пластом пажарышча і быў захаваны пасля пажару (Колосовский. 1997. С. 38, 75). Прыкладам падобнай з'явы могуць служыць індывідуальныя скарбы, знойдзеныя на гарадзішчы-сховішчы каля в. Дзямідаўка, схаваныя, як лічыць Я. А. Шміт, у час асады паселішча і яго гібелі ў агні. Адзін са скарбаў меў збор сярэбраных скроневых колцаў, а другі - багаты воінскі пояс з сярэбранай спражкай, упрыгожаны шматлікімі сярэбранымі бляшкамі-набоекмі, паўднёвага паходжання, атрыманы альбо ў час паходаў, альбо шляхам абмену. Падобная з'ява зафіксавана А. А. Седзіным у Магілёўскім Падняпроўі і на гарадзішчы Нікадзімава (Седин. 1995).

У разглядаемы перыяд яшчэ рана гаварыць пра з'яўленне прыватнай уласнасці на усе сродкі вытворчасці (ворныя землі, лугі, выганы, лясы, азёры, рэкі і інш.). Яны знаходзіліся ў сумеснай уласнасці абшчыны. Аднак прылады працы, звязаныя з вытворчымі галінамі гаспадаркі, іншы інвентар, у некаторых выпадках і жывёла сталі ўжо ўласнасцю асобных сем'яў, што і дазваляла ім назапашваць лішкі прадуктаў, скуры і інш. Гэтыя тавары абменьваліся на параўнальна дарагія прывезеныя рэчы і ўпрыгожванні. Павелічэнне абмену, у тым ліку з даволі аддаленымі тэрыторыямі, пераканаўча засведчана шматлікімі знаходкамі на тэрыторыі Беларускага Падзвіння розных прывазных рэчаў: фібул, падвесак, шклянных і бурштынавых пацерак, сярэбраных арабскіх манет (дырхемаў) і інш., а таксама паступленнем такіх металаў, як медзь і серабро.

Знікненне ўмацаванняў вакол паселішчаў садзейнічала ў нейкай ступені разбурэнню замкнутасці родавых калектываў і стварэнню перадумоў да фарміравання абшчыны не толькі па родавай прыкмеце, але і па сумеснай працоўнай дзейнасці.

Важным момантам у сацыяльнай структуры насельніцтва Беларускага Падзвіння з другой паловы I тыс. н. э. з'яўляецца змяненне ва ўзаемаадносінах

паміж родамі і плямёнамі. Змены ўнутры родавай арганізацыі прывялі да паслаблення ўнутрыродавых сувязей і страты некаторых функцый, уласцівых роду у манулы час. Плем'яная арганізацыя з цягам часу ўсё шырэй умешваецца ў справы родаў і бярэ на сябе шэраг функцый, якія раней уваходзілі толькі ў кампетэнцыю родаў. Гэта перш за ўсё ахова інтарэсаў у цэлым усіх членаў асобнага роду і кожнай асобы ў прыватнасці дадзенага племені. Акрамя таго, племя забяспечвае бяспеку родавых пасёлкаў (тэрытарыяльных абшчын) у цэлым ад нападу з боку як роднасных, так і няроднасных калектываў.

Урэгуляванне спрэчных пытанняў паміж роднаснымі плямёнамі патрабавала ўмацавання сувязей паміж гэтымі плямёнамі, а ахова іх тэрыторый прыводзіла да стварэння міжплемянных хаўрусаў. У сваю чаргу ўмацаванне ўлады племянных арганізацый і стварэнне міжплемянных хаўрусаў рабіла лішнім умацаванне кожнага асобнага паселішча.

Далейшы працэс развіцця вёў да дыферэнцыяцыі членаў суседскай абшчыны, да вылучэння багатых вярхоў, якія накоплівалі багацці як за кошт свайго асобага статуса ў абшчыне, так і за кошт абрабавання суседніх плямёнаў падчас ваенных набегіў. З найбольш знатнай і багатай часткі абшчыны пасгупова фарміруецца ваенная дружына. Гэта пацвярджаецца шматлікімі знаходкамі ў матэрыялах другой паловы I тыс. н. э. рознай зброі (наканечнікі дзідаў, стрэлаў і інш.). Аснову дружыны склалалі воіны-коннікі, пра што сведчаць прадметы рыштунку (цуглі, шпory, спражкі і інш.). Трэба заўважыць, што падобныя знаходкі гэтых прадметаў у папярэдняю эпоху ці зусім не сустракаліся, ці сустракаліся вельмі рэдка.

Ваенныя напады ў эпоху Вялікага перасялення народаў былі, відаць, з'явай звычайнай не толькі на поўдні ў стэпавых і лесастэпавых раёнах. З другой паловы I тыс. н. э. гэта з'ява распаўсюдзілася і на лясную паласу, ахапіўшы раёны вярхоўяў Дняпра і Падзвіння, у тым ліку і разглядаемы рэгіён. Таму мясцовае насель-

ніцтва, нягледзячы на наяўнасць племянной арганізацыі і дружыны, усе ж вымушана было будаваць умацаваныя сховішчы, каб у выпадку з'яўлення ворага з пераўзыходзячай сілай мець магчымасць захаваць і сваю маёмасць, і свае жыццё. Прыкладам падобнага сховішча з'яўляецца гарадзішча-сховішча Свіла 1 Глыбоцкага раёна. Хоць, як паказваюць даследаванні, мясцоваму насельніцтву так і не ўдалося ў канчатковым выніку абараніць сябе, славяне захапілі гэта сховішча, ператварыўшы яго ў сваю даволі магутную крэпасць-астрог.

Зыходзячы з размяшчэння гарадзішчаў-сховішчаў і сінхронных ім паселішчаў, а таксама ўлічваючы ўнутранае ўладкаванне некаторых сховішчаў (Свіла 1), можна сцвярджаць, што на адным гарадзішчы-сховішчы знаходзіла прытулак насельніцтва не аднаго, а некалькіх селішчаў. Таму прычынай узвядзення сховішчаў з'яўляліся не столькі сацыяльныя супярэчнасці ўнутры родавых абшчын і нават не ўзаемаадносіны паміж рознымі суседнімі плямёнамі ці племяннымі аб'яднаннямі, а вельмі неспакойны час. Гэта адлюстроўвала агульнае палітычнае становішча ва ўсходняй Еўропе таго часу.

Адначасова з развіццём прадукцыйных сіл і сацыяльных адносінаў адбываецца паступовае змяненне вераванняў, што даволі прыкметна прасочваецца на пахавальным абрадзе. Калі ў папярэдняю эпоху жалеза ў плямёнаў Беларускага Падзвіння рэшткі крэмацыі не хаваліся ў зямлю, а змяшчаліся на паверхні (пра што можна гаварыць толькі ў плане меркавання, бо ў процілеглым выпадку рэшткі такога пахавання дзе-небудзь нарэшце былі б зафіксаваны), то з другой паловы I тыс. н. э. пахавальны абрад змяняецца: рэшткі трупаспалення кладуць у грунтовыя ямы-магілы. Тэты пахавальны абрад для трэціх чвэрці I тыс. н. э. у Падзвінні можна ўявіць наступным чынам. Нябожчыка спальвалі на вогнішчы часцей за ўсё без спадарожнага інвентару; выключэнне складаюць некаторыя прадметы жаночых упрыгожванняў з бронзы і

серабра. Спаленне праводзілася на месцы пахавання. Далей рэшткі спалення (кальцыніраваныя косткі і некаторая колькасць вуголля і попелу з вогнішча), куды траплялі зрэдку прадметы жаночых упрыгожванняў ці камякі каляровых металаў ад расплаўленых на вогнішчы рэчаў, збіралі і пераносілі на месца пахавання.

Пра выбар месца для пахавання па вывучаемым рэгіёне цяжка меркаваць, але даныя сумежных тэрыторый гавораць аб тым, што месцы пахаванняў звычайна размяшчаліся ці на паселішчы каля жылляў (Равячка - Міншчына, Заазер'е, Шугайлава - Смаленшчына), ці ў зручным месцы недалёка ад паселішча (Акатава - Смаленшчына, Узмень - Пскоўшчына). Адзіны пакуль выпадак пахавання на паселішчы на тэрыторыі Полацкага Падзвіння канстатаваны на гарадзішчы-сховішчы Свіла 1 Глыбоцкага раёна (Мітрафанаў, Каробушкіна, 1975. С. 38-40).

Мяркуючы па сціплых дадзеных з Падзвіння і сумежных рэгіёнаў, на роўным месцы выкопвалася неглыбокая, акруглая ў плане ямка дыяметрам ад 0,3 да 0,4 м і глыбінёй да 0,6 м ад дзённай паверхні. Форма такой ямкі часцей усечана-канічная з плоскім ці злёгку акруглым дном. Прынесеныя рэшткі спалення зрэдку змяшчаліся ў гліняную пасудзіну, якая была такой самай формы, як і пасудзіны, што знаходзілі на селішчах ці сховішчах. Пасудзіну, запоўненую рэшткамі спалення, ставілі ў ямку у нармальным становішчы. Зрэдку пасудзіна-урна накрывалася іншай пасудзінай большага памеру. Прастора паміж урай і сценкамі ямкі запаўнялася цёмным грунтам нахштальт сажы і зверху зараўноўвалася ва ўзровень з навакольнай паверхняй.

Часцей за ўсе рэшткі спалення змяшчаліся ў выкапаную ямку без выкарыстання гліняных пасудзін. Магчыма, што яны адразу ссыпаліся ў ямку, але не выключана, што ў якасці урны выкарыстоўвалася драўляная пасудзіна ці якая-небудзь ёмкасць з кары ці дубцоў (тыпу берацянак ці плеченых з дубцоў кошыкаў). Апошнія, натуральна, поўнаасцю

згнілі і пры раскопках практычна не фіксуецца. Не выключана, што месца пахавання на паверхні неяк абазначалася, таму на раскапаных могілніках (галоўным чынам у Верхнім Падняпроўі) пакуль не было выпадкаў, каб адно пахаванне урэзалася у другое ці неяк парушыла яго.

Інвентар грунтовых могілнікаў даволі бедны. Пасудзіны (урны) мелі выгляд вялікіх і высокіх гаршкоў (да 0,45 м) пры дыяметры горла да 0,3 м і папярочніку дна да 0,17 м. Форма пасудзін часцей за ўсе пюльпанападобная і радзей усечанабіканічная. Увесь посуд без арнаментаваных упрыгожанняў. Цэлых металічных знаходак не выяўлена, канстатаваны толькі аплаўленыя жалезныя і бронзавыя фрагменты вырабаў, у якіх згадваюцца пярсцёнкі, падвескі, спіралькі і інш.

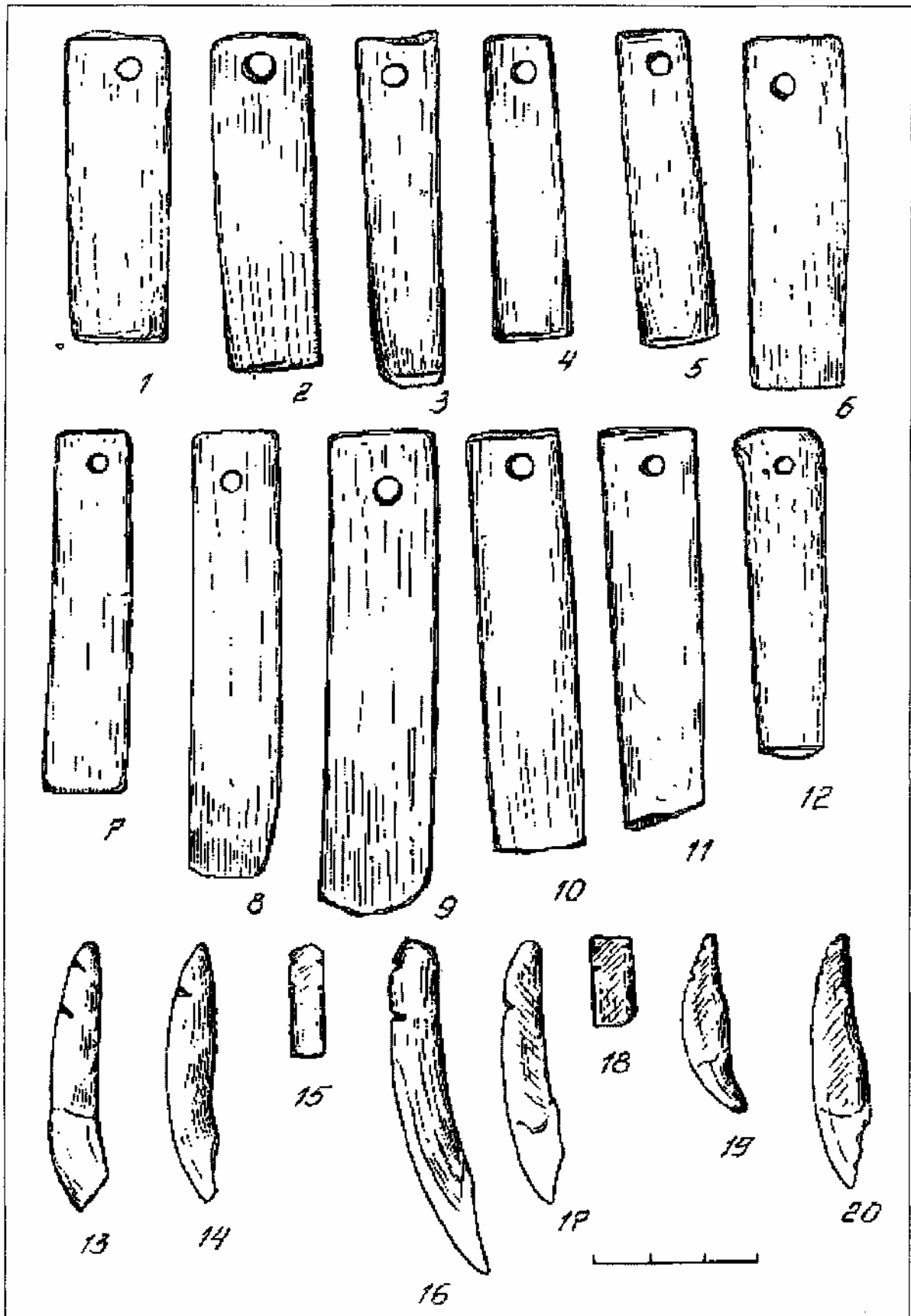
Апісаны вышэй пахавальны абрад з'яўляецца сведчаннем існавання культуры памерлых продкаў, які звязаны з уяўленнем пра душу, як пра нешта адрознае ад цела, што патрабуе асобых клопатаў пра сябе. Такія ўяўленні маглі скласціся тады, калі людзі пачалі лічыць, што іх мысленне і адчуванні не з'яўляюцца дзейнасцю іх цела, а нейкага асаблівага пачатку — душы, якая знаходзіцца ў гэтым целе і пакідае яго пры смерці. Самі продкі ўжо памерлі, іх целы былі спалены на пахавальных вогнішчах і прах пахаваны ў зямлі, але ўплыў іх на жыццё людзей, на думку жывых, працягваўся.

Можна меркаваць, што у людзей не было веры ў уваскрашэнне цела (яго знішчалі спаленнем), а была вера ў працяг існавання душы і жыцця яе пасля смерці. Праходжанне нябожчыка праз агонь у час спалення не змяншала сілы яго душы, а наадварот, душа, ачысціўшыся, рабілася яшчэ мацнейшай. Ачышчальная функцыя агню займала прыкметнае месца ў рэлігійных поглядах людзей. Абрад крэмацыі хутчэй за ўсё меў дачыненне да культуры агню.

Культавыя комплексы-збудаванні (свяцілішчы), звязаныя з язычніцкімі вераваннямі насельніцтва трэцяй чвэрці I тыс. н. э., знойдзены, праўда, пакуль

толькі на Смаленшчыне (Третьяков. Шмидт. 1963. С. 65, 96, 97, 102). Намі на гарадзішчы Цясты пад Верхнядзвінскам зафіксавана канцэнтрычнае размяшчэнне ямаў, што вельмі падобнае да Тушамлянскага ўзору рэшткаў свяцілішча. У гэтай сувязі выклікае цікавасць выяўлены намі нядаўна аб'ект на гарадзішчы Клішына Крупскага раёна (міжрэчча Заходняй Дзвіны і Дняпра), які можна адносіць да ямы-ахвярніка. Аб'ект уяўляў з сябе яму канічнай формы з амаль круглым у плане памерам з верхнім дыяметрам 4-4,2 м і глыбінёй да 2 м. У заўважэнні яе былі выяўлены фрагменты ляпнога гладкасценнага і штрыхаванага посуду, а таксама іклы жывёлаў з нарэзкамі і касцяныя пласцінкі з адтулінамі (мал. 1). Побач з ямай у мацерыковым слоі на глыбіні 1 м быў зафіксаваны няпоўны шкілет чалавека (фрагмент ніжняй правабаковай сківіцы, пазванкі, фалангі пальцаў) і каня, а таксама шматлікія касцяныя пласцінкі з адтулінамі і амулеты з разцоў і іклаў жывёлаў з нарэзкамі. Пляцоўка аснавання дна ямы - круглая па форме (1-1,2 м) - утрымлівала інтэнсіўна перапапеную зямлю з косткамі, вуглямі, камянямі. Размяшчэнне камянёў сведчыць аб наяўнасці агменю крутлай формы. Няпоўны шкілет чалавека выяўлены таксама у 20 м ад ахвярніка на мацерыковай паверхні (сцэгnavыя і галёначныя косткі, фалангі пальцаў, пазванкі). Тут жа побач знойдзена клінападобная крамянёвая сякерка, добра адшліфаваная і завостраная. Усе гэтыя фактары сведчаць пра культавыя дзеянні на гэтым паселішчы на працягу вялікага адрэзку часу ад эпохі бронзы, а магчыма і раней, і да сярэднявечча. Выяўленая яма-ахвярнік і шматлікія касцяныя пласціны-падвескі з'яўляюцца пакуль унікальнай з'явай на тэрыторыі Беларусі і сумежных тэрыторый.

З факта знаходак свяцілішчаў вынікае, што дадзены тып культавага збудавання ўзнікае яшчэ ў ранні час і пераходзіць у наступную эпоху, праіснаваўшы аж да канца трэцяй чвэрці I тыс. н. э., а ў шэра-

Мал. 1. Гарadzішча Клішына Крупскага раёна:
амулеты з рэбраў (1-12); іклаў і разцоў (13-20) жывёлаў

гу месцаў, магчыма, і пазней, да перыяду хрысціянізацыі.

Шматлікія знаходкі амулетаў з іклаў мядзведзя, дзіка, ваўка, бабра на помніках Беларускага Падзвіння (Пруднікі, Цясты, Гарадок, Клішына і інш.) сведчаць пра існаванне вераванняў, звязаных з культурам жывёл. На гарадзішчы і паселішчы Пруднікі выяўлена звыш 30 знаходак амулетаў-іклаў мядзведзя, кабана, бабра, ваўка. Мяркуючы па міфалогіі прыбалтыйскіх народаў, напрыклад, культ мядзведзя займаў асобае месца ў балцкім асяроддзі. Гэта пацвярджаюць шматлікія знаходкі, што сведчыць пра пакланенне мядзведзю. Знаходкі на сумежнай тэрыторыі Смаленшчыны (гарадзішча-сховішча Гарадок) рэшткаў галавы мядзведзя, якая ўвенчала цэнтральны слуп свяцілішча — прамы доказ гэтага культу. Сведчаннем ахвярапрынашэнняў жывёл пры пахаваннях людзей на поўначы Беларусі з'яўляюцца знаходкі разам са спаленымі касцямі чалавека касцей жывёл і птушак (Сергеева. 1989. С. 71, 73).

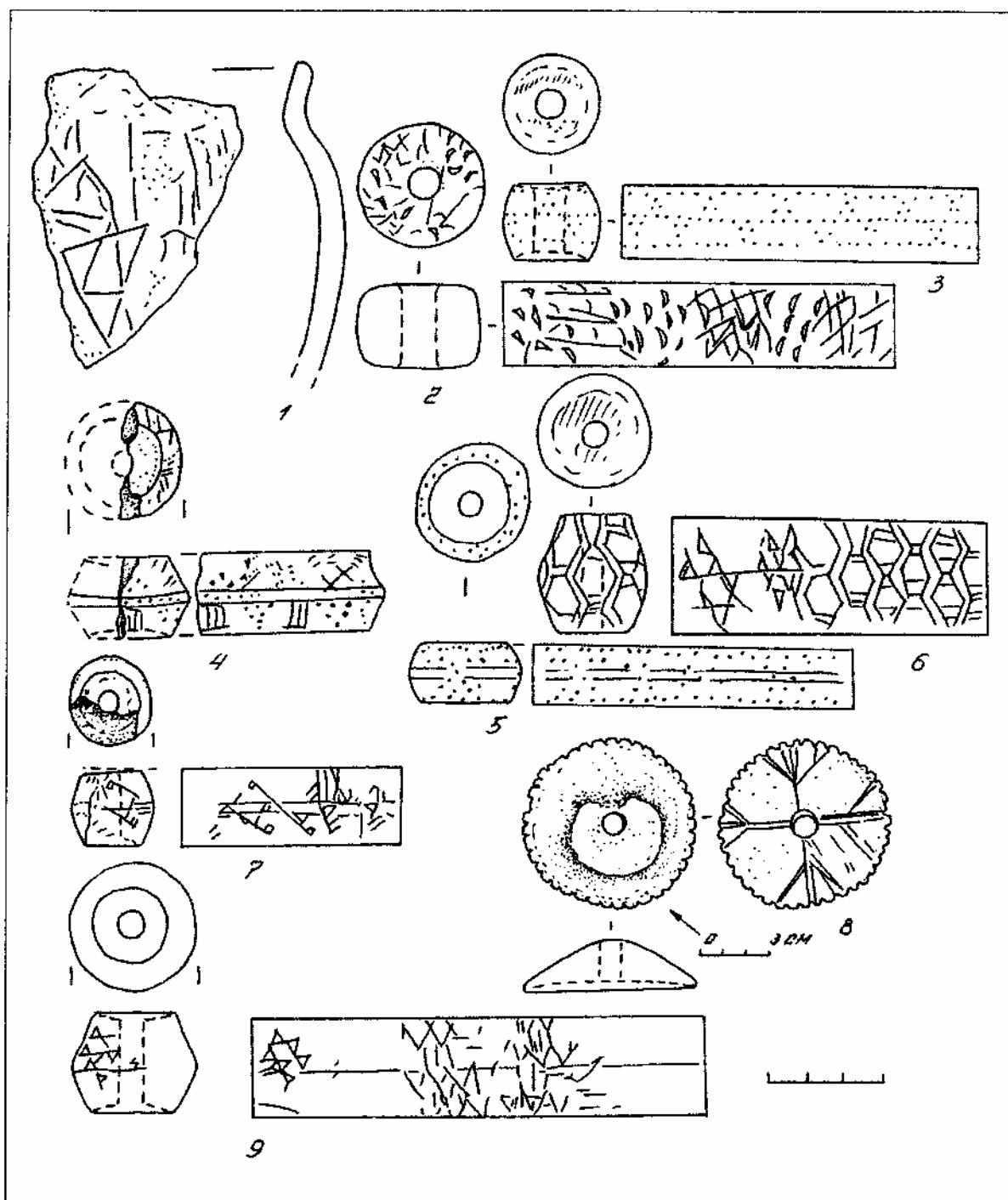
Г. В. Штыхаў указвае на неаднаразова знаходкі касцей жывёл (каня, быка) у Дарахоўскім курганным могільніку. Ахвярапрынашэнне, на яго думку, было распаўсюджана у плямён культуры доўгіх курганоў Паўночнай Беларусі ў трэцяй чвэрці I тысячагоддзя н. э., таксама як і ў познія часы (Штыхаў. 1992. С. 26).

Л. у. Дучыц, падаючы зводку па наяўнасці жывёл і птушак у пахавальным абрадзе кургану Беларусі, адзначае, што косткі жывёл і птушак у курганных пахаваннях найбольш характэрныя для ваколіц Полацка, Паўночна-ўсходняй Беларусі і Пасожжа. Як правіла, такія пахаванні шматінвентарныя, а усе знойдзеныя жывёлы (конь, бык, баран, свіння) звязаны як з загробным светам, так і з культурам пладароддзя (Дучыц. 1997. С. 149).

У пахаванні па абраду трупаспалення каля в. Вусце Браслаўскага раёна сярод спаленых костак дарослай жанчыны былі выяўлены косткі свінні. Пахавальны інвентар уключаў ляпны посуд, нож, шкля-

ныя пацеркі (Шадыра, Дучыц. 1992. С. 77). Безумоўна, культавым мэтам служыла каспяная фігурка птушкі, хутчэй за ўсё качкі, знойдзеныя на селішчы Пруднікі. Гэта рэч з трох бакоў аздоблена наразным і кропкавым арнамантам у выглядзе ромба і выявы у выглядзе літары М. Наверсе акрамя наразных фігур нанесены шэраг кропак. На спінке маецца адтуліна. Гэты прадмет хутчэй за ўсё быў талісманам (абярэгам), які прышпіляўся да адзення і пастаянна насіўся яго ўладальнікам (Шадыра. 1993. С. 174, 181. Мал. 4: 2).

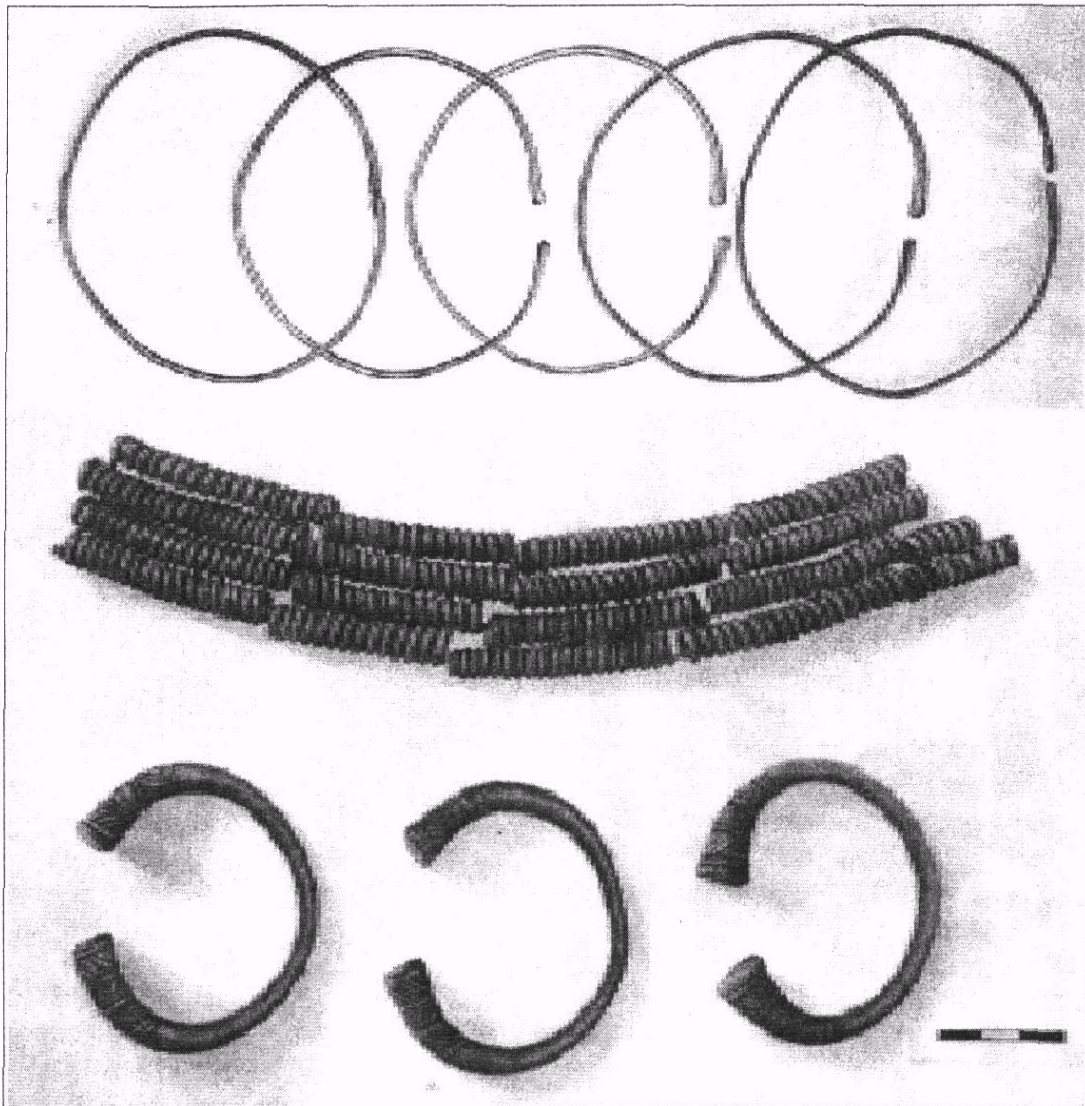
Сведчаннем рэлігійных поглядаў насельніцтва з'яўляецца арнамантацыя розных рэчаў жыццёвага побыту (посуд, прасліцы, грузікі і г. д.). Часцей за ўсё арнамантаваліся прасліцы, прычым самага шырокага храналагічнага дыяпазону. Напрыклад, разглядаючы арнамантацыю прасліц з гарадзішча Клішына, можна меркаваць аб светапоглядзе насельніцтва эпох! жалеза і ранняга сярэднявечча міжрэчча Заходняй Дзвіны і Дняпра. На прасліцах фіксуюцца выявы левых трохчасткавых свастык, якія звычайна трактуюцца як жаночыя (мал. 2: 7). Акрамя гэтага, яны сімвалізуюць траістасць свету і грамадства, што характэрна для індаеўрапейцаў (Голан. 1994). Вядома, што лічба 3 з'яўляецца сакральнай для шматлікіх старажытных і сучасных народаў. Часта сустракаецца арнамент у выглядзе трохкутнікаў з вяршынямі ў супрацьлеглыя бакі (верх, ніз) (мал. 2: 3-5). Вядомы яшчэ ў неаліце, ён сімвалізаваў нябесную ваду. Трохкутнік з вяршыняй унізе азначаў жанчыну. На думку Б. А. Рыбакова, такое спалучэнне звязана з язычніцкім культурам Вялікай Багіні-Маці, якая адказвала за дождж (Рыбаков. 1994. С. 388). Трохкутнікі на прасліцах могуць быць адзнакамі багіні, якая, да таго ж, апекавалася жанчынамі і іх заняткамі, у прыватнасці прадзеннем. Сустрэты на праселках яшчэ адзін цікавы знак (мал. 2: 9). У беларусаў ён дагэтуль выкарыстоўваецца ў вышыўцы і завецца «баба» альбо «жаба». На вялікім археалагічным і

Мал. 2. Гарadzішча Клішына. Арнаментыка на прасліцах і грузіках:
1-7, 9-11- гліна; 8 - косць

этнаграфічным матэрыяле А. К. Амброз паказаў, што гэты знак мае сувязь з плоднасцю (Амброз. 1965). А. Б. А. Рыбакоў лічыць, што знак «баба» выяўляе жанчыну, якая нараджае дзіця (Рыбаков. 1994). На двух прасліцах і адным з фрагментаў пасудзіны назіраецца выява шасціканцовай зоркі (Мал. 2: 1, 9). Як ад-

значае А. Голан, гэты знак сімвалізуе шэсць канцоў свету і сувязь з небам і з'яўляецца эмблемай Вялікай Багіні-Маці (Голан. 1994. С. 150). Цікава, што выклікае арнаментыка касцянога грузіка дзякавага тыпу (мал. 2: 8), што складаецца з паралельных ліній з разбежнымі промнямі. Тут у наяўнасці сімваліка дажджу ці

Мал. 3. Гарадзішча Клішына, Скарб жаночых упрыгожванняў:
1 - сярэбраныя скроневыя колцы; 2 - бронзавыя спіралеподобныя пранізкі; 3 - бронзалеты арнаментаваныя з бронзы

вады, гаспадыняй якіх з'яўлялася ўсё тая ж Вялікая Багіня. Такім чынам, арнаментыка прасліц і грузікаў гарадзішча Клішына звязана перш за ўсё з плоднасцю і ўшанаваннем Бялікай Багіні-Маці.

3 рэлігійнымі вераваннямі звязаны знаходкі касцяных пласцінак з адтулінамі з рэбраў капытных жывёлаў (мал. 1: 1-12), касцяныя падвескі-амулеты з нарэзкамі з іклаў і разцоў ваўка, бабра, дзіка, аленя, лася, каня, барсука (мал. 1: 13-20).

У сэнсе рэканструкцыі палеаэстранамічных уяўленняў старажытнага насель-

ніцтва Беларускага Падзвіння цікавасць уяўляе збудаванне каля в. Бікульнічы Полацкага раёна на паўднёвым беразе возера Янава. Помнік размешчаны на адкрытай пляцоўцы ўзгорка (Бікульніцкі Pog) і ўяўляе адкрыты з аднаго боку квадрат памерам 15x15 м, выкладзены з валуноў. Адкрытым баком квадрат скіраваны ў бок возера. Пры вывучэнні збудавання з валуноў было устаноўлена, што аснова гэтага квадрата знаходзіцца па азімуту 52° на паўночны ўсход ад кірунку на поўнач. Якраз паміж 50° і 52° на паўночны ўсход

ад збудавання на процілеглым беразе возера размешчана тара Гарадзец. У перыяд летняга сонцастаяння, на Купалле, сонца ўзыходзіць на паўночным усходзе, і таму Гарадзец мог быць адным са звёнаў у ланцужку культавых аб'ектаў, звязаных з найбольш вялікім язычніцкім святам. Раскопкі Э. М. Зайкоўскага штучных умацаванняў не выявілі, культурны пласт

зусім тонкі, на мацерыку канстатавана шмат ям рознай глыбіні і канфігурацыі з вуголлем. Ямы хутчэй за ўсё з'яўляліся геогліфамі (рэльефнымі выявамі на паверхні зямлі нейкіх міфалагічных істот). Выяўлена ляпная гладкасценная кераміка днепра-дзвінскай культуры і трэцяй чвэрці I тысячагоддзя н. э. (Зайкоўскі. 2000. С. 120).

ЛІТАРАТУРА

1. Амброз А. К. Раннеземледельчы культурны символ («ромб с крочкамі») // СА. 1965. № 3.
2. Голан А. Миф и символ. М., 1994.
3. Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
4. Загорульский Э. М. Начало формирования населения Белоруссии (дославянский период). Мн., 1996.
5. Зайкоўскі Э. Духовная культура ў жалезным веку // Гісторыя Беларусі. Мн., 2000. Т. 1.
6. Колосовский Ю. В. Новые данные о раннеславянском поселении у д. Вежки в Оршанском Поднепровье // Тэз. канф. «Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэднявечча». Мн., 1997.
7. Мітрафанаў А. Р., Каробушкіна Т. М. Археалагічны помнік расказвае // Помнікі гісторыі і культуры. 1975. № 4.
8. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1994.
9. Седин А. Городище Никодимово (Никадзімава) // Slavia Antiqua. 1995. Т. XXXVI.
10. Сергеева З. М. Изучение курганов в окрестностях Освейского озера // КСИА. 1989. № 195.
11. Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
12. Шадыра В. І., Дучыц Л. У. Аб славянскім рассяленні на паўночным захадзе Беларусі // Весці НАНБ. Серыя грамадскіх навук. 1992. № 3, 4.
13. Шадыра В. І. Селішча Пруднікі на беларуска-латышскім парубежжы // ГАЗ. 1993. Ч. 2.
14. Шадыра В. І. Днепра-дзвінская супольнасць у I тыс. н. э. (сацыяльны аспект і этнакультурныя працэсы) // Тэз. канф. «Беларусь у сістэме транс'еўрапейск сувязяў у I тыс. н. э.». Мн., 1996.
15. Штыхаў Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганаў у Паўночнай Беларусі. Мн., 1992.

Е. А. ШМИДТ
г. Смоленск

**ЯЗЫЧЕСКИЕ
СВЯТИЛИЩА
В СМОЛЕНСКОМ
ПОДНЕПРОВЬЕ
И ПОДВИНЬЕ**

Многочисленные археологические памятники в пределах Смоленской земли, как-то: древние поселения (городища и селища), курганы и могильники - с давних времен привлекали внимание исследователей, но до начала 20-х гг. XX в. древних языческих святилищ еще открыто не было. В 1920-х гг. А. Н. Лявданский проводил работы по изучению древних городищ на территории Смоленской губернии и на основе их внешней формы и характера культурного слоя создал классификацию городищ, разделив их на 4 группы. В 3-ю группу им были включены небольшие городища, расположенные преимущественно среди болот, имевшие округлые площадки диаметром 15-20 м, ограниченные одним или двумя валами и рвами, но не содержавшие культурного слоя с остатками артефактов. На основе материалов, собранных о значительном количестве городищ 3-й группы, А. Н. Лявданский пришел к выводу: «Принимая же во внимание их небольшие размеры, местонахождение и отсутствие черепков посуды с костями животных и предметов - следует допустить, что они служили для обрядовых и вообще религиозных целей, но отнюдь не были местом жительства или укреплений» (Лявданский. 1926. С. 187-190). Таким образом, впервые был выделен один из типов древних святилищ на Смоленской земле - «болотные городища». Однако точное время их функционирования определено не было. В 1955-1958 гг. В. В. Седов изучал древнерусские поселения центральных районов Смоленской земли и уделил внимание болотным городищам, в том числе проанализировал материалы,

связанные с городищем Шапырево и др. и определил время их бытования и этническую принадлежность: «...принадлежность круглых болотных городищ Смоленщины к древнерусскому времени представляется наиболее вероятной ...они относятся к языческой поре восточного славянства» (Седов. 1960. С. 37). В том же году В. В. Седов опубликовал специальную работу, посвященную болотным городищам, в которой использовал сведения А. Н. Лявданского и определил их соотношение с окружающими древними дохристианскими кривичскими поселениями, выявленными им же во время археологических разведок (Седов. 1960. С. 57-64).

В 1954-1960 гг. П. Н. Третьяков изучал древнейшие городища Смоленщины бассейнов верхних течений рек Сожа и Днепра. В результате этих исследований из большого числа городищ была выделена особая группа памятников типа Тушемля, Городок и др. середины - третьей четверти I тыс. н. э., получившая название памятников тушемлинской археологической культуры. Они представлены многочисленными городищами-убежищами, часть которых на своих площадках имела особые святилища (Тушемля, Городок, Прудки). Было дано их общее описание и характеристика, а на примере материалов из раскопок Тушемли сделана реконструкция убежища и святилища. Определены время их функционирования (VI-VII вв. н. э.) и принадлежность тушемлинским племенам (Третьяков. 1963. С. 59-70). Он также провел раскопки болотных городищ Асташково и Шапырево и получил некоторые данные об их планировке (Третьяков. 1963. С. 123-129). Автор настоящей статьи раскапывал городища Демидовка в Поднепровье и Самсонцы в Подвинье, где им были выявлены капища последнего периода существования днепро-двинской культуры (Шмидт. 1992. С. 53; Шмидт. 2002. С. 109-110). При изучении городищ днепро-двинской культуры более древнего периода (VII-II вв. до н. э.) Но-

вые Батеки, Близнаки, Холмец и др. в их пределах не обнаружено особых сооружений, которые можно было бы отнести к культовым.

И. П. Русанова и Б. А. Тимошук в большой работе, посвященной языческим святилищам древних славян, используя материалы вышеуказанных авторов, дали характеристику малым городищам-святилищам, в число которых включены болотные городища Смоленской земли (Русанова, Тимошук. 1993. С. 20-24).

Археологические источники, накопленные к настоящему времени, дают основание составить общее представление о древних культовых сооружениях на Смоленской земле, существовавших в течение полутора тысяч лет, начиная с первых веков до н. э. и кончая ранним периодом русской государственности и распространением христианства. Нет сомнения, что и ранее, в I тыс. до н. э., у днепро-двинских племен были особые места или капища, связанные с древними формами язычества. Были ли они в виде особых сооружений за пределами поселений или же в качестве таковых использовались специальные места или жертвенники в помещениях, конструктивно одинаковых с жилыми или хозяйственными постройками, пока не установлено. Однако в первых веках н. э., когда в культуре днепро-двинских племен раннего железного века произошли значительные изменения (распространилась особая форма профилированных глиняных сосудов и глиняные грузики «дьякова типа», появились новые формы серпов и стали использоваться железные и бронзовые фибулы), тогда изменился характер культурного слоя и в целом планировка поселений - городищ. На поселениях этого времени обнаружены древнейшие наземные круглые в плане сооружения, которые можно рассматривать как культовые, т. е. капища или святилища. Такие капища были обнаружены на городищах Тушемля (средний слой) и Демидовка в Поднепровье и Самсонцы в Подвинье.

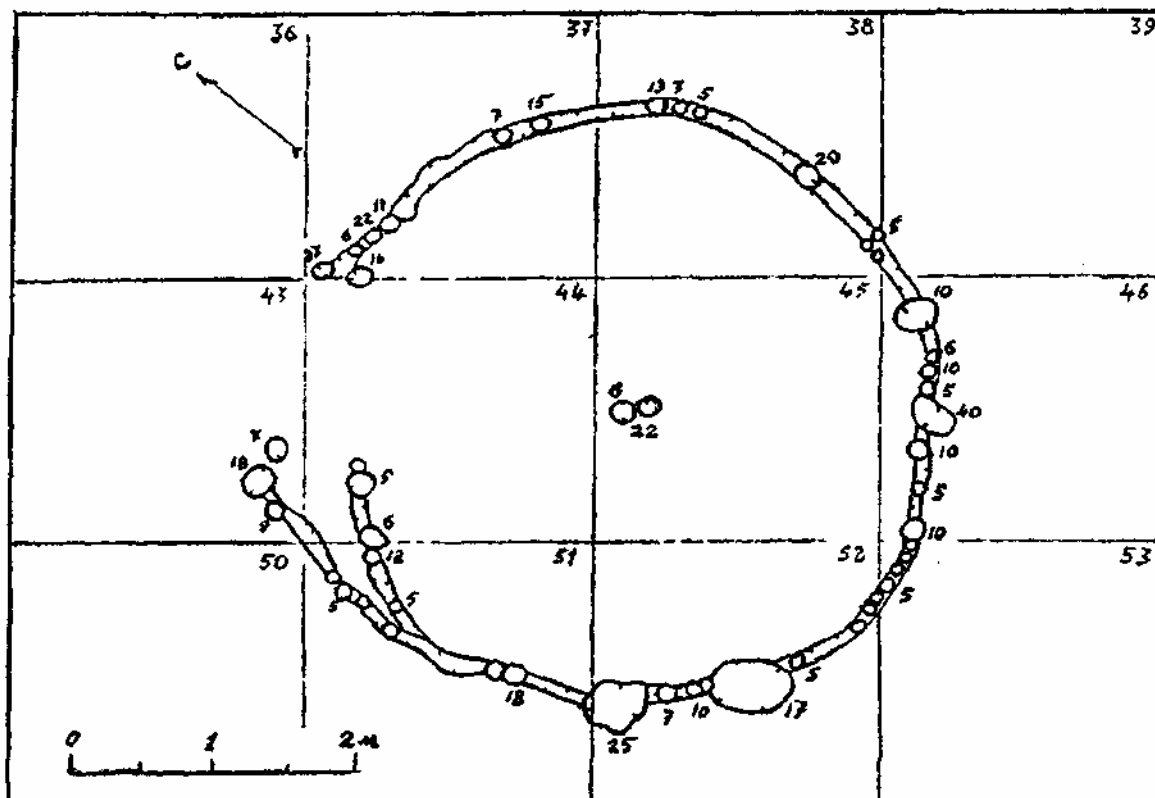

Рис. 1. План святилища на городище Самсонцы

На городищах Тушемля и Демидовка застроенные участки имели значительный уклон и места строительства святилищ были снивелированы для получения горизонтальных площадок, т. е. часть культурного слоя счищена до нетронутого материкового грунта на высокой стороне, и этот грунт перемещался на пониженную сторону и выравнивался. Таким образом, часть деревянной ограды капища устанавливалась в углублениях в материке, где она в процессе раскопок четко прослежена, а другая часть устанавливалась на подсыпанном культурном слое, в котором проследить ее остатки не было возможности. На городище Самсонцы капище было устроено на совершенно ровном участке, поэтому на поверхности материка четко прослеживались контуры всего сооружения. Остатки этого святилища представляли собой горизонтальную, хорошо утопанную площадку круглой формы, на периферии которой располагалась канавка, образующая круг, разомкнутый на северной стороне (рис. 1).

На дне канавки прослеживались ямки диаметром от 6 до 18 см при глубине 3-22 см. Эти ямки были следами от вертикально поставленных столбиков, располагавшихся почти вплотную друг к другу, как это видно на лучше сохранившемся участке на южной стороне (рис. 1). На остальных участках круга они сохранились хуже и не всегда прослеживались. Стена из столбиков образовывала круг диаметром 4,4 м, разомкнутый на северной стороне, где скорее всего был вход в святилище. В центре этого круга была яма, округлая в плане, диаметром 20 см, глубиной 22 см, цилиндрической формы с уплощенным дном. В этой яме стоял центральный столб с изображением какого-то языческого божества. Не исключено, что и столбики в круглой ограде могли иметь какие-то изображения. С северной стороны канавка и ограда отсутствовали, что дает основание сделать предположение, что здесь стены из вертикально поставленных столбиков не было. Концы канавки завершались несколь-

кими ямками, в которых стояли столбики, как бы оформлявшие вход в святилище. Это сооружение, видимо, один раз перестраивалось или ремонтировалось. Об этом свидетельствует оформление стены у входа на северо-западной стороне, где первоначальный край стены был смещен, а на новом месте он получил уже полное оформление. Такое перемещение стены было и на другой стороне входа. Одновременно центральный столб был передвинут из ямы глубиной в 6 см в яму глубиной 22 см. По особенностям конструкции ограды и использованию канавки, оконтуривающей периметр возводимого сооружения, эта круглая постройка связана со строительными традициями днепро-двинских племен раннего железного века середины и второй половины I тыс. до н. э. Круглая постройка на городище Демидовка (рис. 2) зафиксирована на склоне материка не полностью. Она имела диаметр 5,2 м и такие же конструктивные особенности, как и на городище Самсонцы. Круглое сооружение, обнаруженное в северной части городи-

ща Тушемля, относящееся к среднему горизонту культурного слоя, имело диаметр 6 м и такую же планировку, как постройки на городищах Самсонцы и Демидовка (Третьяков. 1963. С. 57-59). Весьма примечательно то, что на раскопанных и детально изученных городищах Самсонцы, Демидовка и Тушемля (средний культурный слой) среди значительного количества прямоугольных наземных построек было только по одному круглому сооружению вышеописанной планировки и примерно близких размеров. Кроме того, расположение круглых построек среди других сооружений на всех трех городищах было одинаковым. Они располагались на северных краях площадок городищ поблизости от оборонительной стены и были как бы открыты к югу, к солнечной стороне. Поскольку на всех трех городищах было только по одному круглому сооружению, а все жилые и хозяйственные постройки были прямоугольными, есть основание считать, что круглые постройки имели особое назначение, т. е. были культовыми (святили-

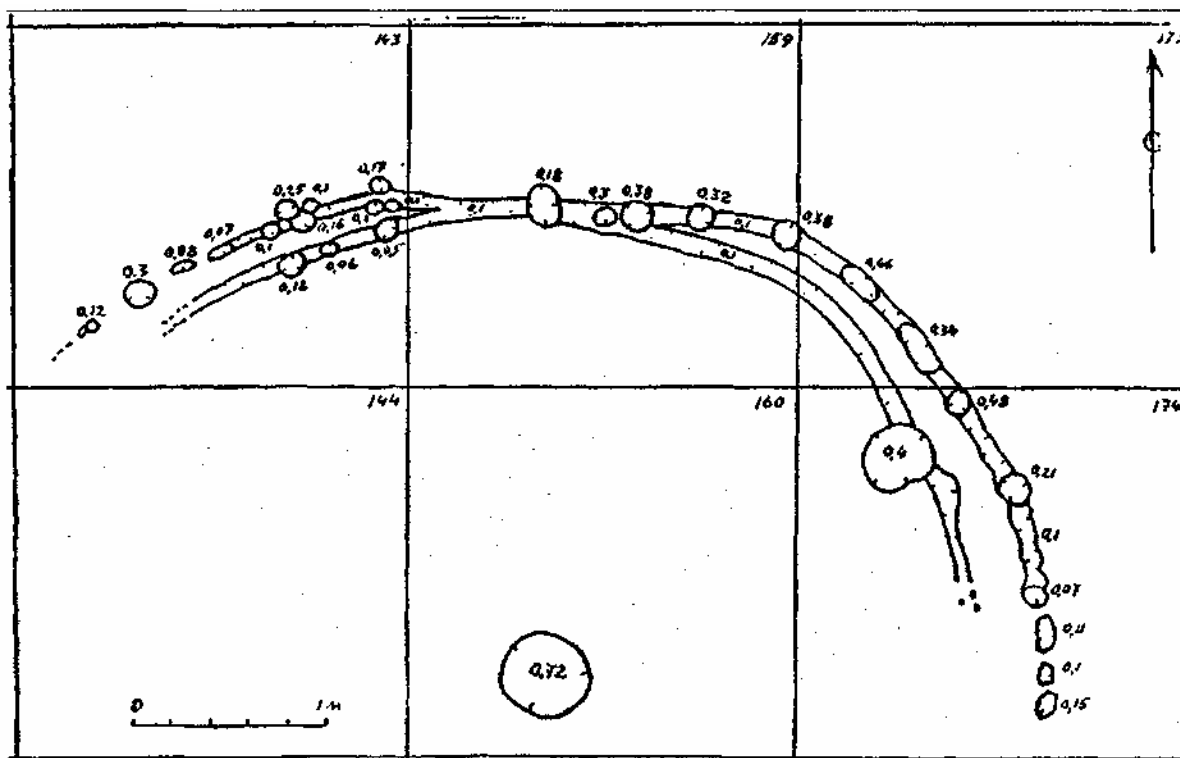

Рис. 2. План святилища на городище Демидовка

щами) и, видимо, использовались не одной семьей или одним домохозяйством, а всем коллективом жителей укрепленного поселка - городища. На городищах, прекративших свое существование до первых веков до н. э. (Новые Батеки, Слобода-Троянова, Холмец и др.), подобных круглых сооружений не обнаружено и, исходя из комплексов вещественных находок, время существования городищ с круглыми сооружениями-капищами можно определить отрезком времени в пределах последней четверти I тыс. до н. э. - первой четверти I тыс. н. э. Конкретный вещевой материал, полученный при изучении круглых построек на городищах раннего железного века, не дает прямых свидетельств об их функциональном назначении. Однако на территории Смоленского Поднепровья и Подвинья после прекращения использования городищ в качестве постоянных мест обитания днепро-двинскими племенами и формирования новой собственно тушемлинской культуры, т. е. в IV-VII вв. н. э., на древних заброшенных городищах сооружались временные укрепленные убежища (Городок, Прудки, Тушемля и др.), на которых кроме длинных домов, поделенных на прямоугольные помещения, возводились круглые наземные сооружения, определенные П. Н. Третьяковым как святилища (Третьяков. 1963.. С. 14-16, 65-70).

Эти святилища тушемлинской культуры имели одинаковое устройство с круглыми сооружениями днепро-двинской культуры, что дает основание рассматривать последние как культовые. На основе изучения городищ-убежищ Тушемля, Городок, Прудки П. Н. Третьяков в целом характеризует святилища тушемлинской культуры как круглые сооружения. Их остатки представляли собой горизонтальные, тщательно выровненные и утопанные площадки диаметром 5-6 м. В центре каждой такой площадки была глубокая яма, диаметр которой достигал 0,5 м при глубине в материке до 1 м. В такой яме устанавливался вертикально массив-

ный столб. Точно по окружности площадки располагалась неглубокая канавка, в которой были почти слившиеся друг с другом ямки от столбиков меньшего размера или расколотых плах. Они составляли довольно плотную ограду вокруг площадки и центрального столба, который, несомненно, представлял собою какое-то божество в виде деревянного идола. Столбики, расположенные по периметру в канавке, могли иметь также какое-то культовое значение. Большая плотность и утопанность площадки свидетельствуют о частой посещаемости святилища людьми.

Среди изученных городищ-убежищ со святилищами в пределах Смоленской земли лучшую сохранность имели остатки святилища на городище-убежище Городок (Третьяков. 1963. С. 93-101). Оно представляло собою горизонтальную круглую площадку диаметром 5 м (рис. 3). По краю площадки по кругу были следы ямок от столбиков, плотно примыкавших друг к другу, что образовывало как бы кольцевую канаву. В центре круглой площадки была яма от массивного столба диаметром около 0,5 м и глубиной 0,95 м. Святилище, видимо, один раз перестраивалось на одном и том же месте. Первоначально оно имело форму не совсем правильного круга при размерах С-Ю — 5,3 м и 3-В — 5 м. При перестройке канавка и столбики на северной стороне были смещены к югу и святилище приняло форму правильного круга диаметром 5 м. Отмеченные на плане (рис. 3) в пределах площадки малые круглые ямки и углубление к святилищу отношения не имели, так как связаны с более древним поселением на городище. На этом святилище была вскрыта уникальная картина: «В юго-западной части святилища на расстоянии 1,3 м от центрального столба, в толще культурного слоя на 0,5-0,1 м над материком, т. е. на уровне древней поверхности, была сделана замечательная находка, проливающая дополнительный свет на святилища и религиозные представления обитателей

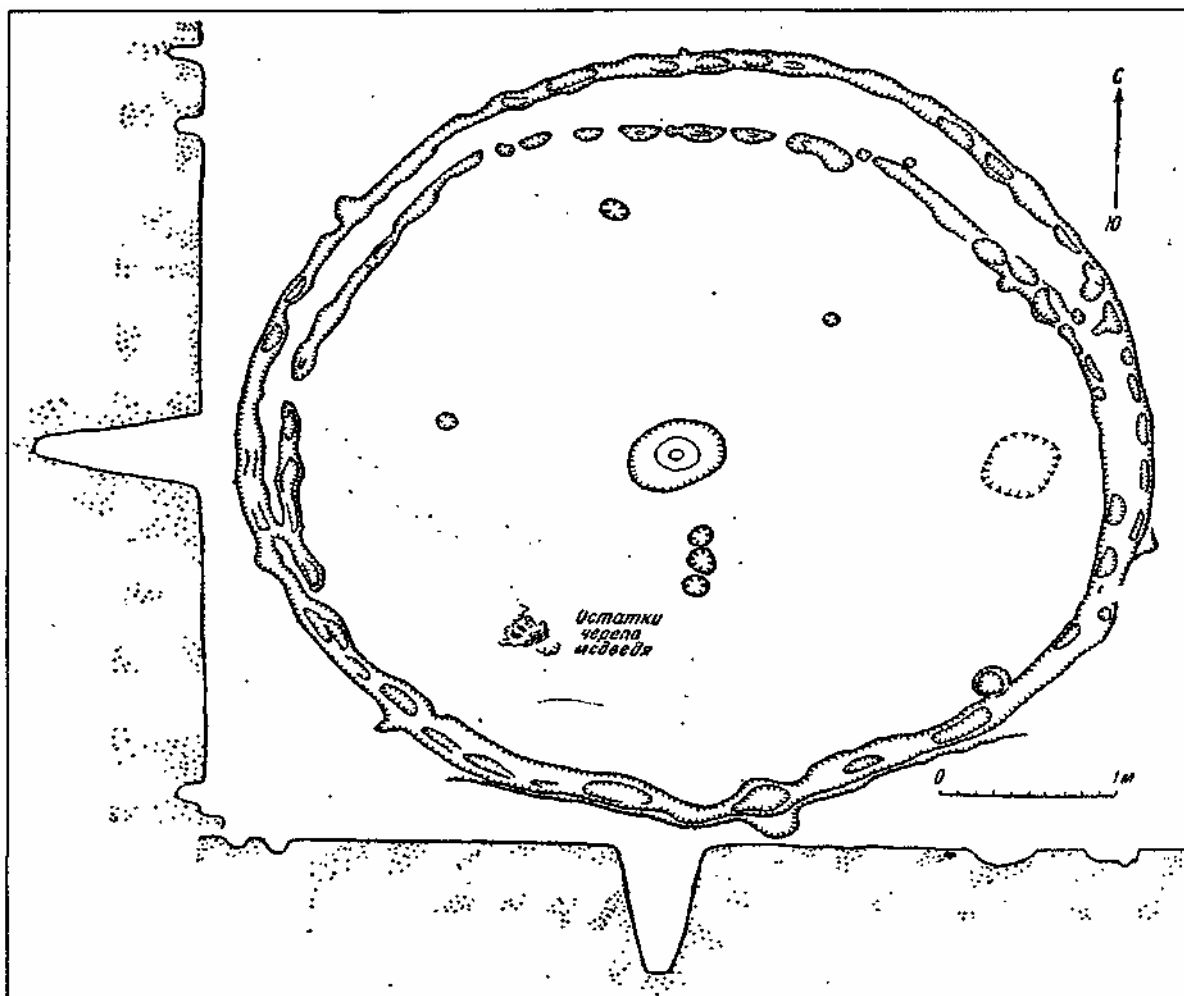

Рис. 3. План святилища на городище-убежище Городок (по П. Н. Третьякову)

смоленских городищ-убежищ, здесь были найдены остатки черепа большого медведя с нижней челюстью, сохранившей правильное отношение к черепу... Это обстоятельство представляется нам очень важным: перед нами не просто череп, а остатки головы медведя, которая увенчивала, вероятно, центральный столб святилища. Это был идол, вырезанный из толстого древесного ствола и снабженный настоящей медвежьей головой» (Третьяков. 1963. С. 99).

Эта находка подтверждает факт поклонения медведю, который по мифологии населения верховьев Днепра и Западной Двины, включая Прибалтику, занимал особое место в языческих представлениях и, видимо, составлял особый культ. Нельзя исключать и того, что на данном капище медведь мог быть тотем-

ным животным. Его культ как покровителя рода особо почитался, и его изображение составляло основу святилища. Вместе с тем поклонение медведю может указывать и на существование верований и обрядов, связанных с обожествлением животных.

Небольшие святилища на городищах-убежищах типа Городок, Прудки, Тушемля, возведенные в периоды большой опасности, видимо, были не единственными сооружениями, связанными с языческими верованиями того периода. На территории расселения тушемлинских племен известно значительное количество небольших городищ, не содержащих в культурном слое остатков хозяйственной или производственной деятельности. В литературе они обобщенно получили название малых городищ-свя-

тилищ (Русанова, Тимощук. 1993. С. 20-24). Часть относимых к этой категории памятников возводилась на высоких мысах коренного берега рек (Васильеве, Яцково, Лосня, Слобода-Глушица, Колодня и др.) и не исключено, что они функционировали в период существования тушемлинской культуры.

Одно из них - городище Слобода-Глушица, детально изученное П. Третьяковым в 1959-1960 гг. (Третьяков. 1963. С. 107-112). Оно располагалось на высоком мысу левого берега р. Сож, возвышаясь над поймой реки на 15 м. Его внутренняя площадка овальной формы, размером 20x17 м в то время была защищена со всех сторон двумя кольцевыми валами и находившимися перед ними рвами. К настоящему времени на отдельных участках эти сооружения были частично сnivelированы и едва прослеживались. Раскопки показали, что над материком лежал слегка гумусированный грунт серовато-оливкового цвета, верхняя часть которого являлась дерном. Никаких вещественных находок, относящихся к середине и второй половине I тыс. н. э., в этом слое найдено не было. В результате раскопок удалось выявить как общий план всех сооружений, так и отдельные особенности в их конструкции (рис. 4). На площадке внутри укреплений, располагаясь по замкнутому овалу, стояла деревянная постройка, от которой сохранились два ряда столбовых ям. Внутри постройки оставался свободный, незастроенный дворик длиной 10,5 м и шириной 7 м, в пределах которого не было культовых сооружений. Внутренняя стена постройки вокруг дворика поддерживалась 13 опорными столбами, а наружная — 28. Опорные столбы в каждой стене отстояли друг от друга в среднем на 2 м. Ширина постройки в мысовой части была около 3 м, а к напольной стороне постепенно увеличивалась до 4 м. Внутри самой постройки располагались каменные очаги. Их количество точно не установлено из-за плохой сохранности, но во всяком случае их было не менее шести. При ис-

следовании наиболее сохранившихся очагов выяснено, что камни в них, плотно прилегая друг к другу, лежали в два-три ряда, а в промежутках между камнями была зола. Камни, размер которых 0,1—0,15 м, несут следы действия огня — они сильно растрескались, а часть из них превратилась в дресву. Пол постройки вдоль ее наружной стены был выстлан корой, преимущественно берестой. Стены постройки состояли из вертикально поставленных столбов, в пазах которых крепились горизонтально положенные бревна или плахи. Характер кровли установлен не был. Эта постройка, несомненно, предназначалась для размещения людей. На расстоянии 1,25-1,5 м от наружной стены постройки с каменными очагами, но с внутренней стороны кольцевого вала шла деревянная стена, основой которой были опорные вертикально поставленные бревна (на вскрытой части выявлено 17 ям от таких столбов). Они являлись частью конструкции внутреннего вала и одновременно служили изгородью, удерживающей насыпь вала от сползания на площадку. Пространство между этой стеной и постройкой было свободным. Внешняя сторона этого внутреннего вала деревянных конструкций не имела. Наружный вал в настоящее время был шириной около 6 м, насыпь его состояла из песка. Первоначально укрепления наружного вала представляли собою две параллельные стены столбовой конструкции, отстоящие друг от друга на расстоянии 1,2 м, между которыми была песчаная засыпка. Общая высота стены составляла не менее 3 м. После пожара, когда деревянные стены сгорели, песок из засыпки расползся, образуя валообразную кольцевую насыпь.

Пространство между наружным и внутренним валами было ровное и незастроенное. Судя по вышеприведенному описанию, все сооружение у Слободы-Глушицы по общей планировке и особенностям конструкции самой постройки и валов в значительной степени повторяет убежище на Тушемле. Учитывая также

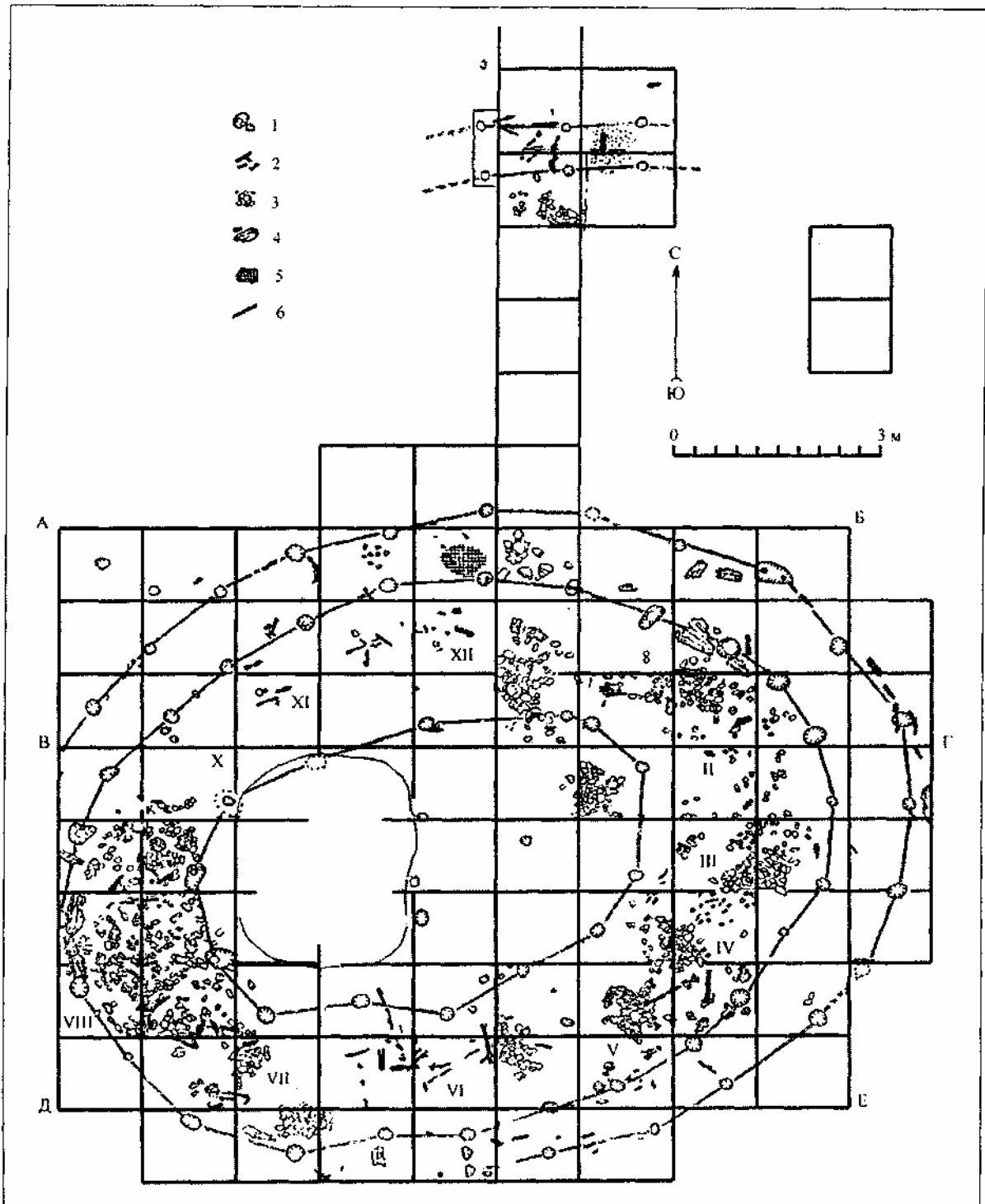

Рис. 4. План святилища на городище Слобода-Глушица (по П. Н. Третьякову):
1 - ямы от столбов; 2 - сгоревшее дерево; 3 - камни; 4 - куски коры; 5 - следы огня
на поверхности материка; 6 — направление стен деревянной постройки; I-XII - по-
мещения постройки

высоту оборонительной стены, есть осно-
вание полагать, что оно могло сооружать-
ся и использоваться как убежище для на-
селения из рядом расположенного сели-
ща тушемлинской культуры. Но, видимо,

в качестве убежища оно так и не было
использовано, так как на нем отсутствует
культурный слой, включающий артефак-
ты, т. е. какие-либо остатки хозяйствен-
ной деятельности, связанные с жизнью

людей в убежище. Наличие в помещении очагов с растрескавшимися от длительного пребывания в огне камнями, свидетельствует о многократном разведении огня и, если учесть, что пол в помещении был выстлан корой, то можно предполагать, что все сооружение использовалось для проведения языческих обрядов, т. е. было капищем. Капище было сожжено. Поселение тушемлинской культуры, расположенное рядом, прекратило свое существование, а на его восточной окраине был устроен могильник населением культуры смоленских длинных курганов. (Шмидт. 1963. С. 177-192).

В Смоленском Поднепровье известно значительное количество так называемых болотных городищ, которые также представляли собой языческие капища (святилища). Ни одно из них пока еще не было раскопано целиком, хотя некоторые подверглись изучению и частичным раскопкам. Детально исследовано и раскопано на значительной площади только болотное городище Шапырево (Третьяков. 1963. С. 125-129). Оно расположено на западной окраине большой заболоченной низины примерно в 150 м от левого берега р. Березники (левый приток Днепра) и занимает южную окраину невысокого песчаного всхолмления. Городище в плане имеет овальную форму, его площадка 14 x 9 м вытянута с севера на юг и защищена двумя кольцевыми валами высотой 0,75-0,8 м и рвом между ними. При этом внутренний вал на некоторых участках выше, чем наружный. Поверхность площадки представляла собой серый слегка гумусированный слой дерна 0,15 - 0,2 м толщиной, залегавший на желтом материковом песке. В почвенном слое найдены обломки лепной глиняной

посуды, возможно IX-X вв., и фрагменты гончарного сосуда, датируемые XII-XIII вв. (Третьяков. 1963. С. 126). Была вскрыта примерно одна треть площадки и участок примыкавшего к ней вала. Установлен характер деревянных сооружений (рис. 5). Постройка на площадке представляла собою навес, окружавший внутренний дворик овальной формы длиной 9 м и шириной около 7 м. По краю дворика навес поддерживался рядом массивных столбов. На столбах были стропила, на которых лежали наклонно бревна, представлявшие собою кровлю, другой конец которых упирался в дно канавки, выкопанной в материке. Бревенчатый навес был перекрыт дерном. На расстоянии 1,6 м от края навеса и канавки и параллельно ей находилась канавка, в которой крепилась стена типа массивного плетня. Она являлась наружной облицовкой песчаного вала, ограниченного с одной стороны навесом и плетнем с другой стороны. Ее высота достигала 2 м. Возможно, на вершине вала были еще деревянные оборонительные стены. Высота навеса у открытого дворика достигала 2,5 м. При разрушении навеса и плетневой стены насыпь вала расплылась. Все сооружение в Шапыреве (общая планировка, столбовая конструкция, особенности крепления опор и пр.) построено по типу оборонительных убежищ тушемлинской культуры. Но вместе с тем есть и отличие: отсутствие очагов в помещении под навесом, каменная кладка на дне рва между валами со следами неоднократного разводимого огня, отсутствие культурного слоя, содержащего следы хозяйственной деятельности и кухонные отбросы. Это дает основание предполагать, что болотное городище в Шапырево использовалось преимущественно в ка-

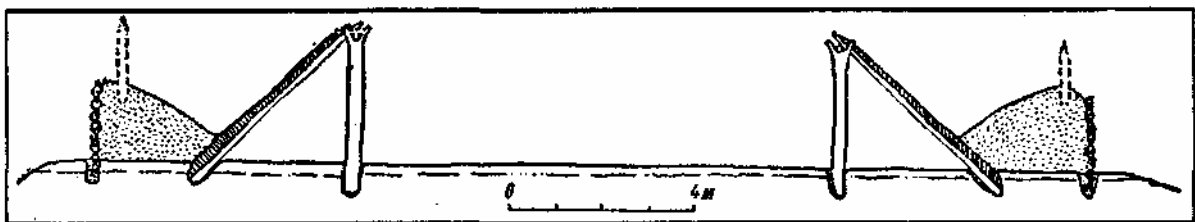

Рис. 5. Профиль реконструкции святилища Шапырево (по П. Н. Третьякову)

честве святилища для проведения языческих обрядов. Но это вовсе не исключает возможность использования его в качестве временного убежища, поскольку для языческих обрядов вряд ли были нужны высокие земляные валы, дополненные высокой деревянной стеной, и мощный деревянный настил навеса с земляным покрытием.

По вопросу о времени функционирования болотных городищ в качестве святилищ и о населении, которое их использовало, нет единого мнения. В. В. Седов считает, что болотные городища сооружались и использовались славянским населением (кривичами) в раннем средневековье. Основным аргументом такому выводу служит расположение в одном и том же районе болотных городищ и раннесредневековых славянских селищ, датируемых VIII-XIII вв. (Седов. 1960. С. 123; Седов. 1962. С. 57-64). Это мнение В. В. Седова разделяют И. П. Русанова и Б. А. Тимошук (Русанова, Тимошук. 1993. С. 20-23). П. Н. Третьяков рассматривает болотные городища «в качестве культовых мест». Подводя итоги изучению городища Шапырево, он приходит к выводу: «...городище на Березинке по своему устройству оказалось как бы несколько упрощенным вариантом сооружений типа Тушемля — Слобода-Глушица. Нет никакого сомнения в том, что

это памятники одной и той же культуры, сооружения, воздвигнутые одним и тем же населением», т. е. он считает, что население, оставившее городища-убежища типа Тушемля и болотные городища типа Шапырево, принадлежало к балтской этнокультурной общности. «В конце I тысячелетия н. э. местное балтийское население оказалось на Смоленщине в окружении славянских поселений и, вероятно, в политической зависимости от новых хозяев края. Именно в этих условиях места языческого культа были спрятаны в леса и болота» (Третьяков. 1963. С. 39). С нашей точки зрения, болотные городища как культовые места по традиции могли использовать местные славянизированные балты и в начале II тыс. н. э. в условиях ранней древнерусской государственности.

Известные к настоящему времени и рассмотренные нами в данной статье материалы дают основание считать, что в течение всего I тысячелетия н. э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье сооружались языческие святилища как днепродвинскими племенами, так и их преемниками — тушемлинскими племенами. Устройство святилищ в течение тысячелетия претерпевало эволюционные изменения (конструктивные особенности и размеры), но в целом оставалось в рамках одной и той же традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия СГУ. Смоленск. 1926. Т. 3. Вып. 3. С. 179-296.
2. Русанова И. П. Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.
3. Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VII-XV вв.). М., 1960.
4. Седов В. В. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. 1960. Вып. 87.
5. Третьяков П. Н. Древние городища Смоленщины // П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
6. Шмидт Е. А. Длинные курганы у д. Слобода-Глушица // П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
7. Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепродвинские племена. (VIII в. до н. э. - III в. н. э.). М., 1992.
8. Шмидт Е. А. Городище Самсонцы в Смоленском Подвинье // Смоленские древности. Смоленск, 2002. Вып. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГЭ - Архив Государственного Эрмитажа
АИИМК РАН - Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ - Вестник древней истории
ГАЗ - Гісторычна-археолёгічны зборнік
ГАИМК - Государственная Академия истории материальной культуры
ЗРАО - Записки Русского археологического общества
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
НАНБ - Национальная Академия наук Беларуси
НАРБ - Национальный архив Республики Беларусь
НиС - Нумизматика и сфрагистика
РА - Российская археология
СА - Советская археология
СГУ - Смоленский государственный университет
СНК - Совет Народных Комиссаров
СЭ - Советская этнография
LA - Lietuvos archeologija
MADA - Mokslu akademijos darbai. A serija.
WNA - Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию Эдуарда Михайловича Загоруйского (А. А. Егорейченко) _____	3
В. С. Вяргей Раннеславянскае жытло з паселішча Ліпляны-6 на р. Убарць _____	5
А. А. Егорейченко Основные формы посуды культуры поздней штрихованной керамики _____	14
О. В. Иов Несвижский монетный клад 2002 года _	22
Т. Н. Коробушкина Среднее Побужье в IX-XIII вв. _____	28
А. М. Медведев Население Центральной и Восточной Беларуси в эпоху Великого переселения народов _____	37
С. Е. Рассадин «Скифы особые, отложившиеся от цар- ских»: вариант историко-археологиче- ской интерпретации _____	45
В. Н. Рябцевич Находки кладов и единичных монет XIV-XV вв. на территории Беларуси (материалы) _____	57
В. В. Седов Становление первых городов в Север- ной Руси _____	68
А. В. Тетерник Из истории учреждения ордена Трудо- вого Красного Знамени БССР _____	75
В. І. Шадьра Да пытання аб сацыяльнай структуры і вераваннях насельніцтва Паўночнай Беларусі ў раннім сярэднявеччы _____	78
Е. А. Шмидт Языческие святилища в Смоленском Поднепровье и Подвинье _____	88
Список сокращений _____	98

Научное издание

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**Доклады международной
научной конференции,
посвященной
75-летию профессора
Э. М. Загорульского
и 30-летию кафедры
археологии и специальных
исторических дисциплин БГУ**

Минск, 16 января 2004 г.

В авторской редакции

Технический редактор *Г. М. Романчук*
Корректор *Е. И. Бондаренко*
Компьютерная верстка *О. В. Иова,*
Т. В. Шестаковой

Ответственный за выпуск *Т.М. Турчиняк*

Подписано в печать 06.05.2004.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Lazurski. Печать офсетная.

УСЛ. печ. л. 11,63 + вкл. Уч.-изд. л. 7,59 + вкл.

Тираж 100 экз. Зак. 805

Белорусский государственный университет.

Лицензия на осуществление издательской деятельности

№ 02330/0056804 от 02.03.2004.

220050, Минск, проспект Франциска Скорины, 4.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр

Белорусского государственного университета».

Лицензия ЛП № 461 от 14.08.2001.

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.